А.В. ТУЛЯНКИН

ПРОДОЛЖЕНИЕ EVENT-РОМАНА

АЙ ЭМ ПРОМОУТЕР 2

ЗА РАМКАМИ РЕАЛЬНОСТИ

АЛЕКСЕЙ ТУЛЯНКИН

АЙ ЭМ ПРОМОУТЕР 2

ЗА РАМКАМИ РЕАЛЬНОСТИ

Содержание

Глава I. Никто не возвращается прежним.....3
Глава II. Девушка, которой не было.....31
Глава III. Время, которого не существует.....57
Глава IV. Человек, которого я забыл.....79
Глава V. Тот, кто остался.....101
Глава VI. Цена одного желания.....133
Глава VII. Город незаконченных историй.....167
Глава VIII. Карнавал, который никогда не заканчивается.....204
Глава IX. Галерея потерянного времени.....258
Глава X. Последний пожар.....304
Глава XI. Человек, который нарисовал выход.....348
Глава XII. Никто не исчезает навсегда.....386

ГЛАВА I

Никто не возвращается прежним

— • —

Октябрьское утро было по-летнему солнечным и совершенно бессмысленным.

Ян проснулся от телефонного звонка. Вернее, проснулся он значительно раньше, но ещё минут двадцать лежал с закрытыми глазами, пытаясь убедить себя, что имеет полное право не вставать. Право это было заслужено многолетним трудом, бессонными ночами, бесконечными переговорами и тем обстоятельством, что теперь он, в общем-то, сам себе начальник.

Правда, последнее обстоятельство почему-то совершенно не помогало.

Телефон надрывался на прикроватной тумбочке.

Ян протянул руку, нащупал аппарат и, не открывая глаз, поднёс его к уху.

— Да.

— Ян, привет! Ты не спишь?

— Нет. Я просто лежу с закрытыми глазами и разговариваю с тобой во сне.

— Слушай, тут небольшая проблема.

Ян открыл один глаз.

За последние несколько лет он успел заметить любопытную закономерность. Если человек начинал разговор словами «небольшая проблема», это означало, что проблема уже

достаточно большая, чтобы испортить ему день, но ещё недостаточно большая, чтобы звонивший решился произнести её настоящий масштаб.

— Какая?

— У нас артист не приедет.

— Какой артист?

— Ну, этот. Который с огнём.

— У нас их трое.

— Который главный.

— Главный у нас заказчик. И если он узнает, что за полтора миллиона рублей мы собираемся поджечь ему банкетный зал, то главным стану я. По уголовному делу.

На другом конце провода нервно хохотнули.

— Да не, Ян, серьёзно. Он заболел.

— Чем?

— Не знаю. Говорит, температура.

— Скажи, что мы ему за неё доплатим. Пусть приезжает со своей температурой, у нас тут своих градусов хватает.

— Ян!

— Ладно. Позвони второму. Пусть программу переделает. И выясни наконец, согласовали ли пожарные площадку.

— Так я тебе поэтому и звоню…

Ян сел на кровати.

— Не согласовали?

— Ну, как сказать…

— Словами. Желательно русскими.

— Они говорят, что открытый огонь нельзя.

— Прекрасно. Значит, артист выздоровел.

Он сбросил вызов и посмотрел на часы.

11:43.

За окном стояла та редкая московская погода, которая обычно случается либо в день, когда ты обязан работать, либо в тот момент, когда уже купил билеты в другую страну. Солнце освещало крыши соседних домов, деревья ещё сохраняли остатки жёлтой листвы, и даже припаркованные во дворе автомобили выглядели почти прилично.

Когда-то Ян считал, что хороший день обязательно должен начинаться с какого-нибудь события.

Теперь он знал, что лучший день — это день, в который ничего не происходит.

И всё-таки именно такие дни почему-то переносились тяжелее остальных.

Он поднялся, прошёл на кухню и включил кофемашину.

Машина послушно загудела, выплюнула несколько капель воды, помолчала и сообщила, что необходимо очистить контейнер для отходов.

— Ну конечно, — сказал Ян. — У тебя тоже проблемы.

Он вытащил контейнер, вытряхнул кофейную гущу и задумался, глядя на коричневую массу в мусорном ведре.

В сущности, вся его профессиональная деятельность за последние годы сводилась примерно к тому же самому. Кто-нибудь обязательно что-нибудь производил, затем кто-нибудь другой обязательно это портил, а Ян должен был вовремя обнаружить последствия и сделать так, чтобы окружающие ничего не заметили.

За это ему платили деньги.

Иногда очень хорошие.

Настолько хорошие, что он уже перестал понимать, зачем ему столько работать.

К тридцати с небольшим годам Ян добился почти всего, о чём мечтал в юности.

У него было собственное дело, несколько сотрудников, постоянные заказчики и довольно внушительная коллекция телефонных номеров людей, которые могли достать практически что угодно.

Если заказчику требовалось привести живого верблюда на двадцать третий этаж делового центра, Ян знал, кому позвонить.

Если требовалось сделать так, чтобы верблюд не испражнялся на дорогой ковролин, он знал, кому позвонить ещё раз.

И даже если заказчик в последний момент передумывал и вместо верблюда требовал белого медведя, Ян уже не испытывал того священного ужаса, который охватывал его в первые годы работы.

Он просто уточнял бюджет.

Деньги, как выяснилось, обладали удивительным свойством превращать самые нелепые человеческие фантазии в технические задания.

Когда-то ему казалось, что организация мероприятий — это искусство. Способ создавать новые миры, пусть ненадолго, пусть всего на одну ночь, но такие, в которых человек мог бы почувствовать себя совершенно иначе.

Теперь он всё чаще сталкивался с тем, что заказчикам новые миры были совершенно не нужны.

Им требовалась фотозона.

Желательно с логотипом.

И чтобы гости обязательно выложили фотографии в социальные сети.

Он допил кофе, открыл ноутбук и пробежался по сообщениям.

«Ян, доброе утро!»

«Ян, срочно!»

«Ян, согласуйте, пожалуйста».

«Ян, а можно ещё один маленький вопрос?»

«Ян, заказчик передумал».

Последнее сообщение было особенно неприятным.

Ян открыл переписку.

Заказчик передумал относительно цвета салфеток.

Вместо бежевых требовались белые.

При этом белые салфетки были изначально, но три дня назад заказчик потребовал заменить их бежевыми, потому что белые, по его мнению, создавали слишком больничную атмосферу.

Теперь выяснилось, что бежевые напоминают ему похороны.

Ян некоторое время рассматривал экран.

Потом написал:

«Белые согласованы».

И добавил:

«До следующего изменения концепции».

Он хотел поставить улыбающийся значок, но передумал.

Юмор в деловой переписке был опасным инструментом. Люди, готовые заплатить полмиллиона рублей за воздушные шары, нередко оказывались совершенно неспособны понять шутку стоимостью в одно предложение.

Телефон снова зазвонил.

На этот раз звонил Игорь.

— Здорово, миллионер!

— Ты опять денег хочешь?

— Я тебе звоню исключительно по дружбе.

— Значит, много.

— Слушай, ты сегодня на площадку поедешь?

— Придётся.

— Отлично. Я там буду через час. Надо кое-что обсудить.

— По телефону нельзя?

— Можно. Но я хочу посмотреть тебе в глаза.

— Игорь, если ты беременный, я тут ни при чём.

— Идиот. Через час буду.

Ян усмехнулся.

Из всех людей, которых он встретил за последние годы, Игорь оставался одним из немногих, с кем можно было разговаривать без необходимости что-либо изображать.

Им не требовалось производить друг на друга впечатление, доказывать собственную состоятельность или рассказывать, как замечательно идут дела.

Они слишком много знали друг о друге.

И, что особенно важно, слишком многое предпочитали не вспоминать.

Банкетный зал располагался на территории бывшего промышленного предприятия, которое предприимчивые владельцы превратили в модное пространство.

В Москве это давно стало своеобразной традицией.

Если раньше в здании производили подшипники, то теперь там непременно должны были производить впечатление.

Старые кирпичные стены очищали от штукатурки, подвешивали под потолком лампочки на длинных проводах, ставили несколько кожаных диванов и начинали сдавать помещение за совершенно неприличные деньги.

При этом туалеты нередко оставались такими же, какими их проектировали для рабочих третьей смены.

Ян припарковал машину возле служебного входа.

У дверей курили двое монтажников. Один держал в руках рулон чёрной изоленты, другой — недоеденный бутерброд.

— Здорово, мужики. Как дела?

— Нормально, — ответил первый.

— Всё готово?

— Почти.

Ян остановился.

Слово «почти» он ненавидел даже больше, чем выражение «небольшая проблема».

— Что значит почти?

— Да там конструкция одна не встаёт.

— Какая?

— Главная.

Ян медленно посмотрел на монтажника.

— А остальные?

— Остальные нормально.

— То есть главная конструкция не встаёт, зато все второстепенные стоят?

— Ну да.

— Прекрасно. Можно открывать выставку второстепенных конструкций.

Монтажник хмыкнул.

— Сейчас разберёмся.

Ян прошёл внутрь.

Посреди зала стояла огромная декоративная арка, выполненная в виде золотых крыльев. По замыслу дизайнера гости должны были проходить между ними и чувствовать себя существами исключительной важности.

На практике крылья упирались в потолочную балку.

Под конструкцией стояли четыре человека и оживлённо спорили, кто виноват.

— Доброе утро, — произнёс Ян.

Все четверо повернулись.

— Ян, тут такое дело…

— Я вижу. Крылья не взлетели.

— По чертежам всё проходило!

— А по потолку?

Никто не ответил.

Ян подошёл ближе, осмотрел крепления, попросил рулетку и через несколько минут предложил убрать нижние декоративные элементы, опустить арку и закрыть место соединения тканью.

— Но тогда она будет ниже! — возмутился декоратор.

— Насколько?

— Сантиметров на сорок.

— И что?

— Концепция нарушится!

— У нас концепция «Райский сад», а не «Покорение Эвереста». Сорок сантиметров переживём.

Через десять минут работа возобновилась.

Ян отошёл к барной стойке и налил себе воды.

Раньше подобная ситуация вызвала бы у него целую бурю эмоций. Он бегал бы по площадке, ругался, придумывал, спорил, вдохновлял людей, а потом ещё долго рассказывал знакомым, как чудом спас мероприятие.

Теперь он даже не запомнил лиц тех, кто спорил под аркой.

Это было странно.

Он умел решать проблемы, но перестал получать удовольствие от их решения.

Умел придумывать праздники, но почти никогда на них не оставался.

Умел создавать настроение для сотен незнакомых людей, но всё реже понимал, что делать с собственным.

— Ну что, великий комбинатор!

Игорь появился у входа в зал с неизменной улыбкой человека, который пришёл посмотреть, как работают другие.

Он немного располнел, стал одеваться дороже и приобрёл привычку держать телефон в руке даже тогда, когда разговаривал с живым человеком.

— Ты рано, — заметил Ян.

— Я всегда вовремя.

— В прошлый раз ты на два часа опоздал.

— Значит, тогда было другое время.

Они пожали друг другу руки.

— Как жизнь? — спросил Игорь.

— Дорого.

— А по существу?

— По существу ещё дороже.

Игорь рассмеялся.

— Пошли кофе выпьем. Есть разговор.

Они устроились в небольшом кафе напротив площадки.

Игорь заказал двойной эспрессо, Ян — чай.

— Ты чего, кофе бросил? — удивился Игорь.

— Нет. Просто решил дать сердцу возможность пожить отдельно от работы.

— Стареешь, брат.

— Ты тоже не молодеешь.

— Зато я красивый.

— Это спорный вопрос.

Игорь сделал глоток и откинулся на спинку кресла.

— Слушай, помнишь наш первый клуб?

Ян посмотрел на него.

— Какой именно?

— Ну, тот. Который Аркадий нам хотел отдать.

— Конечно.

— Я вчера мимо проезжал.

— И что там?

— Аптека.

— Серьёзно?

— Ага. Причём круглосуточная.

Ян невольно улыбнулся.

Когда-то они с Игорем стояли посреди голых оштукатуренных стен и представляли, как будут открывать собственный клуб. Им казалось, что впереди начинается совершенно новая жизнь.

В каком-то смысле так оно и произошло.

Только жизнь эта оказалась совсем не такой, какой они её представляли.

— Представляешь, — продолжал Игорь, — там, где мы хотели бар сделать, теперь отдел слабительных.

— Логично. Контингент примерно тот же.

Они рассмеялись.

Потом некоторое время молчали.

За соседним столиком две девушки обсуждали какое-то мероприятие. Одна уверяла другую, что главное — придумать концепцию, а всё остальное можно отдать подрядчикам.

Ян слушал их вполуха.

Когда-то он и сам говорил нечто подобное.

Только тогда слово «концепция» означало для него нечто гораздо большее, чем набор картинок в презентации.

— А помнишь того деда? — неожиданно спросил он.

— Какого?

— С баяном.

Игорь нахмурился.

— Опять ты за своё?

— Да я просто вспомнил.

— Ян, мы же это уже обсуждали.

— Я знаю.

— Не было никакого деда.

— Дядя Паша его звали.

— Да хоть дядя Вася.

Игорь поставил чашку.

— Слушай, ты тогда сильно загонялся. У тебя вся эта история с клубом, девчонками, непонятными приключениями. Мало ли что в голове могло перемешаться.

— Ты хочешь сказать, я его придумал?

— Я хочу сказать, что лично никогда его не видел.

— А я видел.

— Ну и хорошо.

— И разговаривал с ним.

— Прекрасно.

— И он играл на баяне.

— Ян, если тебе так нужен баянист, я тебе на день рождения закажу. С баяном, с гармошкой, с оркестром народных инструментов. Только отстань от меня с этим дедом.

Ян усмехнулся, но продолжать разговор не стал.

За прошедшие годы он и сам неоднократно пытался разобраться в том, что произошло тогда.

Некоторые воспоминания постепенно стирались, теряли подробности, превращались в смутные образы, которым уже трудно было доверять.

Другие, напротив, оставались удивительно отчётливыми.

Он помнил белые стены будущего клуба.

Помнил странную пустоту, которая внезапно окружила его.

Помнил Алю.

И её слова о том, что волшебная улица была частью его самого.

Особенно хорошо он помнил дядю Пашу.

Старую кепку, папиросу в уголке рта, баян и мелодию, которую, казалось, невозможно было забыть.

Но самое неприятное заключалось в другом.

За все прошедшие годы Ян так ни разу и не услышал эту мелодию снова.

Иногда он пытался напеть её.

И каждый раз обнаруживал, что не помнит ни одной ноты.

Оставалось только чувство.

Как будто музыка продолжала звучать где-то внутри, но добраться до неё было невозможно.

— Эй! — Игорь щёлкнул пальцами перед его лицом. — Ты где?

— Здесь.

— Что-то не похоже.

— Задумался.

— Вот и не надо. Думать вредно. Особенно о прошлом.

Игорь посмотрел на часы.

— Ладно, мне ехать пора. Слушай, я тебе вечером кое-что скину. Там интересный заказ намечается.

— Опять корпоратив?

— Не совсем.

— Свадьба?

— Нет.

— Похороны?

— Типун тебе на язык!

— Тогда что?

— Выставка какая-то. Частная галерея. Хотят мероприятие для своих.

— И что интересного?

— Деньги.

— Сколько?

Игорь назвал сумму.

Ян приподнял брови.

— За выставку?

— Вот именно.

— Может, они картины хотят сжечь?

— Не знаю. Но за такие деньги можно и посмотреть.

Они поднялись из-за стола.

Уже у выхода Игорь обернулся.

— И ещё, Ян.

— Что?

— Ты бы отдохнул.

— С чего вдруг?

— Да какой-то ты… Не знаю. Раньше у тебя глаза горели.

— Сейчас тоже горят. От монитора.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Игорь хотел что-то добавить, но передумал.

Они попрощались.

Ян вышел на улицу и остановился возле машины.

Солнце уже скрылось за облаками. Ветер гонял по тротуару сухие листья, и Москва постепенно приобретала свой обычный осенний вид — немного уставший, серый и совершенно равнодушный к человеческим переживаниям.

Он достал телефон.

Новых сообщений было двадцать семь.

Ян убрал аппарат обратно в карман.

Впервые за долгое время ему совершенно не хотелось ни на одно из них отвечать.

К вечеру погода окончательно испортилась.

Небо опустилось почти до крыш, мелкий дождь покрывал лобовое стекло автомобиля, а московские пробки приобрели ту особую безнадёжность, которая возникает, когда тысячи людей одновременно решают, что им необходимо срочно оказаться дома.

Ян стоял на Садовом кольце и смотрел на красные огни впереди.

Когда-то он любил ночную Москву.

Ему нравились пустые улицы, освещённые витрины, случайные прохожие и ощущение, что где-то совсем рядом происходит нечто интересное, к чему он ещё не успел присоединиться.

Теперь он знал слишком много о том, что происходит за этими витринами.

За красивыми дверями ресторанов официанты ругались с администраторами. В ночных клубах охранники выгоняли пьяных посетителей. В концертных залах техники разбирали оборудование, а артисты спорили о гонорарах.

Вся эта праздничная жизнь, прежде казавшаяся ему удивительным миром, давно обнажила свой хозяйственный механизм.

Волшебство оказалось довольно дорогим удовольствием.

Причём главным образом для тех, кто его создавал.

Телефон коротко звякнул.

Игорь прислал сообщение.

«Глянь. Тема интересная. Завтра хотят встретиться».

Ниже находился файл с названием «Закрытая экспозиция».

Ян открыл документ.

В нём было всего несколько страниц.

Ни подробной сметы, ни технического задания, ни привычного списка пожеланий заказчика.

Только адрес старинного особняка, дата предполагаемого мероприятия и несколько фотографий интерьеров.

Высокие потолки, лепнина, потемневший паркет, массивные двери.

На одной из фотографий виднелся длинный зал с картинами в тяжёлых деревянных рамах.

Ян увеличил изображение.

В самом конце помещения, возле окна, стояло полотно, повёрнутое к стене.

Странная деталь.

Обычно фотографии выставочных пространств делали так, чтобы показать картины, а не их оборотную сторону.

Он пролистал документ дальше.

Последняя страница содержала только одну строчку:

«Предварительный осмотр помещения проводится лично организатором. Присутствие третьих лиц нежелательно».

— Какие мы загадочные, — пробормотал Ян.

Он набрал Игоря.

— Слушай, а кто заказчик?

— Не знаю. Через знакомых вышли.

— А чего они хотят?

— Я же тебе файл скинул.

— В файле ничего нет.

— Ну вот на встрече и узнаешь.

— Почему я?

— Потому что ты у нас творческий человек.

— А ты?

— А я у нас коммерческий.

— Замечательное распределение обязанностей.

— Слушай, Ян, съезди. Вдруг что-нибудь интересное.

Ян посмотрел на адрес.

До галереи было минут двадцать, если московское дорожное движение вдруг решит проявить милосердие.

— Ладно. Завтра заеду.

— Только они завтра не могут.

— А когда могут?

— Сегодня.

— Игорь, ты издеваешься?

— Они до девяти работают.

Ян посмотрел на часы.

Восемь двадцать.

— Прекрасно.

— Ну, успеешь?

— Если нарушу несколько правил дорожного движения и одно уголовное, то вполне.

— Вот и отлично!

Игорь отключился.

Ян ещё раз посмотрел на фотографию пустого зала.

Почему-то ему не хотелось откладывать эту встречу.

Не потому, что заказ обещал хорошие деньги.

И даже не потому, что помещение выглядело необычно.

Было в этих фотографиях что-то знакомое.

Не сами стены, не картины и не архитектура.

Скорее ощущение.

Будто он уже когда-то находился в подобном месте.

Или собирался туда попасть.

Особняк стоял в глубине небольшого переулка.

Двухэтажное здание с колоннами и высокими окнами выглядело несколько нелепо среди современных офисов и припаркованных автомобилей.

Над входом висела небольшая бронзовая табличка.

Никакой вывески, никаких рекламных конструкций.

Только название галереи, выполненное старомодным шрифтом.

Ян поднялся по ступеням и потянул тяжёлую дверь.

Заперто.

Он достал телефон, собираясь позвонить Игорю, но в этот момент за матовым стеклом возникла чья-то тень.

Щёлкнул замок.

Дверь открылась.

На пороге стояла пожилая женщина.

Невысокая, сухощавая, в тёмном платье и сером вязаном кардигане.

Седые волосы были аккуратно собраны на затылке.

Женщина посмотрела на Яна с таким выражением, словно он опоздал на встречу, назначенную много лет назад.

— Добрый вечер, — сказал Ян. — Я по поводу мероприятия.

— Проходите.

Он вошёл в небольшой вестибюль.

Внутри пахло старым деревом, воском и чем-то ещё, что Ян не сразу смог определить.

Кажется, масляными красками.

— Вы здесь работаете? — спросил он.

— Да.

— А с кем можно обсудить организацию выставки?

— Со мной.

Ян немного удивился.

— Отлично. Тогда давайте познакомимся. Меня…

— Ян, — произнесла женщина.

Он замолчал.

— Да. А откуда вы…

— Вас предупредили, что вы приедете.

— А, ну да. Логично.

Женщина едва заметно улыбнулась.

— Вы всегда стараетесь найти логичное объяснение?

— По работе приходится. Иначе давно бы сошёл с ума.

— Не уверена, что это помогает.

Ян усмехнулся.

— Вы знаете, мне тоже иногда так кажется.

Женщина закрыла за ним дверь.

— Пойдёмте. Я покажу вам залы.

Галерея оказалась значительно больше, чем представлялось с улицы.

За вестибюлем располагался широкий коридор, переходивший в анфиладу комнат. Стены были окрашены в приглушённые зелёные и бордовые тона, картины освещались отдельными светильниками, а на полу лежал старый паркет, который негромко поскрипывал при каждом шаге.

Ян оглядывался с профессиональным интересом.

Помещение было красивым, но неудобным.

Узкие проходы, отсутствие нормального служебного входа, ограниченная электрическая мощность.

Он уже мысленно составлял список проблем.

— Сколько гостей планируете? — спросил он.

— Пока неизвестно.

— Хотя бы приблизительно?

— Немного.

— Немного — это двадцать или двести?

— Столько, сколько потребуется.

Ян посмотрел на женщину.

— Простите, но для организации мероприятия мне нужны более конкретные данные.

— Конечно.

Она остановилась возле картины с изображением зимнего леса.

— А вам нравится живопись?

— Смотря какая.

— Например, эта.

Ян посмотрел на полотно.

Обычный заснеженный лес. Тонкие деревья, уходящая вдаль тропинка, тусклое зимнее солнце.

Работа была выполнена мастерски, но ничего особенного он в ней не увидел.

— Красиво, — ответил Ян.

— Только красиво?

— Ну, я не искусствовед.

— А что вы видите?

— Лес.

— И всё?

Ян немного подумал.

— Деревья. Снег. Тропинка. Если это какой-то психологический тест, предупреждаю сразу: я не готовился.

Женщина улыбнулась.

— А куда ведёт тропинка?

— Судя по картине, в лес.

— Вы уверены?

— Нет. Возможно, к ближайшему торговому центру. Сейчас их везде строят.

Женщина тихо рассмеялась.

Смех у неё оказался неожиданно молодым.

— Хорошо, Ян. Пойдёмте дальше.

Они прошли ещё несколько залов.

Ян задавал вопросы о площадке, но ответы получал весьма неопределённые.

Постепенно ему стало казаться, что женщина совершенно не заинтересована в организации мероприятия.

Скорее она проводила для него экскурсию.

Причём довольно странную.

У каждой картины она ненадолго останавливалась, словно ожидала от него какой-то реакции.

На одних полотнах были изображены городские улицы, на других — люди, на третьих — совершенно фантастические пейзажи.

Особенно запомнилась Яну небольшая картина с пустой сценой.

Посреди сцены стоял деревянный стул.

Над ним висела единственная лампочка.

Почему-то это изображение показалось ему неприятным.

— Кто автор? — спросил он.

— Неизвестен.

— Как это?

— Картина появилась здесь много лет назад. Документов не сохранилось.

— И вы её выставляете?

— А почему нет?

Ян пожал плечами.

— Ну, вообще-то логично.

Женщина внимательно посмотрела на него.

— Вы опять произнесли это слово.

— Какое?

— Логично.

— Профессиональная деформация.

— Возможно.

Она двинулась дальше.

Ян задержался возле картины.

Ему показалось, что лампочка на изображении слегка покачивается.

Он моргнул.

Нет.

Обычная картина.

Наверное, светильник над ней создавал странную тень.

Ян поспешил за смотрительницей.

Последний зал находился в конце длинного коридора.

Здесь было заметно прохладнее.

Окна закрывали тяжёлые шторы, а освещение казалось слишком слабым для выставочного помещения.

На стенах висело всего несколько картин.

Женщина остановилась у входа.

— Здесь мы обычно заканчиваем экскурсию.

— Почему?

— Так принято.

— У вас вообще много необычных правил.

— У каждого места свои правила.

Ян вошёл в зал.

На противоположной стене висела большая картина.

Он заметил её не сразу.

Сначала внимание привлекла тяжёлая рама — тёмное дерево с потускневшими золотыми вставками.

Потом сам пейзаж.

Небольшой городской двор.

Старые дома.

Мокрый асфальт.

Железная скамейка под фонарём.

Вдалеке виднелась женская фигура.

Женщина стояла спиной к зрителю.

На ней было светлое пальто.

Ян приблизился.

Что-то в изображении показалось ему знакомым.

Не двор.

Не дома.

Женщина.

Он остановился в двух шагах от картины.

В груди возникло неприятное чувство, похожее на то, которое испытываешь, внезапно услышав давно забытый голос.

— Что это за работа? — спросил он.

— Она вам понравилась?

— Не знаю.

— Но вы остановились.

— Просто…

Ян замолчал.

Он смотрел на женскую фигуру.

Плечи, волосы, едва заметный поворот головы.

Всё это напоминало ему Асю.

Имя возникло в памяти совершенно неожиданно.

За прошедшие годы он научился не думать о некоторых вещах.

Не потому, что забыл.

Просто человеческая память обладает удивительной способностью прятать самое важное туда, куда мы стараемся не заглядывать.

И теперь это имя, давно не произносимое вслух, вдруг возникло с такой ясностью, словно он слышал его вчера.

— Ася… — тихо произнёс Ян.

— Что? — спросила женщина.

— Ничего.

Он подошёл ещё ближе.

Лицо изображённой девушки было скрыто.

Но Ян вдруг совершенно отчётливо почувствовал, что знает, кто стоит на картине.

Это было нелепо.

Глупо.

И, конечно, совершенно невозможно.

Он повернулся к смотрительнице.

— А кто художник?

— Не знаю.

— Опять?

— Да.

— У вас тут прямо собрание анонимных талантов.

Женщина ничего не ответила.

Ян снова посмотрел на картину.

Ему показалось, что девушка стоит немного иначе.

Он попытался вспомнить, как именно она была изображена несколько секунд назад.

Но не смог.

— Давно она здесь висит?

— Достаточно давно.

— А продаётся?

— Нет.

— Даже за хорошие деньги?

— Некоторые вещи нельзя купить, Ян.

Он усмехнулся.

— Поверьте, я работаю в такой сфере, где это утверждение регулярно опровергается.

— И всё-таки не всё.

Она подошла к двери.

— Нам пора заканчивать.

Ян посмотрел на часы.

Было без десяти девять.

— Да, конечно. Только по мероприятию мы так ничего и не обсудили.

— Обсудим в следующий раз.

— А когда он будет?

— Скоро.

Ян хотел возразить, но вдруг понял, что совершенно не испытывает желания обсуждать с ней банкет, световое оборудование или количество гостей.

Ему хотелось задать совсем другие вопросы.

Только он ещё не знал какие.

Они вернулись в вестибюль.

Женщина включила небольшой настольный светильник и достала из ящика старую книгу регистрации посетителей.

— Распишитесь, пожалуйста.

— Зачем?

— У нас так принято.

Ян взял ручку.

На странице уже стояло несколько подписей.

Некоторые были сделаны настолько давно, что чернила успели выцвести.

Он написал своё имя.

Женщина посмотрела на запись.

— Спасибо.

— Вам спасибо. Интересное место.

— Приходите ещё.

— Если заказчик утвердит мероприятие, обязательно.

— Не обязательно ждать заказчика.

Ян улыбнулся.

— У меня, к сожалению, не так много свободного времени.

— Время есть у всех. Просто не все знают, сколько.

Он поднял глаза.

Женщина произнесла эту фразу совершенно спокойно.

Но почему-то Ян почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Что-то похожее он уже слышал.

Много лет назад.

Он хотел спросить, что она имеет в виду, но в этот момент обнаружил, что телефона нет в кармане.

Проверил другой.

Пусто.

— Чёрт.

— Что случилось?

— Телефон где-то оставил.

— Возможно, в последнем зале.

— Сейчас вернусь.

Женщина не стала его останавливать.

Только посмотрела вслед.

— Не задерживайтесь, Ян.

Коридор был почти тёмным.

Большая часть освещения уже погасла, и лишь отдельные светильники продолжали освещать картины.

Ян быстро прошёл первый зал, затем второй.

Телефона нигде не было.

В третьем помещении он обнаружил аппарат на небольшом подоконнике.

Странно.

Он совершенно не помнил, чтобы оставлял его там.

Ян взял телефон.

Экран загорелся.

Двадцать девять пропущенных сообщений.

Ничего удивительного.

Он уже собирался возвращаться, когда услышал звук.

Очень тихий.

Почти неразличимый.

Будто кто-то провёл пальцами по старым клавишам музыкального инструмента.

Ян замер.

Звук повторился.

Теперь немного отчётливее.

Несколько нот.

Он почувствовал, как участилось сердцебиение.

Это была не просто музыка.

Он знал её.

Вернее, узнал ещё до того, как смог вспомнить.

Та самая мелодия.

Мелодия дяди Паши.

Ян медленно повернулся.

Звук доносился из последнего зала.

Он пошёл по коридору, стараясь ступать как можно тише.

Музыка оборвалась.

В зале никого не было.

Только картины.

Ян подошёл к большому полотну с городским двором.

И остановился.

Женщины на картине больше не было.

Там, где несколько минут назад стояла фигура в светлом пальто, теперь виднелся пустой тротуар.

Ян почувствовал, как пересохло во рту.

Он приблизился почти вплотную к полотну.

На мокрой скамейке под фонарём лежала старая кепка.

Сдвинутая набок.

С небольшим тёмным пятном на козырьке.

Ян узнал её сразу.

Он видел эту кепку десятки раз.

На голове пожилого гармониста, которого, по словам Игоря, никогда не существовало.

— Этого не может быть, — прошептал Ян.

Он протянул руку к картине.

Пальцы остановились в нескольких сантиметрах от поверхности.

Ему вдруг показалось, что от полотна веет холодным воздухом.

Не тем прохладным воздухом, который бывает в плохо отапливаемом помещении.

А настоящим уличным холодом.

С запахом мокрого асфальта, осенней листвы и далёкого дыма.

Ян отдёрнул руку.

За спиной скрипнула половица.

Он резко обернулся.

В дверях стояла смотрительница.

Она смотрела на него без удивления.

Скорее с какой-то усталой печалью.

— Я же просила вас не задерживаться.

Ян попытался что-то сказать, но слова застряли в горле.

Женщина подошла ближе.

Посмотрела на картину.

Потом на него.

— Она долго ждала, Ян.

— Кто?

Смотрительница не ответила.

— Кто? — повторил он громче.

Женщина перевела взгляд на пустую скамейку.

— Только теперь не заставляйте её ждать снова.

Где-то далеко, словно за стенами галереи, прозвучали первые ноты старой мелодии.

И в этот момент Ян заметил, что на картине зажёгся фонарь.

ГЛАВА II

Девушка, которой не было

— • —

Ян стоял перед картиной и пытался понять, что именно его беспокоит больше.

То, что изображённая девушка исчезла.

То, что на скамейке появилась кепка дяди Паши.

Или то, что пожилая женщина, стоявшая рядом, вела себя так, словно подобные вещи происходили здесь по вторникам и четвергам.

— Простите, — наконец произнёс он. — Вы сейчас серьёзно?

— Вполне.

— То есть вы хотите сказать, что девушка на картине меня ждала?

— Я сказала именно это.

— А куда она делась?

Смотрительница посмотрела на полотно.

— Ушла.

Ян некоторое время молчал.

— Замечательно. А когда вернётся, передайте, пожалуйста, что я заходил.

Женщина не улыбнулась.

Это немного раздражало. Ян привык, что даже в самых неприятных ситуациях люди хотя бы из вежливости реагируют на его шутки.

— Вам лучше уйти, — сказала она.

— Вот с этим я полностью согласен.

Он убрал телефон в карман и направился к выходу.

У самой двери остановился.

— Один вопрос.

— Слушаю.

— Вы знаете дядю Пашу?

Женщина медленно подняла глаза.

Впервые за весь вечер её лицо изменилось.

Совсем немного.

Но Ян заметил.

— Откуда вам известно это имя?

— Значит, знаете.

— Я задала вопрос.

— А я первый.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Затем смотрительница произнесла:

— Некоторые люди появляются в нашей жизни только для того, чтобы показать дорогу.

— А некоторые, видимо, чтобы окончательно запутать.

— Возможно.

Ян хотел продолжить разговор, но передумал.

В конце концов, он приехал сюда обсуждать организацию мероприятия, а оказался посреди какой-то дешёвой мистической постановки.

И если это действительно была постановка, то организована она была весьма неплохо.

Даже слишком.

На улице шёл дождь.

Ян сел в машину, завёл двигатель и некоторое время смотрел на освещённые окна особняка.

Ему хотелось позвонить Игорю.

Рассказать про странную старуху, исчезнувшую девушку и картину, от которой пахло мокрым асфальтом.

Но он довольно быстро представил себе этот разговор.

Игорь обязательно спросил бы, сколько Ян выпил.

Потом поинтересовался бы, не начал ли он снова разговаривать с баянистами.

А в конце посоветовал бы отдохнуть.

Последнее было особенно обидно, потому что именно это Игорь советовал ему практически при каждой встрече.

Ян достал телефон.

Открыл фотографию галереи, которую сделал перед уходом.

На экране была картина.

Скамейка.

Фонарь.

И девушка в светлом пальто.

Ян приблизил изображение.

Девушка стояла спиной.

Точно так же, как в первый раз.

Никакой кепки на скамейке не было.

Он посмотрел на особняк.

Потом снова на телефон.

— Ну прекрасно, — произнёс он. — Теперь ещё и фотографии врут.

Он увеличил снимок ещё сильнее.

И заметил странную деталь.

В нижнем правом углу картины, возле скамейки, виднелась небольшая тёмная фигура.

Человек.

Сидящий на корточках.

Ян не помнил, чтобы видел его раньше.

Он попытался рассмотреть лицо.

Изображение распалось на пиксели.

Но кое-что всё-таки удалось различить.

У человека в руках был баян.

На следующее утро Ян проснулся раньше будильника.

Для него это было событием настолько необычным, что он некоторое время лежал и прислушивался к собственному организму.

Ничего не болело.

Никто не звонил.

За окном не происходило ничего интересного.

Тем не менее спать совершенно не хотелось.

Он взял телефон и открыл вчерашнюю фотографию.

На экране был пустой городской двор.

Ни девушки.

Ни человека с баяном.

Только скамейка и фонарь.

Ян сел на кровати.

Проверил остальные фотографии.

Затем открыл сведения о файле.

Дата съёмки соответствовала вчерашнему вечеру.

Никаких признаков редактирования.

Он отправил изображение Игорю.

Следом написал:

«Ты вчера эту галерею сам видел?»

Ответ пришёл через несколько минут.

«Нет. А что?»

«Кто тебе дал контакт?»

«Знакомый».

«Какой?»

«Сейчас узнаю. Что случилось?»

Ян задумался.

Потом написал:

«Кажется, у них очень интересная концепция».

Игорь ответил почти сразу:

«Я же говорил! Бери заказ».

Ян усмехнулся.

Иногда способность Игоря видеть коммерческую перспективу даже там, где нормальный человек предпочёл бы вызвать психиатра, казалась ему поистине выдающейся.

К обеду Ян решил вернуться в галерею.

Разумеется, исключительно по работе.

По крайней мере, именно так он объяснил это самому себе.

В конце концов, заказчик действительно не предоставил ни технического задания, ни бюджета, ни точного количества гостей.

А значит, повторная встреча была совершенно необходима.

Он даже взял с собой ноутбук.

Для убедительности.

Особняк встретил его закрытыми дверями.

Ян нажал на звонок.

Никто не ответил.

Позвонил ещё раз.

Тишина.

Он обошёл здание, заглянул в боковые окна и обнаружил, что внутри совершенно темно.

Странно.

Вчера смотрительница уверяла, что галерея работает ежедневно.

Ян достал телефон и набрал номер, указанный в презентации.

Абонент оказался недоступен.

Он уже собирался уходить, когда заметил небольшую табличку возле входа.

Вчера её не было.

Во всяком случае, он совершенно точно её не помнил.

На потемневшей металлической пластине значилось:

«Частная художественная коллекция. Посещение по предварительной записи».

Ни названия.

Ни телефона.

Ни режима работы.

Только эта надпись.

— Прекрасный маркетинг, — пробормотал Ян. — Особенно для тех, кто не хочет клиентов.

— А вам кого?

Голос раздался за спиной.

Ян обернулся.

Возле ворот стоял мужчина лет шестидесяти в рабочей куртке. В руках он держал связку ключей и пластиковый пакет с продуктами.

— Галерею ищу.

— Ну вот она.

— Спасибо, без вас бы не догадался. А работает когда?

Мужчина посмотрел на здание.

— Не работает.

— Сегодня?

— Вообще.

Ян нахмурился.

— В каком смысле?

— В прямом. Закрыта давно.

— Насколько давно?

Мужчина пожал плечами.

— Лет десять, наверное. Может, больше.

Ян медленно повернулся к особняку.

— Подождите. Я вчера здесь был.

— Ну и что?

— Внутри.

— Не могли.

— Почему?

— Потому что закрыто.

Логика собеседника была настолько безупречной, что спорить с ней оказалось довольно трудно.

— Послушайте, — сказал Ян. — Я вчера встречался здесь с женщиной. Пожилая такая, седая. Она мне картины показывала.

Мужчина перестал перебирать ключи.

— С какой женщиной?

— Со смотрительницей.

— Как выглядела?

Ян описал её.

Мужчина некоторое время молчал.

Потом неожиданно спросил:

— А вы точно вчера были?

— Нет, знаете, я обычно по средам придумываю себе экскурсии.

— Я серьёзно.

— И я серьёзно.

Мужчина посмотрел на закрытые окна.

— Странно это.

— Что именно?

— Да была здесь такая.

— Смотрительница?

— Ну да.

— И где она сейчас?

Мужчина снова посмотрел на Яна.

— Умерла.

Ян почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось.

— Когда?

— Да лет восемь назад, наверное.

Он помолчал и добавил:

— При пожаре.

Ян смотрел на мужчину и ждал, когда тот рассмеётся.

Но мужчина не смеялся.

Он стоял возле ворот, перекладывал связку ключей из одной руки в другую и выглядел совершенно равнодушным к тому, что только что сообщил.

— При каком ещё пожаре? — переспросил Ян.

— При обычном. Горело здесь всё.

— Когда?

— Я же говорю, лет восемь назад.

— И она погибла?

— Ну да.

— А вы уверены?

Мужчина посмотрел на него с некоторым раздражением.

— Молодой человек, я здесь двадцать лет работаю. Думаете, мне заняться больше нечем, кроме как покойников придумывать?

— Нет, просто…

Ян замолчал.

В голове не укладывалось, что женщина, с которой он вчера разговаривал, могла умереть восемь лет назад.

Он помнил её голос.

Седые волосы.

Серый кардиган.

И даже то, как она улыбнулась, когда он пошутил про торговый центр посреди зимнего леса.

Воспоминания были слишком отчётливыми, чтобы списать их на усталость.

— А фотографии у вас есть? — неожиданно спросил Ян.

— Какие фотографии?

— Галереи. Старые. До пожара.

— А зачем?

Ян задумался.

Действительно, зачем?

Объяснить незнакомому человеку, что он ищет доказательства существования женщины, которая, возможно, уже восемь лет лежит на кладбище, было непросто.

— Я организатор мероприятий, — наконец сказал он. — Нам предложили провести здесь выставку. Хочу понять, что раньше было в здании.

Мужчина посмотрел на него с ещё большим недоверием.

— Выставку?

— Да.

— Здесь?

— Именно.

— Кто предложил?

— Заказчик.

— Какой заказчик?

— Если бы я знал, я бы у вас не спрашивал.

Мужчина покачал головой.

— Странные вы люди, организаторы.

— Это профессиональное.

Он уже собирался попрощаться, когда мужчина неожиданно произнёс:

— Погодите.

Ян остановился.

— Что?

— Фотографии, говорите?

— Да.

— В интернете посмотрите. Там после пожара писали. Даже телевидение приезжало.

— А как галерея называлась?

Мужчина назвал название.

Ян достал телефон и записал.

— Спасибо.

— Только вы туда больше не ходите.

— Почему?

Мужчина посмотрел на окна второго этажа.

— Нехорошее место.

— Это я уже понял.

— Нет, — тихо произнёс мужчина. — Не поняли.

В машине Ян первым делом открыл поисковик.

Название галереи оказалось настолько необычным, что результаты появились практически сразу.

Несколько старых публикаций.

Фотографии особняка.

Короткие заметки о пожаре.

Одна статья начиналась заголовком:

«Пожар в частной галерее: коллекция утрачена, смотрительница погибла».

Ян открыл материал.

Восемь лет назад поздним вечером в здании произошло возгорание. Огонь быстро распространился по деревянным перекрытиям. Пожарные прибыли через несколько минут, но спасти значительную часть коллекции не удалось.

Причина пожара осталась неизвестной.

В здании находилась пожилая сотрудница, которая, по словам очевидцев, отказалась покидать помещение.

Её тело обнаружили в одном из выставочных залов.

Ян перечитал последнее предложение.

Потом ещё раз.

Он попытался представить эту женщину среди огня и дыма.

Ту самую, которая вчера спокойно рассуждала о времени и человеческой памяти.

Не получалось.

На фотографии под статьёй был изображён особняк.

Чёрные окна.

Обгоревшие стены.

Пожарная машина у входа.

И толпа людей за ограждением.

Ян увеличил изображение.

В одном из окон второго этажа виднелось что-то светлое.

Возможно, занавеска.

Возможно, отражение вспышки.

Он приблизил фотографию ещё сильнее.

Качество было отвратительным.

Но ему показалось, что возле окна стоит человек.

Женщина.

В светлом пальто.

— Да ну к чёрту, — пробормотал Ян.

Он закрыл фотографию.

Через несколько секунд открыл снова.

Женщины в окне не было.

Только тёмный прямоугольник с обгоревшей рамой.

Ян положил телефон на пассажирское сиденье.

Посидел немного.

Затем снова взял его.

В конце концов, человек имеет право несколько раз проверить то, что кажется ему невозможным.

Особенно если невозможное начинает повторяться с неприятной регулярностью.

Игорь ответил после третьего гудка.

— Ну что, великий искусствовед? Договорился?

— Слушай, а ты точно знаешь, кто нам этот заказ прислал?

— Опять ты с этим?

— Игорь, серьёзно.

— Да знакомый один. Я ему уже написал.

— Какой знакомый?

— Андрей. Мы с ним на корпоративе познакомились.

— Фамилия?

— Не помню.

— Телефон?

— Сейчас скину.

— А он чем занимается?

— Не знаю.

Ян закрыл глаза.

— Игорь, ты предлагаешь мне заказ на приличные деньги от человека, фамилии которого не знаешь, который непонятно чем занимается и приглашает меня в сгоревшую галерею?

На другом конце провода повисла пауза.

— В какую галерею?

— В сгоревшую.

— В смысле?

— В прямом. Она восемь лет назад сгорела.

— Ну так восстановили, наверное.

— Игорь, она закрыта.

— Сегодня?

— Вообще!

— Слушай, Ян, а ты чего нервничаешь?

— Потому что я вчера там был!

— Ну и что?

— Игорь, там никого нет!

— А вчера был?

— Вчера была бабка!

— Какая бабка?

— Смотрительница!

— Ну так найди её.

Ян посмотрел на потолок автомобиля.

Иногда ему казалось, что Игорь способен решить любую проблему исключительно потому, что не считает её проблемой.

— Она умерла восемь лет назад.

На этот раз Игорь молчал довольно долго.

— Ян.

— Что?

— Ты точно нормально себя чувствуешь?

— Начинается.

— Я серьёзно.
— И я.
— Может, ты адрес перепутал?
— Нет.
— Ну, может, там соседнее здание?
— Игорь!
— Ладно, ладно. Не ори.
Послышался шорох.
— Сейчас Андрею позвоню. Выясню всё.
— Давай.
— И Ян…
— Что ещё?
— Ты бы пока домой поехал.
— Спасибо за совет.
— Да не за что.
Ян отключился.
И тут же получил сообщение.
От неизвестного номера.
Всего четыре слова:
«Вы забыли задать вопрос».
Он смотрел на экран почти минуту.
Потом набрал номер отправителя.
Абонент был недоступен.
Ян попробовал ещё раз.
Результат оказался тем же.
Он открыл переписку.
Других сообщений не было.
Никакого имени.
Никакой фотографии.
Только эта странная фраза.

«Вы забыли задать вопрос».
Какой ещё вопрос?
Он мысленно восстановил вчерашний вечер.
Особняк.
Коридоры.
Картины.
Смотрительница.
Девушка в светлом пальто.
Кепка.
Мелодия.
И вдруг понял.
Он так и не спросил, как зовут пожилую женщину.
Ян посмотрел на закрытые двери галереи.
Затем вышел из машины.
Мужчина с ключами всё ещё находился возле ворот.
Теперь он разговаривал по телефону и явно собирался уходить.
Увидев Яна, недовольно поморщился.
— Опять вы?
— Последний вопрос.
— Вы уже третий раз последний задаёте.
— Как звали смотрительницу?
Мужчина убрал телефон от уха.
— Какую?
— Которая погибла при пожаре.
Он задумался.
— Мария… Нет, не Мария.
Ян терпеливо ждал.
— Анна Павловна, кажется.
— Анна Павловна?
— Да. Точно. Анна Павловна.

— А фамилия?

— Не помню.

— Вы же двадцать лет здесь работаете.

— И что? Я за двадцать лет столько людей видел, что если всех по фамилиям помнить, места в голове не останется.

Ян кивнул.

— А родственники у неё были?

Мужчина пожал плечами.

— Не знаю.

— Муж?

— Вроде нет.

— Дети?

— Слушайте, молодой человек, вы мероприятие организуете или наследство оформляете?

— Пока сам не понял.

Мужчина покачал головой и направился к воротам.

— Анна Павловна, — повторил Ян.

Тот остановился.

— Чего?

— Она всегда здесь работала?

— Да нет. Раньше другая была.

— Какая?

— Молодая. Лет двадцать пять, может.

— А потом?

Мужчина посмотрел на него.

— А потом старая стала. Как все люди.

И ушёл.

Ян остался стоять посреди двора.

Ответ был настолько очевидным, что он даже почувствовал себя идиотом.

Конечно.

Люди стареют.

Время идёт.

И ничего странного в этом нет.

Кроме одного.

На фотографии погибшей смотрительницы, которую он нашёл в статье, женщине было около восьмидесяти.

А если верить мужчине, она работала здесь двадцать лет назад.

Получалось, что за двенадцать лет Анна Павловна постарела примерно на полвека.

Вечером Ян приехал домой и впервые за долгое время не включил телевизор.

Не открыл рабочие переписки.

Не стал проверять, согласовали ли пожарные выступление артиста.

Вместо этого он сел за ноутбук и начал искать информацию о галерее.

Интернет, как выяснилось, помнил гораздо больше, чем люди.

Старые новости.

Архивные страницы.

Фотографии с выставок.

Объявления о продаже картин.

И даже небольшой форум, где несколько человек обсуждали странные события, происходившие в особняке задолго до пожара.

Ян открыл одну из тем.

Последнее сообщение было опубликовано девять лет назад.

Пользователь под ником «Старый реставратор» писал:

«Не советую связываться с этой коллекцией. Особенно с последним залом. Там есть картина, которая никогда не выглядит

одинаково. Сначала думал, что дело в освещении. Потом понял, что ошибался».

Ян выпрямился.

Ниже находился ответ другого пользователя:

«Вы про городской двор?»

«Да».

«Там раньше была девушка?»

«Иногда».

Ян почувствовал, как похолодели пальцы.

Он прокрутил страницу дальше.

Следующее сообщение было длиннее.

«Я работал с этой коллекцией несколько месяцев. Не знаю, что это за полотно и кто его написал. В документах оно значится как "Без названия". Но однажды я заметил, что на картине появился человек, которого раньше не было. Через неделю этот человек пропал без вести».

Под сообщением стояла дата.

За три месяца до пожара.

Ян открыл профиль автора.

Последний раз пользователь заходил на форум восемь лет назад.

В день пожара.

Часы показывали половину второго ночи.

Ян давно должен был лечь спать.

Но вместо этого продолжал изучать архивы.

Он нашёл старый сайт галереи.

Страница открывалась медленно, некоторые изображения отсутствовали, ссылки вели в никуда.

Однако в разделе «Прошедшие выставки» сохранилась фотография последнего зала.

Ян увеличил её.

Тёмные стены.

Несколько полотен.

Тяжёлая деревянная рама.

Та самая картина.

На ней был изображён городской двор.

Скамейка.

Фонарь.

И девушка в светлом пальто.

Ян приблизил изображение.

Сомнений не оставалось.

Ася.

Теперь он видел её лицо.

Не полностью.

Девушка стояла вполоборота, словно собиралась оглянуться.

Но Ян узнал её.

Точно так же, как узнают человека в толпе, даже если не видели его много лет.

Он долго смотрел на фотографию.

Потом заметил ещё одну деталь.

Возле картины стояли посетители.

Несколько мужчин.

Женщина.

И молодой человек в тёмной куртке.

Ян приблизил изображение.

Молодой человек стоял спиной к камере.

На плече висела сумка.

На голове была бейсболка.

Ничего необычного.

Кроме того, что Ян прекрасно помнил эту куртку.

Он носил её много лет назад.

И сумку тоже.

Она была куплена на распродаже и прослужила ему почти три года, пока не порвался ремень.

Ян открыл фотографию в отдельном окне.

Увеличил.

Потом ещё.

Молодой человек слегка повернул голову.

Теперь было видно лицо.

Собственное лицо Яна.

Только значительно моложе.

Он откинулся на спинку кресла.

Некоторое время просто смотрел в потолок.

Затем рассмеялся.

Негромко.

Нервно.

Совершенно не потому, что ему было весело.

— Ну всё, — сказал он вслух. — Приехали.

Он снова посмотрел на экран.

Фотография была сделана девять лет назад.

В то время Ян действительно носил эту куртку.

Действительно пользовался той сумкой.

И действительно выглядел примерно так.

Но в галерее он никогда не был.

По крайней мере, не помнил этого.

Он попытался восстановить события того года.

Работа.

Клуб.

Игорь.

Аля.

Дядя Паша.

Волшебная улица.

Некоторые воспоминания возникали легко.

Другие словно были закрыты плотной дверью.

И чем сильнее Ян пытался её открыть, тем отчётливее понимал, что за ней находится нечто важное.

Он снова посмотрел на фотографию.

Теперь молодой человек стоял лицом к камере.

Ян замер.

Несколько секунд назад он был повёрнут в сторону картины.

Теперь смотрел прямо на него.

И улыбался.

Не широко.

Не радостно.

Скорее так, как улыбается человек, который знает то, чего не знают остальные.

Ян медленно потянулся к мышке.

И в этот момент изображение изменилось ещё раз.

Молодой Ян поднял руку.

И указал пальцем куда-то за спину человека, сидящего перед монитором.

Ян резко обернулся.

Комната была пуста.

Он снова посмотрел на экран.

Фотография исчезла.

Вместо неё открылось белое окно браузера.

Посередине находилась единственная надпись:

«Ты уже был здесь».

Ян вскочил из-за стола.

Сердце колотилось так, словно он только что пробежал несколько километров.

Он подошёл к окну.

Открыл его.

Холодный воздух ворвался в комнату.

Внизу шумела ночная Москва.

Ехали автомобили.

Где-то лаяла собака.

Из соседнего дома доносилась музыка.

Обычная жизнь.

Совершенно нормальная.

Ян постоял несколько минут, пытаясь успокоиться.

Затем закрыл окно.

Вернулся к компьютеру.

Надписи больше не было.

Сайт галереи тоже исчез.

Браузер сообщал, что страница недоступна.

Ян открыл историю посещений.

Ничего.

Будто последние два часа он вообще не пользовался интернетом.

Он достал телефон.

Хотел позвонить Игорю.

Но остановился.

Что он скажет?

Что встретил мёртвую смотрительницу?

Что девушка исчезает с картины?

Что на фотографии девятилетней давности обнаружил самого себя?

И что этот самый молодой Ян только что показывал ему пальцем за спину?

Игорь наверняка посоветовал бы отдохнуть.

На этот раз, возможно, даже вызвал бы врача.

Ян положил телефон на стол.

И тут заметил сообщение.

От того же неизвестного номера.

«Теперь вы вспомнили?»

Он смотрел на экран.

Потом медленно набрал ответ:

«Кто вы?»

Сообщение было прочитано почти мгновенно.

Несколько секунд ничего не происходило.

Затем появилось:

«Вы сами попросили меня напомнить».

Ян нахмурился.

«Когда?»

Ответ пришёл сразу.

«Девять лет назад».

Он почувствовал, как по спине пробежал холод.

Напечатал:

«О чём напомнить?»

На этот раз пришлось ждать дольше.

Почти минуту.

Наконец экран загорелся.

«О том, почему вы оставили её там».

Ян долго сидел неподвижно.

Слова на экране постепенно погасли, телефон заблокировался, а комната снова погрузилась в полумрак.

«Почему вы оставили её там».

Кого?

Асю?

Но он не помнил, чтобы когда-нибудь оставлял её.

Тем более в каком-то странном мире, существующем внутри картины.

Он попытался вспомнить их последнюю встречу.

И неожиданно обнаружил, что не может.

Помнил отдельные разговоры.

Улыбку.

Какие-то незначительные подробности.

Но последняя встреча словно выпала из памяти.

Будто кто-то аккуратно вырезал её из прошлого, оставив всё остальное нетронутым.

Ян поднялся и подошёл к зеркалу.

Посмотрел на своё отражение.

Усталое лицо.

Небольшая щетина.

Тёмные круги под глазами.

Обычный человек, которому завтра предстояло решать вопросы с артистами, подрядчиками и заказчиками.

Человек, который за последние годы научился справляться практически с любой неприятностью.

Кроме той, которую невозможно объяснить.

Он выключил свет.

Лёг в кровать.

Закрыл глаза.

И почти сразу услышал музыку.

Тихую.

Далёкую.

Знакомую до боли.

Баян.

Ян открыл глаза.

Музыка продолжала звучать.

Он сел.

Прислушался.

Звук доносился не с улицы.

Не из соседней квартиры.

И даже не из коридора.

Он шёл откуда-то из комнаты.

Ян включил настольную лампу.

Музыка оборвалась.

На полу возле кровати лежала старая кепка.

Сдвинутая набок.

С небольшим тёмным пятном на козырьке.

Та самая.

Ян смотрел на неё, не решаясь пошевелиться.

Потом медленно протянул руку.

Кепка была влажной.

И пахла осенним дождём.

Внутри, под подкладкой, лежал маленький сложенный листок бумаги.

Ян развернул его.

На пожелтевшей странице неровным почерком было написано:

«Не верь тому, что помнишь. Верь тому, что забыл».

Ниже стояла подпись.

Дядя Паша.

А на обратной стороне был указан адрес.

Тот самый переулок.

Тот самый особняк.

И время.

03:17.
Ян посмотрел на часы.
03:16.
Где-то за окном раздался протяжный автомобильный сигнал.
Затем ещё один.
И вдруг все звуки ночного города оборвались.
Словно кто-то выключил звук.
Ян подошёл к окну.
На улице не было ни одной машины.
Ни одного прохожего.
Ни одного горящего окна.
Только пустая дорога.
И фонарь.
Под которым стояла девушка в светлом пальто.
Она подняла голову.
Посмотрела прямо на Яна.
И медленно помахала рукой.
Часы на стене щёлкнули.
03:17.

ГЛАВА III

Время, которого не существует

— • —

Ян стоял возле окна и смотрел на девушку.

Она больше не махала рукой.

Просто стояла под фонарём, немного склонив голову, словно ожидала, когда он наконец решится сделать то, ради чего она здесь появилась.

В другое время Ян непременно нашёл бы этому какое-нибудь объяснение.

Возможно, он слишком много работал.

Возможно, ему следовало меньше пить кофе.

Или хотя бы перестать общаться с людьми, которые предлагают организовывать мероприятия в сгоревших галереях.

Но сейчас ни одно из этих объяснений не казалось достаточно убедительным.

Он отступил от окна.

Посмотрел на часы.

03:17.

Секундная стрелка не двигалась.

Ян подошёл ближе.

Постучал пальцем по стеклу.

Ничего.

— Ну замечательно, — произнёс он. — Ещё и батарейка села.

Он взял телефон.

На экране светилось то же время.

03:17.

Сеть отсутствовала.

Интернет не работал.

Ян открыл список контактов и попытался позвонить Игорю.

Вместо привычных гудков раздался тихий треск.

Потом несколько нот.

Баян.

Ян медленно убрал телефон от уха.

— Нет, — сказал он. — Вот только этого мне сейчас не хватало.

Музыка оборвалась.

И женский голос произнёс:

— Ян, ты опять всё испортишь.

Он замер.

— Ася?

Ответа не последовало.

Связь прервалась.

Человек довольно быстро привыкает к самым невероятным вещам.

В первые минуты после автомобильной аварии ему кажется, что жизнь никогда не станет прежней. Через несколько дней он уже обсуждает стоимость ремонта и ругается со страховой компанией.

Когда происходит что-то действительно страшное, сознание пытается превратить случившееся в обычную бытовую проблему.

Ян прекрасно владел этим искусством.

За годы работы он научился сохранять спокойствие, когда за час до начала мероприятия исчезал ведущий, ломалась сцена или заказчик неожиданно сообщал, что вместо пятидесяти гостей приедут триста.

Но у подобных неприятностей было одно важное преимущество.

Их можно было решить.

Позвонить.

Договориться.

Заплатить.

В крайнем случае — найти виновного.

А вот что делать с остановившимся временем, Ян совершенно не представлял.

Он снова посмотрел на улицу.

Девушки под фонарём уже не было.

Вместо неё на мокром асфальте лежало что-то светлое.

Небольшой прямоугольник.

Похожий на конверт.

Ян некоторое время разглядывал его.

Потом направился к входной двери.

Остановился.

Вернулся в комнату.

Надел куртку.

Подумал и взял ключи от машины.

Затем посмотрел на них и усмехнулся.

— Если время остановилось, интересно, парковка тоже бесплатная?

Лифт не работал.

На табло горела цифра девять.

Ян нажал кнопку вызова.

Ничего.

Он нажал ещё раз.

Результат оказался прежним.

Пришлось идти по лестнице.

На площадке между этажами пахло свежей краской. Где-то за стеной негромко гудела вентиляция.

Ян спустился на один пролёт.

Затем ещё на один.

И остановился.

На стене висела табличка:

9 этаж.

Он нахмурился.

Посмотрел наверх.

Там, откуда он только что спустился, тоже была девятка.

— Отлично.

Ян прошёл ещё один пролёт.

Девятый этаж.

Он остановился и посмотрел на дверь ближайшей квартиры.

Номер 94.

Тот самый, мимо которого проходил минуту назад.

Ян вернулся наверх.

Дверь была той же.

Даже царапина возле замка совпадала.

Он почувствовал, как внутри поднимается раздражение.

Страх ещё не успел окончательно сформироваться, а раздражение уже появилось.

Это было привычно.

Когда человек сталкивается с чем-то, чего не понимает, ему значительно проще разозлиться, чем признать собственное бессилие.

— Очень смешно, — сказал Ян в пустоту. — Кто-нибудь может объяснить правила?

Свет на лестнице мигнул.

Где-то внизу раздался скрип.

Ян перегнулся через перила.
На площадке этажом ниже стоял мальчик.
Лет десяти.
В школьной форме старого образца.
С портфелем в руке.
Мальчик смотрел наверх.
— Вам вниз? — спросил он.
Ян не сразу нашёлся с ответом.
— Вообще-то да.
— Тогда зачем вы всё время возвращаетесь?
— Потому что лестница какая-то неправильная.
Мальчик пожал плечами.
— Лестница нормальная.
— А что ненормальное?
— Вы.
Ян посмотрел на него.
— Спасибо. Очень помог.
Мальчик улыбнулся.
— Вы не туда идёте.
— А куда надо?
— Туда, где вас ждут.
— И где это?
Мальчик поднял руку и указал вверх.
Ян проследил за его жестом.
Над лестничным пролётом висела старая лампа.
Свет от неё становился всё ярче.
Потом лампа неожиданно погасла.
Когда Ян снова посмотрел вниз, мальчика уже не было.
Зато на стене появилась новая табличка.
Выход.

Стрелка указывала на дверь, которой секунду назад не существовало.

За дверью оказался подъезд.

Но не тот, из которого Ян пытался выйти.

Стены были выкрашены в грязно-зелёный цвет, на подоконниках стояли пустые банки, а возле почтовых ящиков лежала стопка старых газет.

Ян узнал это место.

Не сразу.

Сначала ему показалось, что подъезд просто напоминает какой-то дом из детства.

Потом он заметил железную батарею у окна.

Деревянные перила.

Надпись на стене.

И понял.

Это был подъезд дома, в котором он жил много лет назад.

Того самого, куда возвращался после первых ночных мероприятий, когда ещё не было ни собственного бизнеса, ни сотрудников, ни постоянных заказчиков.

Когда весь мир казался огромным, а будущее — бесконечным.

Ян медленно подошёл к почтовым ящикам.

На одном из них сохранилась знакомая фамилия.

Его фамилия.

Он провёл пальцем по выцветшим буквам.

— Что за...

Снаружи хлопнула дверь.

В подъезд вошёл молодой человек.

В джинсах, тёмной куртке и бейсболке.

С большой спортивной сумкой через плечо.

Ян узнал его мгновенно.

Это был он сам.

Только лет на десять моложе.

Молодой Ян прошёл мимо, даже не взглянув на него.

Поднялся по лестнице.

Остановился на втором этаже и достал телефон.

— Да, Игорь, — громко произнёс он. — Я уже еду. Только домой заскочил.

Ян стоял неподвижно.

Он помнил этот разговор.

Не дословно.

Но помнил.

В тот вечер они собирались обсуждать какое-то мероприятие.

Кажется, открытие клуба.

Молодой Ян рассмеялся в трубку.

— Да успеем мы всё! Не первый раз!

И исчез за дверью квартиры.

Ян медленно поднялся на второй этаж.

Посмотрел на дверь.

Потом на часы.

03:17.

Он протянул руку к звонку.

Но прежде чем успел нажать, из-за двери раздался голос.

— Не надо.

Ян отступил.

Голос принадлежал ему самому.

Только звучал значительно старше.

— Кто там? — спросил Ян.

— Ты.

Он закрыл глаза.

— Слушай, я уже начинаю уставать от этого юмора.

— Тогда уходи.

— А если не уйду?

За дверью помолчали.

— Ты уже однажды не ушёл.

Ян почувствовал, как пересохло во рту.

— Что это значит?

— Ты знаешь.

— Нет, не знаю!

— Тогда вспомни.

Раздался щелчок замка.

Дверь медленно приоткрылась.

За ней была темнота.

Ян стоял на площадке и смотрел в узкую щель.

Он понимал, что входить не следует.

Вообще за последние сутки он неоднократно понимал, чего делать не следует.

Не следовало ехать в галерею.

Не следовало возвращаться за телефоном.

Не следовало искать старые фотографии.

И уж совершенно точно не следовало выходить из квартиры посреди ночи, когда все часы в городе остановились.

Но человеческое любопытство обладает удивительным свойством.

Оно всегда оказывается сильнее здравого смысла именно в тот момент, когда здравый смысл особенно необходим.

Ян толкнул дверь.

Квартира оказалась пустой.

Никакой мебели.

Никаких вещей.

Только голые стены и старый деревянный пол.

Посреди комнаты стоял стул.

Над ним висела лампочка.

Ян остановился.

Он уже видел эту комнату.

На картине в галерее.

Той самой, возле которой смотрительница спрашивала, куда ведёт тропинка.

Нет.

Он нахмурился.

Тропинка была на другой картине.

А здесь была сцена.

Стул.

Лампочка.

И пустота.

Ян подошёл ближе.

На сиденье лежала папка.

Обычная картонная папка с завязками.

Такие раньше использовали в бухгалтериях, государственных учреждениях и организациях, где бумага по-прежнему считалась более надёжным носителем информации, чем человеческая память.

На обложке было написано:

«Личное дело № 17»

Ниже — его имя.

Ян развязал тесёмки.

Внутри лежало несколько фотографий.

Первая была сделана много лет назад.

На ней Ян стоял возле клуба вместе с Игорем.

Вторая изображала какую-то вечеринку.

Третья — пустую московскую улицу.

Четвёртая заставила его остановиться.
На фотографии был дядя Паша.
С баяном.
В старой кепке.
Он сидел на скамейке и смотрел прямо в объектив.
Рядом с ним стояла девушка.
Ася.
Ян перевернул снимок.
На обороте было написано:
«Первый раз».
Он взял следующую фотографию.
Тот же двор.
Та же скамейка.
Тот же дядя Паша.
Но теперь рядом стоял сам Ян.
На обороте значилось:
«Второй раз».
Следующий снимок был почти полностью чёрным.
Только в центре виднелась дверь.
Подпись:
«Третий раз».
Ян нахмурился.
— Что за третий раз?
— Последний.
Голос раздался за спиной.
Ян резко обернулся.
В дверях стояла смотрительница.
Анна Павловна.
В том самом сером кардигане.
Она выглядела совершенно так же, как вчера.

— Вы?!

— Здравствуйте, Ян.

— Да вы издеваетесь надо мной!

— Почему?

— Потому что вы умерли!

Женщина посмотрела на него с лёгким удивлением.

— И что?

Ян открыл рот.

Потом закрыл.

Некоторое время он пытался придумать ответ.

Ничего подходящего не находилось.

— Вообще-то это довольно серьёзное обстоятельство, — наконец произнёс он.

Анна Павловна улыбнулась.

— Для живых — безусловно.

Они сидели друг напротив друга.

Ян — на деревянном стуле.

Смотрительница — на втором, который появился неизвестно откуда.

Лампочка над ними слегка покачивалась.

— Где мы? — спросил Ян.

— В месте, которое вы когда-то создали.

— Я?

— Да.

— Простите, но я обычно создаю мероприятия. Иногда довольно странные, но до строительства бесконечных лестниц и разговоров с покойниками пока не доходил.

— Вы не всё помните.

— Это я уже понял.

Женщина посмотрела на папку.

— Когда-то вам предложили выбор.

— Кто?

— Вы знаете.

— Дядя Паша?

Она не ответила.

Ян вздохнул.

— Послушайте, давайте договоримся. Я задаю вопрос, вы отвечаете. Желательно конкретно. Без загадок, философии и намёков.

— Хорошо.

— Отлично. Где Ася?

— Там, где вы её оставили.

— Где именно?

— За рамкой.

Ян закрыл глаза.

— Начинается.

— Вы хотели конкретный ответ.

— Я хотел нормальный ответ!

— Нормальные ответы подходят только для нормальных вопросов.

Ян посмотрел на неё.

— Вы случайно с Игорем не знакомы?

— Нет.

— Очень жаль. Вы бы прекрасно поладили.

Женщина улыбнулась.

Затем стала серьёзной.

— Ян, вы должны понять одну вещь. То, что вы называете прошлым, не всегда остаётся позади.

— И что это значит?

— Иногда человек делает выбор, последствия которого не может принять.

— И?

— Тогда он просит забыть.

Ян посмотрел на фотографии.

— Я просил?

— Да.

— Кого?

— Того, кто мог исполнить вашу просьбу.

— Дядю Пашу?

Женщина медленно кивнула.

Ян почувствовал странную тяжесть в груди.

Воспоминания о дяде Паше всегда были связаны с чем-то необъяснимым.

Но раньше он воспринимал их как часть давно закончившейся истории.

Теперь выяснялось, что история, возможно, даже не начиналась.

— Что я попросил забыть?

Анна Павловна долго молчала.

Потом произнесла:

— Девушку.

— Асю?

— Не только.

— А кого ещё?

— Себя.

Ян нахмурился.

— В каком смысле?

— Того себя, который остался там.

Он посмотрел на фотографию с молодым человеком.

На собственное лицо.

На знакомую куртку.

И вдруг вспомнил.

Совсем немного.

Вспышку света.

Чей-то крик.

Руку, которую он держал.

И голос девушки:

«Ян, только не отпускай!»

Он резко поднялся.

Стул опрокинулся.

— Я её отпустил?

Анна Павловна не ответила.

— Я спрашиваю, я её отпустил?!

Женщина посмотрела ему в глаза.

— Вы сделали выбор.

— Какой?!

— Вернуться.

В комнате стало тихо.

Даже лампочка перестала покачиваться.

Ян медленно сел обратно.

— А она?

— Осталась.

Некоторое время никто не говорил.

Ян смотрел на свои руки.

Он не помнил этого выбора.

Не помнил девушки, которую оставил.

Не помнил ни двери, ни картины, ни того, как оказался по другую сторону.

Но почему-то слова смотрительницы не казались ему чужими.

Скорее они напоминали давно забытый сон, подробности которого постепенно возвращаются после пробуждения.

— Почему я ничего не помню?

— Потому что вы сами этого захотели.

— И дядя Паша помог?

— Он дал вам возможность жить дальше.

— А Ася?

Анна Павловна опустила глаза.

— Она ждала.

— Девять лет?

— Для вас — девять.

— А для неё?

Женщина посмотрела на часы, висевшие на стене.

03:17.

— Время там устроено иначе.

Ян медленно поднял голову.

— Сколько прошло для неё?

— Это зависит от того, когда вы вернётесь.

— Вы опять говорите загадками.

— Нет, Ян. Я говорю о том, что ещё не произошло.

Он посмотрел на неё.

— То есть я могу её вернуть?

Анна Павловна не ответила сразу.

Потом произнесла:

— Вы можете попробовать.

— Как?

— Найдите картину.

— Она в галерее.

— Уже нет.

— А где?

Женщина встала.

— Там, где начался пожар.

— В галерее?

— Не тот пожар.

Ян почувствовал, как внутри снова поднимается раздражение.

— А какой?!

Анна Павловна подошла к двери.

Остановилась.

— Тот, который ещё только случится.

Лампочка погасла.

Ян вскочил.

— Подождите!

Но смотрительница уже исчезла.

Он бросился к двери.

Открыл её.

И оказался на улице.

Посреди ночной Москвы.

Только Москва была другой.

Вместо привычных автомобилей вдоль дороги стояли старые советские машины.

На домах висели вывески, которых Ян никогда не видел.

По тротуару шли люди в одежде прошлых десятилетий.

Где-то далеко играла музыка.

И над всем этим возвышалось огромное здание.

Галерея.

Только теперь она была целой.

Освещённой.

С открытыми окнами.

Возле входа стояли гости.

Мужчины в костюмах.

Женщины в вечерних платьях.

Кто-то смеялся.

Кто-то фотографировался.

На фасаде висел большой плакат:

«ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ. 21:00»

Ян посмотрел на часы.

03:17.

Он поднял голову.

Возле входа стоял молодой человек.

В тёмной куртке.

С сумкой через плечо.

И бейсболкой на голове.

Молодой Ян.

Тот самый, которого он видел на фотографии.

Рядом с ним стояла Ася.

Она что-то говорила.

Молодой Ян смеялся.

Затем взял её за руку.

И они вместе вошли в галерею.

Ян бросился следом.

— Эй!

Никто не обернулся.

— Подождите!

Он побежал быстрее.

Но чем ближе приближался к зданию, тем дальше оно оказывалось.

Будто пространство растягивалось перед ним.

Наконец Ян остановился.

Перевёл дыхание.

И услышал за спиной знакомый голос.

— Ну что, промоутер, опять опаздываешь?

Он медленно обернулся.

На скамейке под фонарём сидел пожилой мужчина.

В старой кепке.

С папиросой в уголке рта.

На коленях лежал баян.

Дядя Паша.

Он улыбнулся.

— А я ведь говорил тебе, Ян. Нельзя дважды начинать одну и ту же историю.

Ян смотрел на него, не в силах произнести ни слова.

Старик поправил кепку.

Провёл пальцами по клавишам баяна.

И добавил:

— Хотя, если очень хочется, можно попробовать.

Он заиграл.

Ту самую мелодию.

И впервые за девять лет Ян вспомнил её целиком.

Не только музыку.

Но и то, что произошло после неё.

Он вспомнил картину.

Вспомнил огонь.

Вспомнил Асю.

И собственный голос, который кричал:

«Я вернусь за тобой!»

Дядя Паша перестал играть.

— Ну вот, — сказал он. — Теперь можно начинать.

За спиной Яна раздался оглушительный треск.

Он обернулся.

Из окон галереи вырывалось пламя.

Люди кричали.

Стекло разлеталось на осколки.

А в одном из окон второго этажа стояла девушка.

Ася.

Она смотрела прямо на него.

И не пыталась убежать.

Ян сделал шаг вперёд.

Потом ещё один.

— Ася!

Девушка подняла руку.

Прижала ладонь к стеклу.

И беззвучно произнесла:

«На этот раз не уходи».

Ян бросился к зданию.

Но прежде чем успел добежать до входа, кто-то схватил его за плечо.

Он резко обернулся.

Дядя Паша стоял рядом.

Баяна в руках уже не было.

— Не сейчас, — сказал старик.

— Она там!

— Знаю.

— Она погибнет!

— Возможно.

— Отпусти!

Старик крепко держал его.

— Ты опять хочешь сделать то же самое.

— Что?!

— Спасти её, не понимая, от чего.

Ян попытался вырваться.

— Да какая разница?!

Дядя Паша посмотрел на него.

И впервые за всё время Ян не увидел на его лице привычной улыбки.

— Большая, парень. Очень большая.

Пламя поднялось над крышей.

В окнах мелькали тени.

А затем всё исчезло.

Галерея.

Улица.

Люди.

Дядя Паша.

Ян почувствовал, что падает.

Но падение длилось всего мгновение.

Он открыл глаза.

И обнаружил себя сидящим на собственной кровати.

За окном светало.

Телефон лежал рядом.

На экране было:

07:42.

Ян долго смотрел на часы.

Потом медленно поднялся.

Подошёл к окну.

Москва снова была обычной.

Машины.

Прохожие.

Утренние пробки.

Он почти убедил себя, что всё произошедшее было сном.

Пока не заметил на подоконнике старую кепку.

Рядом лежала фотография.

На ней были трое.
Молодой Ян.
Ася.
И дядя Паша.
На обороте значилось:
«Третий раз будет последним».
Ян перевернул фотографию обратно.
Посмотрел на лица.
И заметил, что на снимке появился ещё один человек.
Пожилая женщина.
Анна Павловна.
Она стояла чуть позади остальных.
И держала в руках небольшую картину.
На которой был изображён сам Ян.
Сидящий на кровати.
С фотографией в руках.
Он медленно поднял глаза.
На стене напротив кровати висела картина.
Вчера её там не было.
На полотне был изображён старый московский двор.
Скамейка.
Фонарь.
И открытая дверь, ведущая в темноту.
Из-за двери выглядывала девушка.
Ася.
Она улыбалась.
И протягивала ему руку.
Ян сделал шаг к картине.
Потом остановился.
Вспомнил слова дяди Паши.

«Спасти её, не понимая, от чего».

Он медленно опустил руку.

И впервые за последние сутки не стал ничего делать.

Просто сел напротив картины.

И начал думать.

Потому что теперь понимал одну важную вещь.

Если всё происходящее действительно было связано с его прошлым, то искать ответы следовало не в галерее.

И не у смотрительницы.

И даже не у дяди Паши.

Ответы находились там, куда он больше всего боялся заглянуть.

В собственной памяти.

А значит, прежде чем отправляться за Асей, ему предстояло выяснить, кем она была на самом деле.

И почему девять лет назад он предпочёл её забыть.

ГЛАВА IV

Человек, которого я забыл

— • —

Фокс никогда не любил, когда Ян долго смотрел в одну точку.

В такие моменты пёс обычно подходил, клал морду ему на колено и всем своим видом давал понять, что размышления о смысле жизни — занятие, безусловно, интересное, но прогулка представляется куда более разумным способом провести время.

Сегодня Фокс вёл себя иначе.

Он сидел посреди комнаты и смотрел на картину.

Не вилял хвостом.

Не просил еды.

Даже не пытался привлечь внимание хозяина.

Просто смотрел.

Ян проследил за его взглядом.

На стене по-прежнему висел городской двор.

Скамейка.

Фонарь.

Дверь, ведущая в темноту.

Только девушки больше не было.

— Ну что, дружище, — произнёс Ян. — Тебе тоже кажется, что у нас дома происходит какая-то хрень?

Фокс тихо зарычал.

Ян посмотрел на него.

— Ясно. Значит, не кажется.

Пёс поднялся, подошёл к стене и осторожно понюхал пространство под картиной.

Затем отступил.

Шерсть на загривке встала дыбом.

Ян нахмурился.

За всё время, что Фокс жил с ним, подобное случалось крайне редко.

Пёс был существом довольно практичным. Он не боялся пылесоса, спокойно относился к грозе и совершенно не понимал, почему люди испытывают ужас при виде больших собак.

Зато терпеть не мог воздушные шары.

Особенно когда они лопались.

Ян подозревал, что после нескольких мероприятий, на которые ему приходилось брать Фокса, у собаки сформировалось собственное мнение об индустрии развлечений.

И мнение это было не самым лестным.

— Ладно, — сказал Ян. — Пошли гулять.

Фокс не двинулся.

— Фокс.

Пёс продолжал смотреть на картину.

— Ко мне.

Тот медленно повернул голову.

И вдруг залаял.

Громко.

Отрывисто.

Прямо на изображённую дверь.

В тот же момент дверь на картине закрылась.

Ян замер.

Он совершенно отчётливо видел, как деревянная створка медленно повернулась на петлях.

Без звука.

Будто кто-то находящийся по ту сторону решил, что его присутствие обнаружили слишком рано.

Фокс перестал лаять.

Подошёл к хозяину.

И сел рядом.

— Вот теперь, — тихо произнёс Ян, — у меня появился свидетель.

На улице стояла обычная московская осень.

Та самая, в которую утром хочется надеть куртку, днём снять её, а вечером купить билет куда-нибудь, где климатические условия не меняются каждые три часа.

Фокс шёл впереди, периодически останавливаясь возле деревьев.

Ян держал поводок одной рукой, другой листал фотографии в телефоне.

За последние сутки изображений накопилось достаточно, чтобы открыть собственную выставку.

Причём выставку весьма специфическую.

Картины, которые меняются.

Фотографии, на которых появляются люди.

Старики, умершие много лет назад.

И загадочные послания, которые исчезают из переписки.

Ян остановился возле скамейки.

Фокс немедленно воспользовался возможностью обследовать ближайший куст.

— Слушай, — обратился к нему Ян. — А ведь ты у нас единственный нормальный человек в этой истории.

Пёс поднял голову.

— Ну, относительно нормальный.

Фокс чихнул.

— Вот именно.

Ян сел.

Впервые за долгое время ему не хотелось никуда спешить.

Рабочие сообщения продолжали приходить.

Кто-то спрашивал про декорации.

Кто-то требовал срочно согласовать ведущего.

Кто-то прислал фотографию сломанной конструкции с подписью «что делать?».

Обычно Ян немедленно включался в решение проблемы.

Теперь же он просто выключил звук.

В конце концов, если человечество сумело пережить несколько тысяч лет без его участия, то и один корпоратив, вероятно, как-нибудь состоится.

Он открыл фотографию, найденную утром возле кепки.

Молодой Ян.

Ася.

Дядя Паша.

Анна Павловна.

Все четверо стояли возле старого особняка.

Ян увеличил изображение.

И вдруг заметил то, на что раньше не обратил внимания.

Возле ног дяди Паши сидела собака.

Небольшая.

С тёмными ушами.

И характерным светлым пятном на морде.

Ян медленно опустил телефон.

Посмотрел на Фокса.

Потом снова на фотографию.

— Подожди-ка…

Он приблизил изображение.

Собака на снимке была удивительно похожа на Фокса.

Не просто похожа.

Та же морда.

Те же уши.

Даже маленькое пятно возле левого глаза.

Ян посмотрел на дату фотографии.

Девять лет назад.

Фокс появился у него значительно позже.

— Это уже интересно, — пробормотал он.

Пёс подошёл ближе.

Ян показал ему экран.

— Знакомый?

Фокс понюхал телефон.

И неожиданно заскулил.

Ян никогда не считал себя человеком, который верит в судьбу.

Судьба казалась ему удобным объяснением для тех случаев, когда люди не хотели признавать собственные ошибки.

Не получилось открыть бизнес — судьба.

Ушла девушка — судьба.

Заказчик отказался платить — тоже судьба.

Хотя в последнем случае Ян предпочитал пользоваться услугами юриста.

Но теперь совпадений становилось слишком много.

Он помнил день, когда Фокс появился в его жизни.

Вернее, думал, что помнил.

Была осень.

Дождь.

Какой-то старый двор.

Ян возвращался после мероприятия и заметил собаку возле подъезда.

Пёс сидел под козырьком, мокрый, грязный и совершенно равнодушный к происходящему.

Ян тогда ещё пошутил, что у собаки выражение лица человека, который только что провёл корпоратив на триста гостей и остался без гонорара.

Он купил корм.

Пёс поел.

Потом пошёл за ним.

А утром обнаружился возле входной двери квартиры.

Так Фокс и остался.

Простая история.

По крайней мере, до сегодняшнего дня.

Ян посмотрел на собаку.

— А где я тебя нашёл?

Фокс склонил голову.

— Адрес, конечно, не помнишь?

Пёс завилял хвостом.

— Отлично. Секретный агент.

Ян попытался восстановить маршрут того вечера.

Мероприятие.

Парковка.

Двор.

Старый дом.

Фонарь.

И вдруг понял.

Он совершенно не помнил, где именно нашёл Фокса.

Ни улицы.

Ни номера дома.

Ни даже района.

Осталось только ощущение дождя, мокрого асфальта и собаки, сидящей под козырьком.

Всё остальное словно исчезло.

Фокс неожиданно потянул поводок.

— Эй, спокойно!

Пёс уверенно направился к выходу из сквера.

Ян поднялся и пошёл следом.

Сначала он решил, что Фокс увидел кошку.

Но пёс не принюхивался, не отвлекался и даже не обращал внимания на других собак.

Он шёл так, словно прекрасно знал, куда направляется.

Через несколько минут они вышли на незнакомую улицу.

Ян остановился.

— Фокс, мы куда?

Пёс потянул поводок.

— Я понимаю, что у тебя свои дела. Но вообще-то у нас прогулка, а не экспедиция.

Фокс даже не обернулся.

Они прошли ещё два квартала.

Потом свернули в узкий переулок.

И Ян увидел старый дом.

Двухэтажный.

С облупившейся штукатуркой.

Железным козырьком над входом.

И одиноким фонарём возле ворот.

Ян почувствовал неприятный холод в груди.

Он знал этот дом.

Не помнил откуда.

Но знал.

Фокс остановился возле подъезда.

Сел.

И посмотрел на хозяина.

— Ну что, — тихо произнёс Ян. — Привёл?

Пёс завилял хвостом.

Ян достал телефон.

Открыл карту.

Посмотрел адрес.

И замер.

Это был тот самый переулок, где находилась галерея.

Только особняка здесь не было.

Вместо него стоял обычный жилой дом.

— Этого не может быть.

Ян произнёс фразу вслух.

За последние дни она стала настолько привычной, что постепенно теряла всякий смысл.

Он открыл фотографии галереи.

Сравнил фасад.

Проверил номер дома.

Всё совпадало.

Адрес.

Расположение ворот.

Фонарь.

Даже трещина в асфальте возле тротуара.

Но вместо галереи стоял жилой дом.

Ян поднял глаза.

На втором этаже открылось окно.

Появилась пожилая женщина.

Она вытряхнула тряпку.

Посмотрела вниз.

— Молодой человек!

Ян поднял голову.

— Да?

— Собаку уберите от двери!

— Она ничего не делает.

— Они все ничего не делают, пока не сделают!

Ян посмотрел на Фокса.

Тот сидел совершенно спокойно.

— Простите, а давно здесь этот дом?

Женщина нахмурилась.

— Какой дом?

— Этот.

— А какой ещё?

— Ну, раньше здесь что было?

— Дом и был.

— Всегда?

— Сколько живу, столько стоит.

— А галерея?

Женщина замолчала.

Потом медленно спросила:

— Какая галерея?

Ян почувствовал, что разговор становится знакомым.

— Художественная. Частная. С картинами.

Женщина посмотрела на него внимательнее.

— Вы к кому пришли?

— Пока сам не знаю.

— Тогда и не ходите.

Окно захлопнулось.

Ян вздохнул.

— Гостеприимный район.

Фокс тихо заскулил.

Ян посмотрел на него.

Пёс смотрел не на дом.

А на узкий проход между зданиями.

Там, в глубине двора, виднелась старая деревянная дверь.

На ней висел небольшой металлический номер.

17.

Дверь оказалась незапертой.

Ян потянул её на себя.
Петли негромко скрипнули.
За дверью находился длинный коридор.
Старые обои.
Потолочные лампы.
Потёртый линолеум.
И запах, который Ян узнал сразу.
Масляные краски.
Фокс первым переступил порог.
— Эй, подожди!
Ян вошёл следом.
Дверь за спиной закрылась.
Он обернулся.
Попробовал открыть.
Заперто.
— Ну конечно.
Фокс спокойно шёл вперёд.
Ян последовал за ним.
В конце коридора горела настольная лампа.
Рядом стоял небольшой стол.
На нём лежала книга регистрации посетителей.
Та самая, в которой Ян расписался во время первого визита.
Он подошёл ближе.
Открыл последнюю страницу.
Увидел собственную подпись.
И дату.
Только дата была не вчерашней.
Она стояла девять лет назад.
Ян перевернул страницу.
Ещё одна подпись.
Его.

На год раньше.

Ещё страница.

Снова его имя.

Он начал листать книгу быстрее.

На каждой странице.

В разные годы.

В разные месяцы.

Иногда по несколько раз.

Везде стояла одна и та же подпись.

Ян.

Он остановился.

На самой первой странице была запись, сделанная неровным детским почерком.

«Ян. 9 лет».

Рядом кто-то нарисовал маленькую собаку.

Фокс подошёл к столу.

Понюхал книгу.

И тихо заскулил.

— Ты ведь знаешь, что здесь происходит?

Ян смотрел на пса.

Фокс поднял голову.

— Конечно, знаешь.

Он присел рядом.

— Только сказать не можешь.

Пёс положил морду ему на колено.

И в этот момент Ян вдруг вспомнил.

Не всё.

Лишь короткий эпизод.

Мальчик.

Лет девяти.

Старый двор.

Деревянная скамейка.

Собака, сидящая рядом.

И пожилой мужчина с баяном.

Дядя Паша.

Только тогда он выглядел значительно моложе.

Без седины.

Без привычной папиросы.

И почему-то очень серьёзным.

— Запомни, Ян, — говорил мужчина. — Если когда-нибудь потеряешь дорогу, ищи того, кто не умеет врать.

Мальчик смотрел на него.

— А кто не умеет?

Мужчина улыбнулся.

— Собаки.

— Почему?

— Потому что им не нужно притворяться людьми.

Воспоминание оборвалось.

Ян резко выпрямился.

Посмотрел на Фокса.

— Так вот ты кто...

Пёс завилял хвостом.

И вдруг из глубины коридора раздался голос.

— Наконец-то.

Ян обернулся.

В полумраке стоял мужчина.

Высокий.

В длинном тёмном пальто.

Лицо скрывала тень.

— Кто вы? — спросил Ян.

Мужчина сделал шаг вперёд.

— Тот, кого ты попросил забыть.

Ян почувствовал, как внутри всё похолодело.

— Мы знакомы?

— Больше, чем ты думаешь.

Фокс встал между ними.

Зарычал.

Мужчина остановился.

Посмотрел на собаку.

И впервые улыбнулся.

— А вот тебя я здесь не ожидал.

Фокс оскалил зубы.

— Спокойно, — сказал Ян, придерживая поводок.

Мужчина покачал головой.

— Не стоит его успокаивать.

— Почему?

— Потому что он единственный из вас двоих понимает, с кем разговаривает.

Мужчина вышел на свет.

Ян увидел его лицо.

И отступил.

Перед ним стоял он сам.

Только старше.

Значительно старше.

Лет на двадцать.

Морщины.

Седина на висках.

Усталые глаза.

И совершенно знакомое выражение лица человека, который слишком давно перестал чему-либо удивляться.

— Нет, — прошептал Ян.

Мужчина улыбнулся.

— Именно.

— Это невозможно.
— Ты уже несколько дней повторяешь эту фразу. Не надоело?
Ян смотрел на него.
— Кто ты?
— Ты.
— Я вижу, что похож.
— Не похож. Я и есть ты.
— Из будущего?
Мужчина некоторое время молчал.
— Из одного из вариантов.
Ян нахмурился.
— Каких ещё вариантов?
— Тех, которые ты когда-то выбирал.
Фокс продолжал рычать.
Старший Ян посмотрел на него.
— Хороший пёс.
— Откуда ты его знаешь?
— Он был со мной.
— Когда?
— Когда ты ушёл.
Ян почувствовал, как пересохло во рту.
— Откуда ушёл?
Мужчина посмотрел в конец коридора.
— Из картины.
Они стояли друг напротив друга.
Два человека.
С одним лицом.
Одними воспоминаниями.
И совершенно разными жизнями.
По крайней мере, так казалось Яну.
— Объясни нормально, — произнёс он. — Без загадок.

Старший Ян усмехнулся.
— Ты всегда это говоришь.
— Потому что никто нормально не отвечает!
— Хорошо.
Мужчина подошёл к столу.
Открыл книгу регистрации.
Провёл пальцем по старым записям.
— Ты думаешь, что попал сюда впервые несколько дней назад.
— Да.
— Ошибаешься.
— Я уже понял.
— Ты был здесь много раз.
— Сколько?
— Больше, чем помнишь.
Ян посмотрел на книгу.
— И каждый раз забывал?
— Не каждый.
— А что происходило?
Старший Ян поднял глаза.
— Ты пытался её спасти.
— Асю?
— Да.
— От чего?
Мужчина долго смотрел на него.
Потом произнёс:
— От себя.
Ян нахмурился.
— В каком смысле?
— Ты думаешь, что Ася оказалась в картине случайно.
— А разве нет?
— Нет.

— Кто её туда отправил?

Старший Ян посмотрел ему прямо в глаза.

— Ты.

Ян почувствовал, как земля словно уходит из-под ног.

— Что?

— Ты отправил её туда.

— Зачем?

— Чтобы она осталась жива.

— От кого?

Старший Ян посмотрел на Фокса.

Пёс стоял неподвижно.

Шерсть на загривке поднялась.

— От того, кто сейчас пытается выбраться наружу.

Ян медленно повернул голову.

В конце коридора появилась картина.

Большая.

В тяжёлой деревянной раме.

На ней был изображён городской двор.

Скамейка.

Фонарь.

И девушка в светлом пальто.

Ася.

Она стояла возле открытой двери.

Но теперь за её спиной виднелась ещё одна фигура.

Высокая.

Тёмная.

С длинными руками.

Без лица.

Ян приблизился.

— Кто это?

Старший Ян не ответил.

Фокс залаял.
Фигура на картине медленно повернула голову.
Хотя головы у неё, казалось, не было.
Затем подняла руку.
И постучала.
Три раза.
Изнутри холста.
Тук.
Тук.
Тук.
Ян отступил.
Старший Ян схватил его за плечо.
— Слушай внимательно.
— Что это?!
— У нас очень мало времени.
— Кто это?!
Мужчина наклонился ближе.
— Это то, что осталось от тебя после первого выбора.
Ян смотрел на него, не понимая.
— Я не...
— Ты разделил себя, Ян.
— Что?
— Одну часть оставил здесь. Другую отправил жить дальше.
Фокс продолжал лаять.
Тёмная фигура приблизилась к поверхности картины.
Холст начал медленно выгибаться наружу.
Старший Ян крепче сжал плечо молодого.
— И теперь он хочет вернуть то, что считает своим.
— Что именно?
Мужчина посмотрел ему в глаза.
— Твою жизнь.

В коридоре погас свет.
Раздался треск.
Будто кто-то рвал плотную ткань.
Фокс бросился вперёд.
Поводок выскользнул из руки Яна.
— Фокс!
Пёс прыгнул к картине.
Но вместо того чтобы удариться о холст, исчез внутри него.
Ян замер.
— ФОКС!
Старший Ян попытался удержать его.
— Не надо!
Но Ян уже вырвался.
Подбежал к картине.
На полотне появился Фокс.
Он стоял посреди нарисованного двора.
Рядом с Асей.
Девушка опустилась на колени.
Обняла собаку.
И посмотрела прямо на Яна.
На её лице появились слёзы.
Она что-то сказала.
Ян не услышал.
Но по движению губ понял два слова.
«Ты вспомнил».
Затем Ася подняла руку.
И показала ему небольшой предмет.
Старую детскую фотографию.
На ней были трое.
Мальчик Ян.
Девочка Ася.

И маленький щенок.

Фокс.

Ян почувствовал, как внутри что-то оборвалось.

Он вспомнил.

Не всё.

Но достаточно.

Старый двор.

Детство.

Девочку, с которой когда-то проводил целые дни.

Щенка, которого они нашли вместе.

И обещание, данное много лет назад.

«Если кто-нибудь из нас потеряется, остальные обязательно его найдут».

Ян протянул руку к картине.

На этот раз холст оказался не твёрдым.

Пальцы прошли сквозь поверхность.

Он почувствовал холод.

Влажный воздух.

Запах осенней листвы.

И услышал голос Аси.

Совсем рядом.

— Ян, пожалуйста…

Он сделал шаг.

Старший Ян закричал:

— Стой!

Но было поздно.

Ян уже пересёк границу.

Первое, что он почувствовал, — дождь.

Настоящий.

Холодный.

Крупные капли падали на лицо, стекали по воротнику и моментально промочили куртку.

Ян открыл глаза.

Он стоял посреди старого московского двора.

Того самого, который видел на картине.

В нескольких метрах находилась скамейка.

Под фонарём стояла Ася.

Рядом сидел Фокс.

Пёс увидел хозяина и радостно бросился к нему.

Ян опустился на колени.

Обнял собаку.

— Ах ты зараза...

Фокс лизнул его в лицо.

Ян рассмеялся.

Впервые за последние дни совершенно искренне.

— Ну и куда ты меня притащил?

Пёс завилял хвостом.

Ян поднял голову.

Ася стояла совсем близко.

Она выглядела именно так, как он её помнил.

И одновременно совершенно иначе.

В её глазах было что-то, чего не бывает у людей, проживших обычную жизнь.

Усталость.

Ожидание.

И странная печаль.

— Привет, Ян, — тихо сказала она.

Он медленно поднялся.

— Привет.

Некоторое время они просто смотрели друг на друга.

Потом Ян спросил:

— Сколько ты здесь?
Ася улыбнулась.
Но улыбка получилась грустной.
— Долго.
— Девять лет?
Она покачала головой.
— Для тебя — девять.
— А для тебя?
Девушка посмотрела на Фокса.
Потом на старые дома.
И наконец произнесла:
— Я перестала считать после сорокового года.
Ян почувствовал, как по спине пробежал холод.
— Какого сорокового?
Ася посмотрела ему прямо в глаза.
— Моего.
Где-то далеко раздался звон колокола.
Фокс насторожился.
Ася резко повернула голову.
— Нам нужно уходить.
— Куда?
— Пока он не понял, что ты здесь.
— Кто?
Она схватила Яна за руку.
— Тот, кого ты оставил вместо себя.
В окнах домов один за другим погасли огни.
Дождь прекратился.
Воздух стал неподвижным.
И из тёмного переулка донёсся знакомый голос.
Голос самого Яна.
— Ну здравствуй.

Они обернулись.
Под фонарём стоял человек.
В тёмной куртке.
С бейсболкой в руке.
С лицом Яна.
Он улыбался.
— Я уж думал, ты никогда не вернёшься.
Фокс зарычал.
Ася крепче сжала руку Яна.
Незнакомец посмотрел на собаку.
И улыбка исчезла с его лица.
— А вот его, — тихо произнёс он, — ты зря привёл.

ГЛАВА V

Тот, кто остался

— • —

— А вот его, — тихо произнёс незнакомец, — ты зря привёл.

Фокс оскалил зубы.

Ян посмотрел на собаку, затем на человека под фонарём.

Сходство было неприятным.

Не потому, что незнакомец обладал его лицом. К этому обстоятельству Ян за последние сутки начал понемногу привыкать. Гораздо хуже оказалось другое.

Человек двигался точно так же, как он.

Слегка наклонял голову во время разговора. Держал одну руку в кармане. И даже улыбался с той едва заметной насмешкой, которой Ян обычно отвечал людям, произносившим очевидные глупости.

Словно кто-то взял его привычки, аккуратно переписал и решил воспользоваться ими без разрешения.

— Слушай, — сказал Ян. — Ты хотя бы бейсболку другую купи. А то совсем никакой индивидуальности.

Незнакомец посмотрел на кепку в своей руке.

Улыбнулся.

— А ты всё шутишь.

— Ну, извини. Не каждый день встречаешь человека, который украл твою внешность.

— Я ничего у тебя не крал.

— Тогда у нас проблема с авторскими правами.
Ася крепче сжала руку Яна.
— Не разговаривай с ним.
— Почему?
— Потому что именно этого он добивается.
Незнакомец перевёл на неё взгляд.
— Ася, не надо.
В его голосе неожиданно появилось что-то человеческое.
Не угроза.
Не насмешка.
Усталость.
— Мы ведь уже договаривались.
— Ты договаривался сам с собой, — ответила девушка.
— Разве?
Он посмотрел на Яна.
— А он тебе рассказал, как всё было?
Ася молчала.
— Конечно, нет.
Незнакомец сделал шаг вперёд.
Фокс залаял.
Человек остановился.
Посмотрел на пса и негромко произнёс:
— Фокс, ко мне.
Ян почувствовал, как по спине прошёл холод.
Это была его интонация.
Точно так он подзывал собаку дома.
Фокс перестал лаять.
На секунду замер.
Затем медленно отступил к Яну.
Незнакомец усмехнулся.
Но Ян заметил, что улыбка вышла натянутой.

— Хорошая собака, — произнёс двойник.

— Да, — ответил Ян. — В людях разбирается лучше меня.

Ася потянула его за руку.

— Нам нужно уходить.

— Куда?

— Здесь нельзя оставаться.

— А можно хоть один раз объяснить, что происходит?

— Потом.

— Вот это слово я за последние дни слышу чаще, чем «срочно» от заказчиков.

Она не улыбнулась.

И это окончательно убедило Яна, что положение действительно серьёзное.

Они пошли вдоль дома.

Фокс бежал впереди, иногда возвращаясь и проверяя, следуют ли за ним остальные.

Ян несколько раз обернулся.

Человек под фонарём не преследовал их.

Он просто стоял и смотрел вслед.

В какой-то момент Ян заметил, что двойник поднял руку.

Не угрожающе.

Скорее прощаясь.

А затем произнёс:

— Спроси её про пожар.

Ася ускорила шаг.

Ян посмотрел на неё.

— Какой пожар?

— Не сейчас.

— Ася.

— Пожалуйста.

В её голосе было что-то такое, что заставило его замолчать.

Они свернули в узкий переулок.

Фокс остановился перед аркой, понюхал мокрый кирпич и неожиданно зарычал.

— Что такое? — спросил Ян.

Ася посмотрела в тёмный проход.

— Нам не сюда.

— Почему?

— Потому что этой арки вчера не было.

Ян поднял глаза.

Обычная московская арка.

Облупившаяся штукатурка.

Водосточная труба.

Грязный снег, непонятно откуда взявшийся посреди октября.

Ничего необычного.

Кроме снега.

Он присел и потрогал его.

Холодный.

Настоящий.

— У вас тут коммунальщики совсем расслабились, — заметил Ян. — Сезоны перепутали.

Ася посмотрела на него.

— Это не снег.

— А что?

— Остатки другого времени.

Ян поднялся.

— То есть у вас даже осадки с историей?

Фокс снова зарычал.

Из темноты арки раздался тихий звук.

Кап.

Кап.

Кап.

Словно где-то протекала труба.

Затем послышались шаги.

Медленные.

Тяжёлые.

Кто-то шёл к ним из темноты.

Ася потянула Яна назад.

— Быстрее.

Они побежали.

Ян никогда не любил бегать без конкретной цели.

В молодости он ещё мог позволить себе подобную роскошь — например, когда опаздывал на автобус или пытался догнать девушку, с которой только что поссорился.

Но с возрастом пришло понимание, что бег — это занятие для людей, которые либо очень заботятся о здоровье, либо уже допустили серьёзную ошибку.

Сейчас, по всей видимости, имел место второй вариант.

Они пересекли небольшой двор.

Потом ещё один.

Пробежали вдоль кирпичного забора.

И наконец остановились возле металлической двери.

Ася согнулась, пытаясь отдышаться.

Ян упёрся руками в колени.

Фокс выглядел бодрее обоих.

Он обнюхал дверь, затем спокойно сел рядом.

— Ну хоть кому-то весело, — выдохнул Ян.

Ася достала из кармана небольшой ключ.

Старый.

С потемневшей латунной головкой.

— Откуда он у тебя?

— Мой.

— А куда ведёт дверь?

— Домой.
Ян посмотрел на неё.
— В смысле?
— Туда, где я живу.
Он оглянулся.
Вокруг стояли старые дома.
Пустые окна.
Никаких прохожих.
— А здесь вообще кто-нибудь живёт?
Ася некоторое время подбирала слова.
— Не совсем.
— Замечательно.
Она вставила ключ в замок.
Дверь открылась.
Изнутри пахнуло сухим деревом, пылью и чем-то знакомым.
Краской.
Ян узнал этот запах.
Точно такой стоял в галерее.
За дверью находилась лестница.
Узкая.
Деревянная.
С перилами, отполированными тысячами прикосновений.
На втором этаже Ася открыла ещё одну дверь.
Они оказались в небольшой квартире.
Точнее, помещении, которое когда-то могло быть квартирой.
Высокие потолки.
Два больших окна.
Деревянный стол.
Старый диван.
Несколько стульев, совершенно не подходящих друг к другу.
В углу стояла печка.

На стенах висели картины.

Десятки картин.

Некоторые были закончены.

Другие только начаты.

На одной Ян увидел московский двор.

На другой — заснеженный лес.

На третьей — пустую сцену с деревянным стулом.

Он остановился.

— Подожди.

Ася закрыла дверь.

— Что?

— Я видел эти картины.

— Знаю.

— В галерее.

— Да.

Ян медленно подошёл к изображению пустой сцены.

Там висела лампочка.

Та самая.

Под которой он недавно разговаривал со своим старшим двойником.

— Это что получается? Я был внутри твоей картины?

Ася посмотрела на полотно.

— Не совсем.

— А можно без «не совсем»?

Она сняла пальто и повесила его на спинку стула.

— Ты был там, где когда-то находилась эта комната.

— То есть?

— Здесь всё связано.

Ян обвёл взглядом стены.

— Слушай, это замечательно, конечно. Но можно мне инструкцию? Желательно в формате PDF. С картинками. Чтобы я хотя бы понимал, где нахожусь и какие двери лучше не открывать.

Ася впервые улыбнулась.

Совсем немного.

Но Ян заметил.

И почему-то почувствовал облегчение.

Фокс тем временем обследовал помещение.

Понюхал диван.

Заглянул под стол.

Обошёл печку.

Остановился возле большого холста, прислонённого к стене.

Потом сел.

И посмотрел на Яна.

— Нашёл что-то?

Пёс тихо заскулил.

Ян подошёл ближе.

Холст был повёрнут изображением к стене.

На обороте виднелись старые деревянные планки.

И надпись.

Сделанная чёрным маркером.

«НЕ ОТКРЫВАТЬ ДО 03:17»

Ян прочитал её дважды.

Потом посмотрел на Асю.

— Это у вас какой-то местный праздник?

Она подошла к нему.

Увидела надпись.

И резко побледнела.

— Не трогай.

— Я и не трогаю.

— Ян, отойди.

Фокс зарычал.

Из-за холста донёсся тихий стук.

Три раза.

Тук.

Тук.

Тук.

Ян почувствовал, как неприятно сжался желудок.

— Ася...

— Я слышала.

Стук повторился.

На этот раз громче.

Ася схватила старое покрывало с дивана и набросила его на картину.

Стук прекратился.

Фокс ещё несколько секунд смотрел на закрытый холст.

Затем подошёл к Яну.

— Всё, — тихо сказала Ася. — Пока всё.

Ян повернулся к ней.

— Ты так живёшь?

Она не ответила.

— Каждый день?

Ася опустилась на стул.

— Не каждый.

— А сколько?

Она посмотрела на него.

— Здесь нет дней в привычном смысле.

Ян сел напротив.

Фокс устроился у его ног.

Впервые с момента попадания внутрь картины вокруг стало относительно спокойно.

Никто не появлялся из стен.

Не играл на баяне.

Не пытался объяснить человеческую жизнь загадочными фразами.

Даже дождь за окном прекратился.

Ян решил воспользоваться редкой возможностью.

— Давай сначала.

Ася кивнула.

— Хорошо.

— Сколько ты здесь находишься?

Она задумалась.

— Если считать по моему времени, больше сорока лет.

— Но выглядишь на двадцать пять.

— Я почти не меняюсь.

— Удобно.

Она грустно улыбнулась.

— Не очень.

Ян посмотрел на её руки.

Тонкие пальцы.

Небольшой шрам возле большого пальца.

Он почему-то знал этот шрам.

В памяти мелькнуло что-то далёкое.

Разбитая чашка.

Кровь.

Детский плач.

Но воспоминание сразу исчезло.

— А ты помнишь, как сюда попала?

— Да.

— Расскажешь?

Ася долго молчала.

Потом произнесла:

— Мы пришли вместе.

— В галерею?

— Да.

— Девять лет назад?

Она кивнула.

— Ты тогда искал помещение для мероприятия. Небольшая выставка, закрытый вечер. Ничего особенного.

Ян нахмурился.

— Это уже было?

— Да.

— Почти как сейчас?

— Очень похоже.

Он почувствовал неприятное покалывание в затылке.

— Игорь тоже был?

— Нет. Только мы.

— А что произошло?

Ася посмотрела на картины.

— Ты увидел дверь.

— Какую?

— Нарисованную.

Ян невольно посмотрел на покрытый тканью холст.

— Она открылась?

— Не сразу.

— А потом?

— Потом ты сказал, что хочешь посмотреть, что находится по другую сторону.

Ян усмехнулся.

— Очень на меня похоже.

— Я просила не делать этого.

— А я?

— Рассмеялся.

Он опустил глаза.

— Ещё больше похоже.

Ася подошла к окну.

На улице постепенно темнело.

Хотя Ян был совершенно уверен, что ещё несколько минут назад стоял день.

— Ты всегда думал, что можешь справиться с любой ситуацией, — произнесла она.

— Не с любой.

— Тогда ты так не считал.

Ян промолчал.

— Ты привык, что всё можно организовать. Любую проблему решить. Любое пространство изменить. Любую невозможную идею превратить в мероприятие.

Она повернулась.

— А потом тебе показали место, в котором всё это действительно возможно.

Ян внимательно слушал.

— Здесь можно построить город за одну ночь, — продолжала Ася. — Изменить погоду. Вернуть исчезнувший дом. Увидеть человека, которого давно нет.

— Звучит как идеальный подрядчик.

— Ты тогда сказал почти то же самое.

Ян невольно улыбнулся.

Ася — нет.

— Только у каждого изменения есть цена.

Он посмотрел на неё.

— Какая?

— Что-то должно остаться вместо того, что ты забираешь.

Ян вспомнил двойника.

Человека под фонарём.

С собственным лицом.

Собственной улыбкой.

— И я оставил его?

Ася молчала.

— Вместо себя?

— Не сразу.

— А когда?

Она отвела взгляд.

— Когда понял, что мы не можем выйти вдвоём.

На некоторое время в комнате стало тихо.

Ян смотрел на Асю.

Потом медленно спросил:

— Почему?

Она села обратно.

— Ты открыл слишком много дверей.

— Каких?

— Разных.

— И что?

— Каждая вела куда-то, что тебе хотелось увидеть. В прошлое. В будущее. В места, которых никогда не существовало.

Ян нахмурился.

— А зачем?

— Сначала из любопытства.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Потом ты захотел изменить одну вещь.

— Какую?

— Не помнишь?

Он покачал головой.

Ася долго молчала.

— Значит, пока не время.

Ян раздражённо выдохнул.

— Вот опять!

— Ян…

— Нет, подожди. Я уже несколько дней бегаю по каким-то коридорам, разговариваю с покойниками, встречаю собственные копии. А мне постоянно говорят, что ещё не время!

Он поднялся.

— Когда будет время? Когда меня окончательно разорвёт на несколько версий?

Ася смотрела на него спокойно.

Слишком спокойно.

И это раздражало ещё сильнее.

— Ты думаешь, я не хочу рассказать? — тихо спросила она.

Ян замолчал.

— Я ждала тебя столько лет, что перестала помнить, как звучит твой голос. Иногда мне казалось, что я вообще тебя придумала.

Она провела рукой по лицу.

— А потом ты появился. Посмотрел на меня через картину. И ушёл.

Ян медленно опустился на стул.

— Я не знал.

— Знаю.

— Я бы…

Он не закончил.

Потому что вдруг понял, что собирался сказать.

Я бы тебя не оставил.

Но, судя по всему, именно это он уже однажды сделал.

Фокс поднялся.

Подошёл к Асе.

Осторожно положил морду ей на колени.

Она замерла.

Потом провела рукой по его голове.

— Привет, старый друг.

Ян посмотрел на неё.

— Так вы всё-таки знакомы?

Ася улыбнулась.

— Очень давно.

— Насколько?

Она не ответила.

Фокс положил лапу ей на колено.

Ася засмеялась.

Негромко.

По-настоящему.

И Ян вдруг заметил, что это первый искренний смех, который он услышал от неё с момента встречи.

— Он всегда так делает, — сказала она.

— Что?

— Когда считает, что люди слишком много разговаривают.

Ян посмотрел на пса.

— Разумная позиция.

Ася продолжала гладить Фокса.

— Он не должен был найти тебя.

— Почему?

— Потому что ему тоже пришлось забыть.

Ян нахмурился.

— Собаке?

— Память бывает разной.

— То есть ты хочешь сказать, что он жил здесь сорок лет?

— Нет.

— Тогда как он оказался на старой фотографии?

Она посмотрела на собаку.

— Фокс умеет находить дорогу. Даже туда, где её уже нет.

Ян вздохнул.

— Вы с дядей Пашей случайно не родственники? Оба говорите так, что после каждого ответа появляется пять новых вопросов.

Ася улыбнулась.

— Может быть, он и научил меня.

Ян поднялся и подошёл к окну.

Во дворе стоял фонарь.

Под ним лежали мокрые листья.

За забором виднелась улица.

Никаких машин.

Никаких прохожих.

Всё выглядело как декорация к фильму, съёмочная группа которого внезапно уехала, забыв выключить освещение.

Он вспомнил собственную работу.

Сколько раз ему приходилось создавать подобные пространства?

Подвешивать искусственные облака.

Строить фасады несуществующих домов.

Превращать обычный ангар в средневековый замок.

Люди платили большие деньги за возможность на несколько часов поверить, что находятся в другом мире.

А потом включался свет.

Звучала команда на демонтаж.

Декорации разбирали.

И гости разъезжались по домам.

Здесь всё было наоборот.

Декорации оставались.

А настоящие люди постепенно исчезали.

— Ася, — произнёс он.

— Да?

— А если это всё ненастоящее?

Она посмотрела на него.

— Что именно?
— Мир. Дома. Улицы. Эта комната.
— Для тебя это имеет значение?
— Вообще-то да.
— Почему?
Ян задумался.
— Потому что я хочу понять, где выход.
Ася опустила глаза.
— Я тоже.
Фокс внезапно насторожился.
Поднял голову.
Повернулся к двери.
Ян заметил это сразу.
— Что?
Пёс не залаял.
Просто стоял и прислушивался.
Затем медленно подошёл к входной двери.
Понюхал нижний край.
Отошёл.
Вернулся.
И тихо заскулил.
Ася резко поднялась.
— Кто-то пришёл.
Ян посмотрел на неё.
— Ты ждёшь гостей?
— Нет.
Из коридора донёсся звук шагов.
Они приближались медленно.
Потом остановились возле двери.
Раздался стук.
Три раза.

Тук.

Тук.

Тук.

Ян посмотрел на покрытый тканью холст.

— У вас тут все одинаково стучат?

Ася приложила палец к губам.

За дверью раздался голос.

— Ян.

Он замер.

Это был голос дяди Паши.

— Открывай, парень.

Фокс тихо зарычал.

Ася покачала головой.

Ян прошептал:

— Это он?

Она отрицательно покачала головой.

Голос повторился:

— Ну чего ты там? Не маленький уже. Открывай.

Ян почувствовал, как внутри всё похолодело.

Он знал эту интонацию.

Помнил её из прошлого.

Но Фокс продолжал рычать.

И почему-то именно это обстоятельство оказалось убедительнее любых воспоминаний.

— Не открою, — громко сказал Ян.

За дверью стало тихо.

Затем голос изменился.

— А ты всегда был неблагодарной скотиной.

Теперь говорил сам Ян.

Точнее, тот, кто носил его лицо.

Дверная ручка медленно повернулась.

Ася подбежала к столу.

Достала из ящика небольшую коробку.

Внутри лежали несколько металлических предметов, похожих на старые ключи.

Она быстро выбрала один.

Вставила в замок.

Повернула.

Ручка остановилась.

Снаружи рассмеялись.

— Думаешь, это поможет?

Ася молчала.

— Я ведь знаю, что ты там.

Ян подошёл к двери.

— Слушай, если ты хочешь поговорить, можно как-то договориться? Например, завтра. В рабочее время.

Снаружи раздался смешок.

— Ты всё ещё думаешь, что у тебя есть завтра?

— Ну, у меня вообще-то планы.

— Были.

Фокс залаял.

Громко.

Резко.

Ян отступил.

И в этот момент заметил, что из-под двери начала просачиваться вода.

Тёмная.

Почти чёрная.

Она медленно растекалась по деревянному полу.

Ася побледнела.

— Отойди.

— Что это?

— Он нашёл щель.
— Какую ещё щель?
Она схватила его за руку.
— Между тем, что здесь, и тем, что снаружи.
Вода потекла быстрее.
Фокс бросился к двери.
Начал царапать деревянную поверхность.
Ян попытался оттащить его.
— Фокс! Назад!
Пёс не слушался.
Он словно пытался добраться до чего-то, скрытого за досками.
Потом неожиданно прекратил царапать дверь.
Развернулся.
Подбежал к покрытой тканью картине.
И принялся скрести пол перед ней.
Ян посмотрел на Асю.
— Он что-то нашёл.
— Нет, Ян…
— Подожди.
Фокс продолжал скрести.
Ян подошёл к холсту.
Отодвинул его от стены.
За ним обнаружилась небольшая деревянная дверца.
Невысокая.
Примерно метр от пола.
Похожая на старый хозяйственный люк.
Ян удивлённо посмотрел на Асю.
— А это что?
Она молчала.
— Ты знала?
— Да.

— И почему не сказала?

Ася посмотрела на Фокса.

— Потому что оттуда ещё никто не возвращался.

Ян присел возле дверцы.

Проверил ручку.

Та была холодной.

Почти ледяной.

— А куда она ведёт?

— Не знаю.

— Ты же здесь сорок лет.

— Я ни разу её не открывала.

— Почему?

Ася посмотрела на входную дверь.

Из-под неё продолжала сочиться чёрная вода.

— Потому что я боялась.

Ян повернулся к ней.

Впервые за всё время Ася произнесла это совершенно просто.

Без загадок.

Без попыток скрыть смысл за красивыми словами.

Она боялась.

Как обычный человек.

Как он сам.

И почему-то именно сейчас Ян почувствовал, что наконец разговаривает не с частью странного мира, а с живой девушкой, которую когда-то знал.

Он протянул руку.

— Иди сюда.

Ася подошла.

Ян взял её за руку.

— Слушай, я не знаю, что здесь происходит. Не знаю, кто этот человек и почему он похож на меня. Не знаю даже, настоящий ли я сам.

Она смотрела на него.

— Но одно я знаю точно.

— Что?

Он посмотрел на Фокса.

Пёс терпеливо сидел возле дверцы.

— Если собака считает, что нам туда, я предпочитаю ей доверять.

Ася улыбнулась.

Сквозь слёзы.

— Ты совсем не изменился.

— Это спорно. Колени после сорока уже не те.

Она рассмеялась.

Ян повернул ручку.

Дверца открылась.

Из темноты пахнуло свежим воздухом.

Настоящим.

Холодным.

С запахом бензина, мокрого асфальта и сигаретного дыма.

Ян узнал этот запах.

Москва.

Та самая.

Обычная.

Со всеми её пробками, шумом, грязью и бесконечными проблемами.

Впервые в жизни всё это показалось ему невероятно прекрасным.

Фокс первым нырнул в проём.

Ян наклонился.

Посмотрел внутрь.
За дверцей находился узкий коридор.
Стены были покрыты старой штукатуркой.
На полу лежали доски.
В конце виднелся слабый свет.
— Фокс!
Пёс обернулся.
Завилял хвостом.
И побежал дальше.
Ян посмотрел на Асю.
— Пошли.
Она медленно покачала головой.
— Ян…
— Что?
— Я не могу.
Он нахмурился.
— Почему?
— Потому что я уже пыталась.
— Когда?
— Много раз.
Она опустилась на колени возле дверцы.
Протянула руку.
Её пальцы остановились прямо перед проёмом.
Словно наткнулись на невидимое стекло.
Ася нажала сильнее.
Ничего.
Ян увидел, как побелели её пальцы.
— Что за…
Он протянул руку.
Для него никакой преграды не существовало.
Его ладонь свободно прошла через проём.

Он посмотрел на Асю.

Потом на собственную руку.

И вдруг понял.

Выход существовал.

Но не для неё.

Снаружи раздался громкий удар.

Входная дверь содрогнулась.

Затем ещё один.

Чёрная вода уже покрывала значительную часть пола.

Ася поднялась.

— Уходи.

Ян посмотрел на неё.

— Что?

— Уходи, пока можешь.

— А ты?

— Я останусь.

Он почувствовал, как внутри поднимается знакомое раздражение.

— Нет.

— Ян…

— Я сказал нет.

— Ты не понимаешь.

— Возможно. Но оставлять тебя здесь второй раз я не собираюсь.

Ася закрыла глаза.

— Ты уже говорил это.

Он замолчал.

Она посмотрела на него.

— Каждый раз.

Входная дверь снова содрогнулась.

Дерево треснуло.

Из коридора донёсся смех.

Тот самый.

Собственный смех Яна.

Только чужой.

— Ну что, промоутер? — произнёс голос. — Опять не получается?

Ян медленно повернулся к двери.

Потом посмотрел на Асю.

На Фокса, который вернулся к проёму и теперь беспокойно переминался с лапы на лапу.

И неожиданно понял, что всё происходящее напоминает ему работу.

Не мистику.

Не сон.

А самую обычную рабочую ситуацию.

Есть площадка.

Есть задача.

Есть ограничение.

Есть проблема, которую нельзя решить привычным способом.

И есть люди, которые уверены, что всё уже провалилось.

Раньше именно в такие моменты Ян чувствовал себя лучше всего.

Потому что когда все остальные начинали паниковать, ему наконец становилось интересно.

Он посмотрел на деревянную дверцу.

Потом на Асю.

— Слушай.

— Что?

— А кто сказал, что выход должен быть именно здесь?

Она нахмурилась.

— Не понимаю.

— Ну смотри. Дверь есть. Я пройти могу. Ты — нет.

— Да.

— Значит, проблема не в двери.

— А в чём?

Ян посмотрел на неё.

— В тебе.

Ася отступила.

Он поспешно добавил:

— В смысле, не в тебе лично. В том, как это место тебя воспринимает.

Она молчала.

Ян продолжил:

— Ты говорила, что здесь всё можно менять. Дома. Улицы. Погоду.

— Да.

— А двери?

— Иногда.

— Отлично.

Он подошёл к стене.

Снял одну из картин.

За ней оказалась обычная штукатурка.

— Если нельзя вывести человека через существующую дверь, может, стоит построить новую?

Ася смотрела на него.

— Ян…

— Что?

— Именно с этого всё и началось.

Он медленно опустил картину.

За дверью послышался ещё один удар.

Потом голос:

— Вот теперь вспомнил?

Ян почувствовал неприятное покалывание в затылке.
Перед глазами мелькнула короткая картина.
Другой зал.
Девять лет назад.
Ася стоит возле огромного полотна.
Он держит в руках кисть.
На холсте нарисована дверь.
Обычная.
Деревянная.
С медной ручкой.
Ася говорит:
«Ян, не надо. Мы не знаем, куда она ведёт».
А он смеётся.
«Ну так узнаем».
Воспоминание исчезло.
Ян покачнулся.
Ася подхватила его.
— Что с тобой?
— Я вспомнил.
— Что?
Он посмотрел на неё.
— Дверь.
Ася побледнела.
— Какую?
— Первую.
В комнате стало тихо.
Даже удары снаружи прекратились.
Ян медленно произнёс:
— Это я её нарисовал.
Ася не ответила.
Он посмотрел на кисти, лежавшие на столе.

На краски.

На десятки картин вокруг.

И вдруг увидел совершенно очевидную вещь.

Это помещение было не просто квартирой.

Мастерской.

Местом, где создавались картины.

А значит, здесь когда-то создавались и проходы.

Он повернулся к Асе.

— Я открыл первую дверь.

Она кивнула.

— Да.

— А кто её закрыл?

Ася отвела глаза.

Ответила не сразу.

— Я.

Ян смотрел на неё.

Снаружи послышался тихий скрип.

Входная дверь медленно открывалась.

Замок ещё удерживал её, но дерево уже начинало расходиться возле петель.

Ася подошла к столу.

Взяла небольшую кисть.

Провела пальцем по засохшему ворсу.

— Когда ты понял, что натворил, было поздно.

Ян молчал.

— Ты хотел всё исправить. Нарисовать другую дверь. Потом ещё одну. Потом целый город, в котором можно было бы спрятаться.

Она посмотрела на него.

— Но чем больше ты создавал, тем больше он становился.

— Кто?

Ася повернулась к входу.

За дверью стоял человек с лицом Яна.
Он уже не пытался войти.
Просто смотрел на них через узкую щель.
— Он, — прошептала она.
Незнакомец улыбнулся.
— Ну наконец-то.
Фокс зарычал.
Человек перевёл взгляд на пса.
И внезапно его лицо изменилось.
Улыбка исчезла.
Он посмотрел на открытую дверцу за картиной.
Потом на Яна.
— Закрой её.
Ян нахмурился.
— Почему?
— Немедленно.
В голосе двойника впервые прозвучал настоящий страх.
Ася тоже посмотрела на проём.
Из темноты коридора донёсся звук.
Сначала тихий.
Потом громче.
Шаги.
Кто-то шёл к ним с другой стороны.
Фокс отступил.
Заскулил.
И бросился к Яну.
Незнакомец за входной дверью закричал:
— ЗАКРОЙ ЕЁ!
Ян метнулся к деревянной створке.
Но прежде чем успел дотянуться, в проёме появилась рука.
Старая.

Морщинистая.

В тёмном рукаве.

Пальцы ухватились за край дверцы.

Затем из темноты раздался негромкий, совершенно спокойный голос:

— Ну что вы тут раскричались?

Ян замер.

Этот голос он узнал мгновенно.

Дядя Паша.

Но почему-то теперь даже он звучал иначе.

Без привычной насмешки.

Без добродушия.

С какой-то непонятной усталостью.

Старик медленно выбрался из проёма.

Выпрямился.

Поправил кепку.

Посмотрел на Яна.

Потом на Асю.

Затем на человека с лицом Яна, стоящего за входной дверью.

И тяжело вздохнул.

— Вот ведь, — произнёс он. — Опять всё перепутали.

Никто не ответил.

Дядя Паша перевёл взгляд на Фокса.

Пёс подошёл к нему.

Осторожно понюхал руку.

И неожиданно завилял хвостом.

Старик присел.

Погладил собаку.

— А ты молодец, — сказал он. — Всё-таки нашёл.

Ян почувствовал, как сердце начало колотиться быстрее.

— Дядя Паша...

Старик поднял голову.

— Что, Ян?

— Объясните мне наконец, что происходит.

Дядя Паша некоторое время смотрел на него.

Затем медленно поднялся.

— Объясню.

Он посмотрел на Асю.

— Только сначала пусть она расскажет тебе правду.

Ася опустила глаза.

Ян повернулся к ней.

— Какую правду?

Дядя Паша снял кепку.

Провёл рукой по седым волосам.

И произнёс:

— Про пожар.

В комнате стало тихо.

Старик продолжил:

— Про тот самый, после которого вы оба решили, что всё закончилось.

Ян посмотрел на Асю.

Она стояла неподвижно.

В руках по-прежнему держала кисть.

— Ася?

Девушка медленно подняла глаза.

В них стояли слёзы.

— Ян…

Она замолчала.

Потом произнесла:

— Галерея сгорела не случайно.

Ян почувствовал, как внутри всё похолодело.

— Что?

Ася посмотрела на дверь.
На картины.
На Фокса.
И наконец на него.
— Пожар устроила я.

ГЛАВА VI

Цена одного желания

— • —

— Пожар устроила я.

Ася произнесла это так спокойно, будто сообщила, что забыла выключить утюг.

Ян некоторое время смотрел на неё.

Потом перевёл взгляд на дядю Пашу.

Старик стоял возле маленькой деревянной дверцы, держал кепку в руках и почему-то внимательно рассматривал потолок.

Фокс сидел рядом.

За входной дверью по-прежнему находился человек с лицом Яна.

Тот самый, который несколько минут назад пытался попасть внутрь, а теперь, судя по всему, тоже заинтересовался разговором.

— Подожди, — наконец произнёс Ян. — Давай уточним. Ты сейчас говоришь о том пожаре, который произошёл восемь лет назад?

Ася кивнула.

— В галерее?

— Да.

— Где погибла смотрительница?

Она опустила глаза.

— Да.

Ян медленно выдохнул.

— Прекрасно.

Он прошёлся по комнате.

Остановился возле окна.

Потом снова повернулся к Асе.

— То есть я несколько дней ищу тебя, разговариваю с покойниками, бегаю по каким-то нарисованным улицам, а теперь выясняется, что ты ещё и подожгла галерею?

— Ян…

— Нет, подожди. Я пытаюсь выстроить хронологию. Это профессиональное. У нас на мероприятиях, если что-нибудь горит, очень важно понять, кто согласовал спецэффекты.

— Я никого не хотела убивать.

Он замолчал.

На несколько секунд в комнате стало совершенно тихо.

Даже человек за дверью перестал шевелиться.

— А получилось? — спросил Ян.

Ася посмотрела на него.

В её глазах стояли слёзы.

— Да.

Ян отвёл взгляд.

Впервые за всё время ему не захотелось шутить.

Старые деревянные часы на стене неожиданно начали тикать.

Ян обернулся.

Стрелки стояли на 03:17.

Секундная медленно двигалась назад.

— Что это ещё? — спросил он.

Дядя Паша надел кепку.

— Время заканчивается.

— Вы уже говорили.

— Значит, слушать надо было.

— А нормально объяснить никак?

Старик вздохнул.

— Ты ведь, Ян, всю жизнь хотел, чтобы всё было по-твоему.

— Не всю.

— Всю, всю. Даже когда маленький был.

— Мы сейчас моё детство обсуждать будем?

— А почему нет? С него многое началось.

Ян посмотрел на Асю.

Та стояла возле стола, сжимая в руках тонкую кисть.

— Давайте хотя бы по порядку, — сказал он. — Я хочу знать, что произошло. Без намёков, загадок и философии.

Дядя Паша усмехнулся.

— Это будет непросто.

— Почему?

— Потому что ты сам попросил убрать из этой истории самое главное.

— Что именно?

Старик посмотрел на Асю.

— Его желание.

Девять лет назад галерея была совсем другой.

Ян вспомнил её не сразу.

Сначала возникли отдельные детали.

Шум улицы.

Запах свежесваренного кофе.

Огромные деревянные ящики с картинами.

Мужчина в рабочей куртке, ругавшийся из-за грузового лифта.

Затем воспоминание стало отчётливее.

Он стоял посреди выставочного зала и разговаривал по телефону.

— Нет, пятьдесят человек — это не сто пятьдесят! — говорил молодой Ян. — Если вы хотите пригласить ещё сто, то мне нужно хотя бы понимать, куда их поставить!

На противоположном конце зала Ася рассматривала картины.

На ней были джинсы, светлая куртка и совершенно нелепые жёлтые кеды.

Ян вдруг вспомнил эти кеды.

И даже то, как однажды пошутил, что в них девушка может работать дорожным знаком.

Ася тогда обиделась.

Минут на пять.

Потом рассмеялась.

Он совершенно не понимал, как мог забыть такую мелочь.

Воспоминание изменилось.

Теперь они стояли возле большой картины с изображением городского двора.

— Смотри, — говорила Ася. — Какая странная.

— Нормальная картина.

— Ян, там дождь идёт.

— Ну и что? Осень же нарисована.

— Я имею в виду, что он движется.

Молодой Ян подошёл ближе.

На изображении действительно шёл дождь.

Мелкие капли падали в лужу возле скамейки.

По воде расходились круги.

Ян пригляделся.

Потом обошёл картину сбоку.

Посмотрел на раму.

— Интересно.

— Что?

— Проекция, наверное.

— Какая проекция?

— Скрытая. Сейчас делают такие штуки. Специальный экран, подсветка, анимация. Только я не понимаю, где оборудование.

Он осторожно прикоснулся к полотну.

Пальцы оказались мокрыми.

Ася вскрикнула.

Молодой Ян отдёрнул руку.

Несколько секунд они молчали.

Потом он рассмеялся.

— Вот это уже хорошая технология!

И Ян, наблюдавший воспоминание словно со стороны, вдруг почувствовал ужас.

Потому что помнил эту интонацию.

Так он говорил каждый раз, когда видел что-нибудь необычное и уже представлял, как можно использовать это в работе.

Ему хотелось первым попробовать.

Разобраться.

Повторить.

Усовершенствовать.

Продать.

И никогда не приходило в голову, что некоторые вещи существуют не для того, чтобы ими пользовались.

— Ты вспомнил? — спросила Ася.

Ян вздрогнул.

Он снова стоял в квартире.

Перед ним были те же картины, часы и покрытая чёрной водой часть пола.

— Частично.

— Что именно?

— Твою жёлтую обувь.

Ася удивлённо посмотрела на него.

— Что?

— Кеды. У тебя были жёлтые кеды.

Она неожиданно улыбнулась.

А потом заплакала.

Не громко.

Без всхлипываний.

Просто по щекам потекли слёзы.

Ян растерялся.

— Ну чего ты?

Ася покачала головой.

— Я думала, ты совсем ничего не вспомнишь.

Он подошёл к ней.

Хотел обнять.

Но остановился.

Между ними внезапно оказалось слишком много того, чего он не знал.

Слишком много лет.

Слишком много чужих решений.

И одна погибшая женщина.

— Расскажи дальше, — тихо сказал он.

В тот вечер галерея закрылась значительно позже обычного.

Последние гости ушли.

Монтажники вывезли оборудование.

Охранник проверил помещения.

И только Ян с Асей задержались возле загадочной картины.

Молодой Ян был уверен, что разгадал принцип её работы.

Он даже принёс из технической комнаты фонарик, небольшой нож и рулетку.

Последняя, по его собственному признанию, была необходима исключительно для создания впечатления серьёзного исследования.

Ася наблюдала за ним с явным беспокойством.

— Может, хватит?

— Подожди.

— Ян, мы здесь уже два часа.

— Ещё пять минут.

— Ты это говорил сорок минут назад.

— Значит, осталось совсем немного.

Он осмотрел раму.

Постучал по стене.

Попытался найти скрытые провода.

Ничего.

Потом заметил на подоконнике небольшую банку с кистями.

И рядом — чистый холст.

Ян взял одну из кистей.

— Слушай, а если попробовать нарисовать что-нибудь самому?

Ася посмотрела на него.

— Ты же рисовать не умеешь.

— Тем интереснее.

— Ян.

— Что?

— Не надо.

Он улыбнулся.

— Да что случится? Максимум испорчу холст. Куплю новый.

Он нарисовал дверь.

Обычную.

Довольно кривую.

С одной ручкой и почему-то без петель.

Ася рассмеялась.

— Это что?

— Дверь.

— Похоже на холодильник.

— Зато вместительный.

Ян положил кисть.

Они отошли на несколько шагов.

И тогда ручка на нарисованной двери медленно повернулась.

Ян резко открыл глаза.

Он снова находился в квартире Аси.

— Я действительно её нарисовал.

Дядя Паша кивнул.

— Да.

— И она открылась?

— Не сразу.

— Что значит не сразу?

Старик посмотрел на него.

— Сначала ты попросил.

— Кого?

— Того, кто мог тебя услышать.

Ян нахмурился.

— Я ничего не просил.

— Просил. Только не словами.

— А чем?

Дядя Паша указал на картины.

— Желанием.

Ян помолчал.

— Послушайте, если вы сейчас начнёте рассказывать, что все желания исполняются, я, пожалуй, окончательно разочаруюсь в вашей системе мироздания.

Старик улыбнулся.

— Не все.

— А какие?

— Те, за которые человек согласен заплатить.

— И сколько я заплатил?

— Пока ничего.

Ян посмотрел на него.

— Пока?

— Вот в этом и проблема.

Дядя Паша подошёл к столу и сел.

Из кармана старого пиджака он достал пачку папирос.

Повертел в руках.

Убрал обратно.

— Знаешь, Ян, когда человек очень сильно чего-нибудь хочет, он редко задумывается о том, что будет потом.

— Особенно если ему обещают бесплатно, — заметил Ян.

— Вот именно.

Старик кивнул на картины.

— Ты ведь не просто дверь нарисовал.

— А что?

— Возможность.

Ян молчал.

— Ты хотел попасть туда, где можно исправить то, что уже произошло. Где никакая ошибка не окончательна.

— И что в этом плохого?

— Само по себе ничего.

Дядя Паша посмотрел ему в глаза.

— Только у любого человека есть множество дорог, по которым он мог бы пойти. А ты захотел, чтобы все они стали настоящими одновременно.

Ян вспомнил человека в длинном пальто.

И другого — молодого, с его лицом.

— Поэтому появились двойники?

— Не совсем двойники.

— А кто?

— Ты сам. Только с другими ответами на одни и те же вопросы.

Старик немного помолчал.

— Один Ян решил остаться. Другой — уйти. Третий — подождать. Четвёртый захотел всё изменить.

— А настоящий кто?

Дядя Паша печально улыбнулся.

— Это самый трудный вопрос, парень.

За входной дверью тихо рассмеялись.

— Наконец-то хоть кто-то сказал правду.

Ян обернулся.

Человек с его лицом всё ещё находился снаружи.

Только теперь в щели между дверью и косяком был виден один глаз.

Точно такой же, как у Яна.

— Не слушай его, — произнесла Ася.

— Почему? — спросил двойник. — Я ведь тоже помню тот вечер.

Он посмотрел на неё.

— И помню, что ты сделала после.

Ася побледнела.

— Хватит, — сказал дядя Паша.

Человек за дверью улыбнулся.

— Почему? Боишься, что он узнает?

Старик медленно поднялся.

— Ты своё слово уже получил.

— Моё слово? — переспросил двойник. — Мне вообще ничего не досталось. Ни жизни. Ни памяти. Ни даже собственного имени.

Он ударил ладонью по двери.

Дерево дрогнуло.

— А теперь они собираются уйти, будто ничего не произошло!

Ян посмотрел на Асю.

— Что он имеет в виду?

Она села на край дивана.

Некоторое время рассматривала свои руки.

Потом произнесла:

— Я расскажу всё, что знаю.

После того вечера они ещё несколько раз возвращались в галерею.

Сначала просто из любопытства.

Проверяли картины.

Открывали и закрывали нарисованные двери.

Однажды Ян обнаружил, что за изображённым окном можно увидеть настоящую улицу.

Другую.

Не ту, что находилась за стенами особняка.

На следующий день Ася принесла блокнот и начала записывать происходящее.

Это была её идея.

Она всегда предпочитала сначала разобраться, а уже потом действовать.

Ян придерживался противоположной философии.

Он был убеждён, что разбираться значительно интереснее уже после того, как что-нибудь произошло.

Постепенно они научились переходить из одного изображения в другое.

Из городского двора — в заснеженный лес.

Из леса — на пустую театральную сцену.

Из театра — на старую московскую улицу.

Поначалу всё напоминало необычную игру.

Ян придумывал маршруты.

Ася составляла карту.

Иногда они возвращались в галерею через несколько минут, хотя по собственным ощущениям гуляли несколько часов.

Однажды произошло обратное.

Они провели внутри картины не больше двадцати минут.

А когда вернулись, в галерее уже наступило следующее утро.

— Вот тогда я испугалась, — сказала Ася.

Ян внимательно слушал.

— Почему?

— Потому что поняла: мы не знаем, что происходит со временем.

— А я?

Она посмотрела на него.

— Ты сказал, что это замечательно.

Ян опустил голову.

— Вполне мог.

— Ты даже предложил использовать картины для мероприятий.

Он невольно улыбнулся.

— Серьёзно?

— Сказал, что можно сделать лучший интерактив в истории.

— И ведь действительно можно было.

Ася покачала головой.

— Ян!

— Всё, молчу.

Она продолжила:

— Потом стали появляться люди.

— Какие?

— Сначала незнакомые. Потом те, кого мы знали.

Ася рассказала о первом двойнике.

Это был мужчина, которого они встретили на одной из нарисованных улиц.

Он утверждал, что уже много лет работает в соседнем магазине, хотя самого магазина на картине раньше не существовало.

Через несколько дней они встретили того же человека в другом месте.

Только теперь он был врачом.

И совершенно не помнил никакого магазина.

— Ты тогда решил, что это разные люди, — сказала Ася.

— А ты?

— Я заметила одинаковый шрам у них на руке.

Ян помолчал.

— И что потом?

— Потом появился ты.

Ася поднялась и подошла к картине с изображением пустой сцены.

— Сначала мы увидели тебя в зрительном зале.

— Меня?

— Ты сидел в последнем ряду.

— А где был настоящий я?

— Рядом со мной.

Ян почувствовал неприятный холод.

— И что сделал второй?

— Ничего. Просто смотрел на нас.

Она помолчала.

— На следующий день мы встретили ещё одного.

— Где?

— В городском дворе.

— Он разговаривал?

— Да.

— Что сказал?

Ася закрыла глаза.

— Спросил, почему вы живёте, а я нет.

Ян посмотрел в сторону двери.

Человек за ней перестал улыбаться.

Теперь он молча слушал.

— И я что ответил? — спросил Ян.

— Ты сказал, что он ненастоящий.

В комнате стало тихо.

Двойник медленно опустил голову.

Потом негромко произнёс:

— Именно.

Он поднял глаза на Яна.

— Помнишь теперь?

Ян не ответил.

— Ты даже не спросил, каково мне здесь. Просто рассмеялся.

Ян почувствовал себя неуютно.

Потому что подобную реакцию действительно мог себе представить.

Когда он был моложе, некоторые вещи казались ему слишком нелепыми, чтобы относиться к ним серьёзно.

Возможно, именно поэтому они впоследствии и становились серьёзными.

— А пожар? — спросил он.

Ася повернулась.

— До пожара прошёл почти год.

— Ты всё это время оставалась здесь?

— Да.

— А я?

Она помолчала.

— Ты уходил. Возвращался. Иногда не узнавал меня.

— Почему?

— Потому что каждый раз, когда ты выбирал одну дорогу, другая твоя жизнь оставалась здесь.

Ян посмотрел на двойника.

Тот стоял совершенно неподвижно.

— Однажды ты вышел из картины и забыл, что мы вообще туда входили, — продолжила Ася. — Я пыталась напомнить. Показывала записи. Фотографии. Но они менялись прямо у меня в руках.

— И ты продолжала искать меня?

— Конечно.

Она сказала это так просто, что Ян не нашёл ответа.

— Потом я заметила, что картины начали меняться даже без нас. На них появлялись новые улицы, комнаты, люди. Иногда двери открывались сами.

Ася посмотрела на вход.

— А однажды один из них вышел наружу.

Ян нахмурился.

— Кто?

— Человек, который выглядел точно как ты.

За дверью послышался короткий смешок.

— Наконец-то дошли до интересного.

Ася не обратила внимания.

— Он вышел в настоящий мир. Прошёл по галерее. Разговаривал с сотрудниками. Никто ничего не заметил.

— Кроме тебя?

— Кроме Анны Павловны.

Ян медленно поднял голову.

— Смотрительницы?

— Да.

Анна Павловна работала в галерее много лет.

Она знала каждую картину.

Помнила художников.

Помнила посетителей.

А ещё, как выяснилось значительно позже, знала о странных свойствах некоторых полотен.

Но никогда не пыталась пользоваться ими.

— Почему? — спросил Ян.

Дядя Паша усмехнулся.

— Умная была женщина.

Ася продолжила:

— Она сказала, что происходящее необходимо остановить. Не закрыть галерею. Не убрать картины в подвал. А уничтожить проходы.

— Сжечь?

— Нет. Сначала мы пытались снять картины со стен. Выносили их во двор. Перевозили в другие здания.

— И что?

— Они возвращались.

Ян нахмурился.

— Сами?

— Да.

Однажды Ася собственноручно упаковала картину с городским двором и отвезла её на склад за пределами Москвы.

На следующее утро полотно снова висело в последнем зале.

Причём на изображённой скамейке сидел человек.

Сам Ян.

Он смотрел на зрителя и улыбался.

— Тогда Анна Павловна сказала, что дело не в картинах, — продолжила Ася. — Дело в том, что мы оставили двери открытыми.

— А пожар?

Ася опустила глаза.

— Я решила уничтожить всё сразу.

Ян молчал.

— Я знала, что в галерее никого не должно быть. Дождалась окончания работы. Проверила помещения.

Она сделала паузу.

— Но Анна Павловна вернулась.

— Зачем?

— За одной картиной.

— За какой?

Ася посмотрела на закрытый холст возле стены.

— За самой первой дверью.

Ян почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Той, которую я нарисовал?

— Да.

— И она погибла?

Ася кивнула.

— Я пыталась вернуться за ней. Но к тому времени огонь уже отрезал часть здания. А потом...

Она не договорила.

Ян тихо спросил:

— Потом что?

— Потом часы остановились.

03:17.

Эта цифра вдруг приобрела неприятный смысл.

Ян посмотрел на настенные часы.

Теперь они показывали 03:12.

Стрелки продолжали двигаться назад.

— Что произошло в 03:17? — спросил он.

Ответил дядя Паша:

— Анна Павловна закрыла последнюю дверь.

— Как?

— Осталась между двумя мирами.

— И погибла?

Старик снял кепку.

— В настоящем мире — да.

Ян посмотрел на него.

— Вы говорите так, будто это что-то меняет.

— Не меняет.

Дядя Паша произнёс это неожиданно твёрдо.

— Смерть человека нельзя исправить красивой историей. И нельзя сделать её менее настоящей оттого, что где-то существует другая дорога.

Ян замолчал.

Ася заплакала.

Старик подошёл к ней.

— Я не обвиняю тебя, девочка.

— А я себя обвиняю.

— Знаю.

Ян посмотрел на Асю.

Теперь он видел перед собой не загадочную девушку, которая сорок лет ждала его внутри картины.

А человека, совершившего страшную ошибку.

И прожившего с ней гораздо дольше, чем он мог себе представить.

Он подошёл ближе.

Сел рядом.

Ничего не сказал.

Иногда Ян умел находить слова для самых невероятных ситуаций.

Но сейчас впервые понял, что слова могут оказаться совершенно ненужными.

Часы щёлкнули.

03:11.

Дядя Паша поднял голову.

— Нам пора.

— Куда? — спросил Ян.

— Отсюда.

— А как же он?

Ян указал на двойника.

Тот медленно улыбнулся.

— А что я?

— Ты собираешься оставить нас в покое?

— Нет.

Ответ прозвучал настолько спокойно, что Ян невольно усмехнулся.

— Спасибо за честность.

— Пожалуйста.

Двойник посмотрел на Асю.

— Она ведь кое-чего не рассказала.

Ян почувствовал раздражение.

— Что ещё?

— Она объяснила, почему устроила пожар. Но не объяснила, почему я до сих пор здесь.

Ася подняла глаза.

— Не слушай его.

— Опять?

Двойник рассмеялся.

— Видишь, Ян? Ей всё время нужно, чтобы ты чего-то не знал.

Он сделал шаг к двери.

Чёрная жидкость на полу задрожала.

Ян вдруг заметил, что это вовсе не вода.

Она была слишком густой.

На поверхности появлялись странные разводы.

И пахло от неё краской.

— Что это? — спросил он.

Дядя Паша посмотрел вниз.

— То, что не успели закончить.

— В каком смысле?

— Незаконченная картина.

Ян нахмурился.

— Она течёт из-под двери?

— Нет, Ян. Это дверь постепенно становится картиной.

Он посмотрел на деревянные доски.

И действительно заметил, что их края теряют чёткость.

Будто изображение, нанесённое на старый холст, размазывают мокрой кистью.

Двойник улыбнулся.

— Скоро мы сможем поговорить без всяких преград.

Фокс неожиданно поднялся.

Подошёл к столу.

Понюхал ножку стула.

Затем направился к старому шкафу возле стены.

Ян заметил это.

— Фокс?

Пёс обернулся.

Тихо заскулил.

И начал скрести пол.

— Что там?

Ян подошёл ближе.

На полу лежала небольшая доска, отличавшаяся от остальных.

Он присел.

Провёл пальцами по краю.

Доска немного приподнялась.

Под ней обнаружился узкий тайник.

Внутри лежали фотографии.

Старые письма.

Небольшая металлическая коробка.

И сложенный в несколько раз лист бумаги.

Ася резко подошла ближе.

— Откуда он знает?

Ян посмотрел на неё.

— Что?

— Я сама не помнила об этом тайнике.

Фокс завилял хвостом.

— Ну вот, — произнёс Ян. — А вы говорите, что собака ничего не понимает.

Он достал коробку.

Открыл.

Внутри лежал маленький латунный ключ.

И фотография.

На снимке был изображён городской двор.

Скамейка.

Фонарь.

Молодой Ян.

Ася.

И Фокс.

Только теперь собака сидела отдельно от остальных.

Рядом с пожилой женщиной в сером кардигане.

Анной Павловной.

Ян перевернул фотографию.

На обороте было написано:

«Он помнит дорогу. Даже когда остальные забудут».

Ниже стояла дата.

За день до пожара.

Ян посмотрел на Фокса.

— Так вот, значит, почему ты всё время нас находишь.

Пёс осторожно ткнулся носом в его ладонь.

Дядя Паша подошёл ближе.

Увидел ключ.

И нахмурился.

— Где ты это взял?

— Фокс нашёл.

Старик посмотрел на собаку.

— Вот ведь хитрец.

— От чего ключ? — спросил Ян.

— От того, что Анна Павловна не успела закрыть.

— То есть?

— От последней комнаты.

Ян хотел уточнить, но дядя Паша неожиданно схватил его за руку.

— Спрячь.

— Почему?
Старик посмотрел на двойника.
Тот больше не улыбался.
Он смотрел только на ключ.
— Отдай, — произнёс незнакомец.
Ян медленно убрал коробку в карман.
— Обойдёшься.
— Ты не понимаешь, что держишь.
— Уже привык.
— Отдай ключ.
— А зачем он тебе?
Двойник подошёл вплотную к двери.
Чёрная краска потекла быстрее.
— Это единственный способ закончить начатое.
Ян посмотрел на него.
— Что именно закончить?
— Нашу жизнь.
В комнате стало тихо.
Даже дядя Паша перестал двигаться.
— Нашу? — переспросил Ян.
— Да.
Двойник посмотрел ему прямо в глаза.
— Ты думаешь, я хочу тебя убить?
— А что, нет?
— Нет.
— Тогда у тебя довольно странная манера знакомиться.
Человек за дверью не улыбнулся.
— Я хочу выйти.
— И что тебе мешает?
Он посмотрел на Асю.

— Она.

Ася побледнела.

— Не надо.

— Почему? — спросил двойник. — Может, пора рассказать ему всё?

Ян повернулся к ней.

— Что ещё?

Ася молчала.

Двойник продолжил:

— Когда она устроила пожар, большая часть картин была уничтожена. Двери исчезли. Миры начали распадаться.

— И?

— А я остался.

Он сделал паузу.

— Один.

Ян смотрел на него.

— Без прошлого. Без имени. Без возможности вернуться туда, откуда меня создали.

— Но ты же вышел сюда.

— Сюда, — повторил двойник. — В ещё одну картину.

Он поднял руку.

Пальцы на мгновение стали прозрачными.

Сквозь них виднелась дверь.

Потом всё вернулось на место.

— Я не могу выйти в настоящий мир, Ян. Пока там находишься ты.

Ян почувствовал, как внутри всё похолодело.

— То есть тебе нужно моё место?

Двойник медленно кивнул.

— Мне нужна моя жизнь.

— А мне куда деваться?

— Туда, где я прожил все эти годы.

Ян усмехнулся.

— Замечательное предложение. Прямо обмен квартирами. Только без моего согласия.

— У тебя когда-нибудь спрашивали согласия те, кто оставил меня здесь?

Ян не ответил.

— Ты создал дверь, — продолжил двойник. — Ты открыл проход. Ты выбрал, какой из нас будет жить.

Он сделал шаг назад.

— И теперь считаешь, что я чудовище только потому, что хочу того же самого.

Ян посмотрел на него внимательнее.

Впервые он увидел не угрозу.

Не странное отражение.

А человека, которому действительно нечего было терять.

Это не делало его безопасным.

Но многое объясняло.

— Слушай, — произнёс Ян. — Если мы оба хотим выйти, может, существует третий вариант?

Двойник усмехнулся.

— Ты всегда так говорил.

— Что?

— Что найдёшь третий вариант.

Ян пожал плечами.

— Иногда находил.

— А иногда оставлял других платить за свои решения.

Это прозвучало больнее, чем Ян ожидал.

03:09.

Часы продолжали идти назад.

Дядя Паша посмотрел на них.

— Всё. Разговоры закончились.

Он подошёл к покрытому тканью холсту.

Снял покрывало.

На картине был изображён большой город.

Серые дома.

Улицы.

Фонари.

Недостроенные мосты.

Некоторые здания заканчивались прямо посреди стен, словно художник не успел завершить работу.

В центре полотна находилась широкая площадь.

А над ней висело пустое небо.

Без солнца.

Без облаков.

Просто белое пространство.

Ян подошёл ближе.

— Это что?

— Город незаконченных историй.

— Красиво назвали.

— Не я.

Ася посмотрела на картину.

— Я знаю это место.

— Была там?

— Один раз.

— И как?

Она помолчала.

— Я не смогла найти дорогу обратно.

Ян повернулся к дяде Паше.

— Звучит обнадёживающе.

Старик улыбнулся.

— Там есть то, что вам нужно.

— Что именно?

— Картина, которую Ян не успел закончить.

Ян нахмурился.

— Я?

— Ты.

— А почему её нужно искать?

— Потому что в ней осталась дорога, которую ты так и не выбрал.

Ян посмотрел на изображённый город.

— И она приведёт нас наружу?

Дядя Паша покачал головой.

— Не обязательно.

— А куда?

— К ответу.

Ян закрыл глаза.

— Боже, как же вы меня все достали со своими ответами.

Фокс первым подошёл к картине.

Осторожно понюхал раму.

Затем поднял переднюю лапу.

Коснулся поверхности.

Лапа исчезла внутри изображения.

Пёс удивлённо посмотрел на неё.

Попробовал ещё раз.

И тут же просунул голову в холст.

— Фокс! — позвал Ян.

Собака обернулась.

Вильнула хвостом.

И исчезла целиком.
Ян посмотрел на Асю.
— Ну всё. Наш экскурсовод отправился.
Она подошла к картине.
Осторожно протянула руку.
Пальцы прошли сквозь изображение.
Ася удивлённо посмотрела на Яна.
— Я могу.
— Вот и отлично.
— Но…
— Что?
Она взглянула на входную дверь.
За ней стоял двойник.
Неподвижный.
Почти растворившийся в полумраке.
— Он тоже сможет пройти.
Дядя Паша покачал головой.
— Пока нет.
— Почему?
— Потому что он не знает, какую историю ищет.
Ян посмотрел на старика.
— А мы знаем?
— Вы хотя бы начали вспоминать.
Внезапно раздался громкий треск.
Входная дверь раскололась посередине.
Чёрная краска хлынула в комнату.
Картины на стенах задрожали.
На одной изображённый лес начал покрываться снегом.
На другой погасли городские фонари.
На третьей вместо пустой сцены появился человек.

Он сидел на стуле.
Спиной к зрителю.
Ян узнал собственную куртку.
— Ну хватит уже копий! — крикнул он. — Сколько можно?!
Двойник сделал шаг через порог.
Его лицо на мгновение исказилось.
Будто изображение на плохо настроенном телевизоре.
Потом снова стало обычным.
— Ключ, Ян.
— Нет.
— Последний раз прошу.
— А я последний раз отказываю.
Двойник посмотрел на него.
И неожиданно улыбнулся.
— Тогда увидимся там, где ты меня оставил.
Он отступил.
Чёрная краска поднялась по стенам.
Комната начала терять очертания.
Дядя Паша схватил Яна за плечо.
— Пора!
— А вы?
— Мне другой дорогой.
— Какой?
— Своей.
Ян хотел возразить.
Но старик неожиданно положил ему в руку небольшой предмет.
Старую металлическую зажигалку.
Потемневшую.
С царапиной на крышке.
— Зачем?

— Пригодится.

— Для чего?

Дядя Паша посмотрел на него.

— Когда будешь выбирать, что сохранить.

Ян нахмурился.

— А что с ней делать?

Но старик уже повернулся к двери.

Поднял с пола свою кепку.

Надел её.

И негромко произнёс:

— На этот раз, Ян, постарайся не перепутать желание с обещанием.

Ася схватила Яна за руку.

Они подошли к картине.

Поверхность полотна слегка колыхалась.

За ней виднелся серый город.

На площади стоял Фокс.

Он нетерпеливо переминался с лапы на лапу.

Ян посмотрел на Асю.

— Готова?

Она кивнула.

— Нет.

Он улыбнулся.

— Я тоже.

И они шагнули внутрь.

Первое, что удивило Яна, — отсутствие звуков.

Город был огромным.

Вдоль широких улиц стояли дома.

Высились недостроенные башни.

Тянулись линии электропередачи.

На перекрёстках горели светофоры.

Но нигде не было ни одной машины.

Ни одного прохожего.

Ни одного открытого окна.

Даже ветер не шевелил деревья.

Фокс стоял возле каменной лестницы и внимательно смотрел на хозяина.

Ян оглянулся.

Картины позади уже не было.

Вместо неё возвышалась кирпичная стена.

— Замечательно, — произнёс он. — Вышли. Куда — неизвестно. Назад нельзя. Всё как обычно.

Ася стояла рядом.

Смотрела на город.

И почему-то выглядела ещё более встревоженной, чем раньше.

— Что такое? — спросил Ян.

— Здесь что-то изменилось.

— А раньше было иначе?

Она кивнула.

— Раньше здесь были люди.

Ян посмотрел на пустую площадь.

— А теперь?

— Теперь никто не заканчивает свои истории.

Он хотел спросить, что это означает, но заметил движение.

В одном из окон высокого дома кто-то стоял.

Человек.

Ян пригляделся.

Мужчина в деловом костюме.

Он неподвижно смотрел на улицу.

Затем в соседнем окне появился ещё один.

Потом ещё.

Через несколько секунд десятки окон были заполнены людьми.

Мужчины.

Женщины.

Дети.

Все стояли неподвижно.

И смотрели вниз.

На Яна.

Асин голос прозвучал почти шёпотом:

— Нам нужно найти мастерскую.

— Какую?

— Ту, в которой осталась последняя незаконченная картина.

Ян посмотрел на людей в окнах.

— А кто все эти граждане?

Ася не ответила.

Фокс зарычал.

И тогда один из людей в окне поднял руку.

Помахал Яну.

Он узнал это движение.

Затем человека.

Это был мужчина в длинном тёмном пальто.

Тот самый старший Ян, которого он встретил возле книги регистрации.

Только теперь он выглядел ещё старше.

Он открыл окно.

Наклонился вперёд.

И громко крикнул:

— Ян! Не ходи в мастерскую!

Ян замер.

Мужчина продолжил:

— Он ждёт тебя там!

— Кто?! — крикнул Ян.

Старший Ян посмотрел куда-то за его спину.

И побледнел.

— Тот, ради кого ты всё это начал!

В тот же момент на площади заработали громкоговорители.

Сначала послышался треск.

Затем знакомая мелодия.

Баян дяди Паши.

А после — женский голос.

Тихий.

Детский.

Совершенно не похожий на голос взрослой Аси, стоявшей рядом.

— Ян, ты обещал, что вернёшься.

Ася резко схватила его за руку.

— Не слушай!

Но было поздно.

Потому что Ян вспомнил этот голос.

И вместе с ним — старый московский двор.

Детскую площадку.

Разбитую бутылку возле забора.

Маленькую собаку, лежащую на мокром асфальте.

И девочку, которая плакала так сильно, что не могла произнести ни слова.

Он вспомнил, как сидел рядом с ней.

Как держал её за руку.

И как впервые в жизни по-настоящему захотел изменить прошлое.

Не ради денег.

Не ради успеха.

Не ради того, чтобы доказать кому-нибудь собственную правоту.

А потому, что не мог принять одну простую вещь.

Иногда происходящее невозможно исправить.

Ян медленно посмотрел на Фокса.

Пёс сидел возле его ног.

Живой.

Тёплый.

Настоящий.

Затем Ян перевёл взгляд на Асю.

— Подожди...

Она смотрела на него со страхом.

— Ян, пожалуйста.

Он опустился на колени перед собакой.

Осторожно положил ладонь ей на голову.

И тихо спросил:

— Фокс... А ведь тогда я нашел тебя?

Пёс посмотрел ему в глаза.

И не завилял хвостом.

ГЛАВА VII

Город незаконченных историй

— • —

Первое, что удивило Яна, — здесь пахло хлебом.

Не краской, не пылью и не старой бумагой, как во всех предыдущих местах, куда его заносило за последнее время. А совершенно обычным свежим хлебом.

Где-то неподалёку работала пекарня.

Следом до него донёсся звон трамвая, шум человеческих голосов и чей-то раздражённый крик:

— Петрович, я тебе третий раз говорю, эта стена вчера была левее!

— Сам ты левее! — ответили из глубины улицы.

Ян остановился.

Перед ним раскинулся огромный город.

С площади, на которой они оказались, расходились шесть улиц. Одна была застроена старыми московскими особняками, другая — современными стеклянными зданиями, третья уходила куда-то между заводскими корпусами. На четвёртой виднелись разноцветные фасады европейского города, совершенно не подходившие к окружающей архитектуре.

Пятая улица заканчивалась посередине моста.

Шестая вообще никуда не вела.

Она начиналась широким проспектом, проходила между двумя жилыми домами и через несколько десятков метров обрывалась в белую пустоту.

Но удивительнее всего было другое.

Здесь жили люди.

Настоящие.

По тротуарам ходили прохожие, возле остановки спорили двое мужчин, из открытого окна второго этажа доносилась музыка. Женщина в цветастом халате вытряхивала коврик, а возле газетного киоска образовалась небольшая очередь.

Никто не выглядел особенно счастливым.

И это обстоятельство почему-то успокоило Яна.

— Слушай, — произнёс он, — а тут вполне прилично.

Ася посмотрела на него.

— Ты ожидал другого?

— После всего, что мы видели, я уже ничему не удивлюсь. Но если здесь есть нормальный кофе, предлагаю остаться.

Фокс поднял голову.

Понюхал воздух.

И уверенно направился в сторону пекарни.

— Вот, — сказал Ян. — Хоть у кого-то сохранились здоровые жизненные приоритеты.

Они пошли следом.

Пекарня располагалась в угловом доме, который, судя по всему, строили сразу три архитектора, причём ни один не знал о существовании остальных.

Первый этаж был кирпичным.

Второй — деревянным.

А третий представлял собой странную стеклянную конструкцию, больше подходящую современному бизнес-центру.

Над дверью висела вывеска:
«ХЛЕБ И ДРУГИЕ НЕОБХОДИМЫЕ ВЕЩИ»
Внутри пахло выпечкой, корицей и кофе.
За прилавком стояла женщина лет пятидесяти.
— Доброе утро, — произнёс Ян.
— Оно у кого как, — ответила женщина. — Вам чего?
— Кофе есть?
— Есть.
— Настоящий?
Женщина посмотрела на него.
— А какой ещё?
— Последнее время мне попадались разные варианты.
— Двести рублей.
Ян полез в карман.
Достал телефон.
Потом бумажник.
В бумажнике лежали несколько купюр.
Он протянул одну.
Женщина внимательно её рассмотрела.
— Московские?
— А какие нужны?
— У нас такие редко принимают.
Ян посмотрел на Асю.
— Началось.
Женщина вздохнула.
— Ладно, давайте. Только сдачи не будет.
— А можно кофе и что-нибудь собаке?
— Сосиску?
Фокс немедленно оживился.
— Вот видите, — сказал Ян. — Он согласен.

Женщина поставила перед ним чашку.

Потом достала небольшую тарелку и положила туда кусочки варёного мяса.

— Держите. Для собаки бесплатно.

— А мне?

— А вам двести рублей.

— Дискриминация.

— Собака хотя бы не задаёт глупых вопросов.

Ян усмехнулся.

Ему начинало нравиться это место.

За соседним столиком сидел мальчишка лет тринадцати.

Худой, в слишком большой зелёной куртке, с рюкзаком, из которого торчали свёрнутые бумажные карты.

Он ел булку и внимательно наблюдал за незнакомцами.

Особенно за Фоксом.

— Это ваша собака? — наконец спросил он.

Ян кивнул.

— Моя.

— Умная?

— Иногда умнее хозяина.

Мальчик задумался.

— Значит, очень умная.

— Спасибо.

— Вы приезжие?

— Можно сказать и так.

— Из какого района?

Ян посмотрел на Асю.

— Из Москвы.

Мальчик перестал жевать.

— Из настоящей?

— Вроде бы.
Он мгновенно поднялся.
Подошёл к столу.
— А там метро есть?
Ян удивился.
— Конечно.
— И оно везде достроено?
— Не везде. Но стараются.
Мальчишка присвистнул.
— У нас тоже хотели.
— Не получилось?
— Тоннели построили. Станции забыли.
Он указал куда-то за окно.
— Теперь там люди живут.
— В метро?
— А где ещё? Квартиры дорогие.
Ян рассмеялся.
— А тебя как зовут?
— Женька.
— Ян.
Мальчик посмотрел на него внимательнее.
— Ян?
— Да.
— Тот самый?
Ян перестал улыбаться.
— Какой именно?
Женька оглянулся.
Наклонился ближе.
— Которого ищут.
В пекарне стало как-то подозрительно тихо.

Женщина за прилавком перестала протирать чашку.

Посмотрела на мальчишку.

— Женька.

— Что?

— Ешь булку.

— Я просто спросил.

— Вот и не спрашивай.

Он закатил глаза.

— Тётя Рая, ну он же сам сказал.

— Ешь.

Женька вернулся за стол.

Но уже через несколько секунд достал из рюкзака смятый лист бумаги.

Развернул его.

Показал Яну.

Это была фотография.

Довольно неудачная.

На ней стоял мужчина в тёмном пальто.

С лицом Яна.

Под фотографией крупными буквами значилось:

«РОЗЫСК. ОСОБОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ ГОРОДСКОЙ РЕДАКЦИИ»

Ян внимательно рассмотрел изображение.

— Это не я.

Женька нахмурился.

— А кто?

— Вот хотел бы узнать.

— Очень похож.

— Мне уже говорили.

Мальчик повернул лист.

На обратной стороне была ещё одна фотография.

Теперь Ян увидел человека значительно старше себя.

Седые волосы.

Морщины.

Та же форма носа.

Та же улыбка.

— И это тоже не я, — сказал он.

Женька усмехнулся.

— Ага. Конечно.

Ася осторожно забрала лист.

Прочитала несколько строк.

И побледнела.

— Ян, нам лучше уйти.

Он посмотрел на неё.

— А что там?

Она молча показала нижнюю часть объявления.

Под фотографиями находилась надпись:

«Все обнаруженные версии гражданина Яна подлежат доставлению в Центральное бюро. Самостоятельный выход из города запрещён».

Ян вздохнул.

— Как всегда. Даже здесь бюрократия.

На улице раздался звон трамвая.

Женька мгновенно схватил рюкзак.

— Вам к Варе надо.

— К какой Варе?

— Картограф.

— И чем она поможет?

— Она знает, где город заканчивается.

Ян посмотрел на Асю.

— Вот это уже полезная профессия.

Мальчик направился к выходу.

— Пошли. Только быстро. Сейчас редакторы пойдут.

— Кто?

Но Женька уже выбежал на улицу.

Фокс дополнил его предложение действием: поднялся и потянул Яна к двери.

— Ладно, — произнёс тот. — Сегодня у нас коллективное управление.

Трамвай оказался старым.

Красно-белым.

С деревянными сиденьями и потёртыми металлическими поручнями.

На его переднем табло светилось:

МАРШРУТ № 0

Внутри было довольно много пассажиров.

Пожилой мужчина читал газету.

Девушка в наушниках смотрела в телефон.

На задней площадке стояли два рабочих с инструментами.

Женщина держала огромный букет цветов, который периодически бил соседа по лицу.

Совершенно обычная поездка в общественном транспорте.

Если не считать того, что рельсы впереди обрывались прямо посреди перекрёстка.

Ян остановился у входа.

— Женька, а дальше он куда?

Мальчишка посмотрел на пути.

— Куда надо.

— А рельсы?

— Появятся.

— Когда?

— Когда поедем.

Ян задумался.

— В принципе, подход знакомый. У нас так многие проекты строятся.

Из кабины высунулся водитель.

Невысокий пожилой мужчина с седыми усами.

— Молодые люди! Или заходите, или я уезжаю!

— Семён Ильич! — крикнул Женька. — Нам до Архива!

— Тогда тем более быстрее! После обеда туда уже не ходим!

Ян поднялся в вагон.

Фокс последовал за ним.

Водитель посмотрел на собаку.

— С намордником?

— Нет.

— Кусается?

— Только плохих людей.

Семён Ильич окинул взглядом пассажиров.

— Тогда мне спокойнее.

Двери закрылись.

Трамвай тронулся.

И перед ним действительно начали появляться рельсы.

Ян сел у окна.

Несколько минут он наблюдал за городом.

Трамвай двигался по улицам, которые непрерывно менялись.

На одном перекрёстке они проехали мимо старого советского кинотеатра.

За ним начинался квартал современных высоток.

Ещё через несколько минут появился огромный парк.

Деревья здесь росли прямо из асфальта, а между ними стояли недостроенные беседки и скульптуры.

На одной из аллей Ян заметил людей, которые дружно тащили огромную театральную декорацию.

На другой — оркестр, репетировавший под открытым небом.

Музыканты спорили.

Дирижёр кричал.

Трубач курил, спрятавшись за деревом.

Ян невольно улыбнулся.

По крайней мере, некоторые вещи оставались неизменными даже в параллельных мирах.

Ася сидела рядом.

Фокс устроился у её ног.

Женька стоял у двери и разговаривал с Семёном Ильичом.

— Опять закрывают Маячную, — донёсся до Яна голос водителя.

— Сегодня? — удивился мальчик.

— После шести.

— Но там же люди!

— Люди есть везде. Бумаги у них нет.

— И что теперь?

Семён Ильич вздохнул.

— А теперь редакция решила, что улица не нужна.

Ян поднялся.

— Простите. А как можно решить, что улица не нужна?

Водитель посмотрел на него через зеркало.

— Очень просто. Собираются люди в красивых кабинетах и решают.

— Знакомая процедура.

— Только у нас после решения улица действительно исчезает.

Ян замолчал.

— В каком смысле?

— В прямом.

Семён Ильич показал на окно.

За ним стояла небольшая пятиэтажка.

Вдруг на её фасаде появилась широкая белая полоса.

Затем вторая.

Третья.

Будто невидимый маляр закрашивал здание огромным валиком.

Через несколько секунд исчез целый подъезд.

Ян резко поднялся.

— Там люди живут!

— Уже нет, — ответил водитель.

— А куда они делись?

Семён Ильич молчал.

Потом произнёс:

— Кому повезло — переселили. Остальных записали в законченные истории.

— Это ещё что?

Водитель посмотрел на него.

— Узнаете.

Бюро картографии находилось в здании бывшего вокзала.

Огромные часы над входом показывали разные времена.

Левые — 11:42.

Правые — 18:09.

Центральные вообще стояли без стрелок.

На фасаде висела вывеска:

«ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ НЕСУЩЕСТВУЮЩИХ ДОРОГ»

Ниже кто-то красной краской дописал:

«И существующих, пока их не закрыли».

Внутри пахло бумагой и типографской краской.

За длинными столами сидели люди.

Они чертили планы.

Перерисовывали улицы.

Сверяли схемы.

На стенах висели карты города.

Огромные.

Сотни обозначений.

Красные линии.

Синие круги.

Чёрные кресты.

Ян остановился.

— Вот это масштаб.

Он привык к планам площадок.

К схемам размещения гостей.

К чертежам декораций.

Но здесь вся эта работа приобрела совершенно другое значение.

Люди не просто изображали город.

Они пытались удержать его от исчезновения.

Возле самого большого стола стояла девушка лет тридцати.

Короткие тёмные волосы.

Серая рубашка.

Карандаш за ухом.

На носу очки, которые она периодически снимала, чтобы протереть, а затем немедленно надевала обратно.

— Варя! — крикнул Женька.

Девушка подняла голову.

— Что случилось?

— Я людей привёл.

— Женька, сколько раз просила не приводить сюда кого попало?

— Они не кто попало.

— Очень убедительно.

Она посмотрела на Яна.

Потом на Асю.

Затем на Фокса.

— Собаку зачем?

Ян пожал плечами.

— Он сам настоял.

Варя посмотрела ещё раз.

— Как зовут?

— Фокс.

— Я не собаку спрашивала.

— Ян.

Она замерла.

Медленно сняла очки.

— Повтори.

— Ян.

Несколько секунд она смотрела на него.

Затем повернулась к Женьке.

— Ты идиот?

— Почему?!

— Потому что ты привёл сюда человека, которого ищет половина города!

Женька обиженно посмотрел на неё.

— Но ты сама говорила, что нам нужен автор.

Ян нахмурился.

— Какой ещё автор?

Варя перевела на него взгляд.

— Пойдёмте.

Она провела их в небольшую комнату.

На стене висела огромная карта.

Не такая, как в общем зале.

Здесь город был изображён целиком.

И Ян впервые увидел его настоящий масштаб.

Десятки районов.

Сотни улиц.

Промышленные зоны.

Реки.

Мосты.

Парки.

Стадионы.

Театры.

Целые кварталы.

А за городской чертой начинались белые территории.

Огромные пустоты, отделявшие один район от другого.

— Это всё существует? — спросил Ян.

— Частично, — ответила Варя.

Она указала карандашом на центральную часть.

— Старый город. Здесь всё относительно стабильно.

Потом показала на восточную окраину.

— Новые районы. Постоянно меняются.

Затем на запад.

— Здесь находятся заброшенные проекты.

— Какие?

— Города, которые кто-то придумал и не построил. Дома, которые снесли до окончания строительства. Улицы, которые никогда не появились на настоящих картах.

Ян задумался.

— То есть сюда попадают не только люди?

Варя посмотрела на него.

— Конечно нет.

Она указала на огромную территорию возле реки.

— Здесь стоит целый аэропорт, который так и не построили. Взлётные полосы есть. Самолётов нет.

Рядом виднелся большой парк.

— А здесь город развлечений. Несколько сотен аттракционов. Некоторые работают, другие даже не существуют до конца.

Ян почувствовал знакомый профессиональный интерес.

— А кто всем этим управляет?

Варя усмехнулась.

— Вот тут начинается самое интересное.

Она достала ещё одну карту.

Развернула на столе.

На ней находились красные отметки.

Много.

Слишком много.

— Городская редакция, — произнесла она. — Они решают, какие истории можно оставить, а какие необходимо закончить.

— Почему?

— Потому что считают, что незавершённые истории делают город нестабильным.

— А это правда?

Варя помолчала.

— Иногда.

Ответ удивил Яна.

— То есть они не просто злодеи?

— Удобно было бы, правда?

Она присела на край стола.

— Здесь действительно есть опасные места. Дороги, которые ведут в никуда. Здания, которые меняются внутри. Районы, где невозможно выйти из одного и того же дня. Редакция когда-то занималась тем, что удерживала всё это под контролем.

— А теперь?

— Теперь они решили, что проще всё закончить.

Дверь распахнулась.

В комнату вошла девушка с фотоаппаратом на плече.

Рыжие волосы были собраны в небрежный хвост.

На куртке висело несколько значков.

Один гласил:

«ПРАВДА НЕ СОГЛАСОВАНА»

— Варя, ты видела, что они творят на Маячной?!

Она остановилась.

Посмотрела на Яна.

Потом на Асю.

— А это кто?

— Гости.

— Какие ещё гости?

— Из настоящего мира.

Рыжеволосая прищурилась.

— Серьёзно?

Ян кивнул.

— Насколько могу судить.

Она подошла ближе.

— Лика.

— Ян.

Девушка резко выпрямилась.

— Тот самый?

Ян тяжело вздохнул.

— Можно мне уже бейдж сделать? С фотографией и надписью «Да, тот самый Ян». А то очень много времени уходит на знакомство.

Лика усмехнулась.

— Ладно, чувство юмора на месте.

Она подняла фотоаппарат.

Щёлкнула затвором.

Ян поморщился.

— Можно было спросить.

— А ты мог отказаться.

— Логично.

— Вот и отлично.

Лика достала из кармана сложенную газету.

Положила на стол.

На первой полосе была фотография улицы.

Половина зданий исчезла.

Заголовок гласил:

«ЕЩЁ ОДИН РАЙОН ПОДЛЕЖИТ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ»

Ниже:

«Официально переселены 143 человека. Местонахождение остальных уточняется».

Ян поднял глаза.

— Это сегодня?

Лика кивнула.

— Через несколько часов закончат.

— А почему никто ничего не делает?

Варя посмотрела на него.

— Делаем.

Она показала на карты.

— Пытаемся сохранить улицы.

Лика — на фотографии.

— Пытаемся рассказать людям.

Женька поднял руку.

— А я разношу сообщения.

Ян посмотрел на мальчика.

— А трамвайщик?

— Семён Ильич вывозит людей, — ответила Варя.

В комнате стало тихо.

Ян задумался.

Потом спросил:

— А сколько людей живёт на Маячной?

— Около четырёхсот, — ответила Варя.

— И всех собираются переселить?

Лика покачала головой.

— Нет. Часть отправят в Центральный район. Остальных — на Карнавал.

Ян нахмурился.

— Какой Карнавал?

Варя и Лика переглянулись.

— Ты действительно ничего не помнишь? — спросила Варя.

Он покачал головой.

Лика медленно произнесла:

— Самый большой праздник в городе.

Она помолчала.

— Который длится уже много лет.

Варя повела их в соседнюю комнату.

Там на стене висела ещё одна карта.

Теперь Ян увидел огромную территорию на окраине города.

Почти четверть всей площади занимал один объект.

Он был отмечен золотым цветом.

КАРНАВАЛ

Вокруг него располагались жилые районы, развлекательные площадки, парки, театры и целый лабиринт служебных помещений.

— Это что, парк развлечений? — спросил Ян.

— Когда-то был, — ответила Варя.

— А сейчас?

Лика сложила руки на груди.

— Сейчас туда отправляют всех, чьи истории признали законченными.

Ян посмотрел на карту.

— И что с ними происходит?

— Они получают новую жизнь, — произнесла Варя. — По крайней мере, так говорит редакция.

— А на самом деле?

Лика достала фотографию.

На ней была изображена женщина.

Лет сорока.

С короткими светлыми волосами.

Обычная женщина.

— Это моя сестра, — сказала она.

Ян посмотрел на снимок.

— И?

— Полгода назад её отправили туда.

— За что?

Лика усмехнулась.

— У нас не обязательно совершать преступление. Достаточно оказаться ненужным.

Она положила рядом вторую фотографию.

Та же женщина.

Теперь в ярком праздничном платье.

С широкой улыбкой.

За спиной — разноцветные огни карнавала.

— Видишь?

— Да.

— Каждый вечер она выходит на сцену. Поёт одну и ту же песню. Улыбается. Кланяется.

Ян нахмурился.

— И что?

— Она никогда не любила петь.

Лика посмотрела на фотографию.

— Она хотела открыть книжный магазин.

Варя осторожно убрала снимки со стола.

— Мы не знаем, что там происходит. Оттуда почти никто не возвращается.

Ян долго смотрел на карту.

Потом произнёс:

— А кто организовал этот Карнавал?

Лика посмотрела на него.

— Вот это мы и хотели у тебя спросить.

В дверях появился Семён Ильич.

Он снял форменную фуражку.

Вытер лоб.

— Варвара, у нас проблема.

— Какая?

— Маячную начали закрывать раньше.

Женька вскочил.

— Но ведь обещали после шести!

— Передумали.

Ян невольно усмехнулся.

— Ну вот. Значит, это точно настоящий город. Обещания здесь тоже ничего не стоят.

Варя посмотрела на часы.

— Сколько времени?

— Минут сорок, — ответил водитель. — Может, меньше.

Лика уже доставала фотоаппарат.

— Я еду.

— Подожди, — сказала Варя. — Это опасно.

— Именно поэтому я и еду.

Она направилась к двери.

Ян окликнул её:

— А что вы там собираетесь делать?

Лика обернулась.

— Снимать.

— И всё?

— А что ещё?

Ян посмотрел на карту.

На красные отметки.

На фотографии исчезающих домов.

Потом перевёл взгляд на Варю.

— У вас там есть люди, которым нужна помощь. Трамвай. Городские службы. Карты. Связь между районами.

Она кивнула.

— Да.

— А кто всем этим управляет на месте?

Варя замолчала.

— Никто, — наконец ответила она.

Ян посмотрел на Асю.

Та уже поняла, к чему он клонит.

— Нет, — тихо сказала она.

— Что нет?

— Ты опять собираешься организовать что-нибудь.

Он пожал плечами.

— А что ты предлагаешь? Смотреть, как четыреста человек остаются без домов?

Ася внимательно посмотрела на него.

— Только на этот раз подумай, что будет после.

Ян кивнул.

— Справедливо.

Он повернулся к Варе.

— Покажите мне план улицы.

Маячная находилась в старом промышленном районе.

Когда-то здесь располагались фабрики, мастерские и небольшие жилые кварталы.

Теперь вдоль улицы стояли дома разных эпох.

Кирпичные особняки соседствовали с типовыми пятиэтажками.

За ними возвышались металлические конструкции, напоминавшие декорации к фантастическому фильму.

Посреди района находился небольшой сквер.

В центре — старая сцена.

Рядом — складское помещение, где хранили оборудование городских праздников.

Именно последняя деталь особенно заинтересовала Яна.

— А оборудование рабочее? — спросил он.

Семён Ильич пожал плечами.

— Частично.

— Свет?

— Есть.

— Звук?

— Что-то осталось.

— Генераторы?

— Два.

— Люди, которые умеют всем этим пользоваться?

Водитель посмотрел на него.

— Молодой человек, а вы что задумали?

Ян посмотрел на площадь.

— Попробовать сделать так, чтобы эту улицу заметили.

Варя нахмурилась.

— Её и так все знают.

— Знать и помнить — разные вещи.

Он указал на карту.

— Вы говорили, что город состоит из незаконченных историй. А если дать этим историям продолжение?

Лика посмотрела на него.

— Например?

Ян улыбнулся.

— Например, устроить здесь праздник.

Ася закрыла глаза.

— Ян…

— Не бесконечный, — поспешно добавил он. — Нормальный. На один вечер.

Семён Ильич рассмеялся.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— У нас сорок минут до закрытия района!

Ян посмотрел на него.

— Значит, начинаем без репетиции.

Подготовка напоминала самые безумные мероприятия из его профессиональной жизни.

Женька побежал собирать жителей.

Семён Ильич поставил трамвай поперёк улицы и объявил, что движение временно ограничено в связи с чрезвычайно важными обстоятельствами.

Лика начала снимать всё происходящее.

Варя развернула карты и распределила людей по участкам.

Ян отправился на склад.

Внутри обнаружились старые прожекторы, несколько акустических систем, катушки кабеля, деревянные конструкции и огромный баннер.

На нём было написано:

«ГОРОДСКОЙ ПРАЗДНИК. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!»

Ян посмотрел на надпись.

— Почти идеально.

Он достал маркер.

Зачеркнул последнее слово.

И крупно написал:

«МЫ ЕЩЁ ЗДЕСЬ»

Через двадцать минут на площади начали собираться люди.

Сначала десятки.

Потом сотни.

Они приходили из домов.

Из мастерских.

Из магазинов.

Старики.

Молодые семьи.

Рабочие.

Музыканты.

Дети.

У кого-то были инструменты.

У кого-то — стулья.

Кто-то принёс самовар.

Кто-то — старый аккордеон.

Женщина из пекарни появилась с огромной корзиной булочек.

— На всех не хватит, — предупредила она.

— Главное, чтобы хватило на начало, — ответил Ян.

Фокс ходил между людьми, обнюхивал сумки и с большим интересом наблюдал за приготовлением еды.

Женька подбежал к Яну.

— Всё готово!

— Электричество?

— Есть!

— Сцена?

— Почти!

Ян посмотрел на него.

— Женька.

— Что?

— Никогда не говори организатору слово «почти».

Мальчишка рассмеялся.

— Теперь готово!

— Вот так лучше.

В шесть часов на улицу приехали редакторы.

Три автомобиля.

Серые.

Совершенно одинаковые.

Из них вышли люди в длинных светлых плащах.

В руках они держали металлические чемоданы.

За ними следовал мужчина лет сорока пяти.

Высокий.

Аккуратно одетый.

С гладко зачёсанными волосами.

Он остановился возле сцены.
Посмотрел на собравшуюся толпу.
Затем на Яна.
— Интересно.
Голос был спокойным.
Даже приятным.
— Кто здесь ответственный?
Ян поднял руку.
— Я.
Мужчина подошёл ближе.
— Представьтесь.
— Ян.
Он замер.
На секунду.
Потом внимательно посмотрел на его лицо.
— Вот как.
— А вас?
— Глеб Ратников. Главный редактор городского управления.
Ян кивнул.
— Очень приятно.
— Не уверен, что это взаимно.
Ратников посмотрел на сцену.
— Вы понимаете, что мешаете официальной процедуре?
— Какой именно?
— Завершению района.
— А жители согласны?
Ратников слегка улыбнулся.
— Мнение жителей учитывается.
— Где?
— В установленном порядке.

Ян кивнул.

— Знакомая система.

Глеб посмотрел на баннер.

— «Мы ещё здесь». Красиво.

— Спасибо.

— Но этого недостаточно.

— Для чего?

— Чтобы город продолжал существовать.

Ян нахмурился.

— Объясните.

Ратников посмотрел на окружающие дома.

— Каждый день здесь появляются новые улицы. Новые люди. Новые истории. Если не завершать старые, город рано или поздно перестанет выдерживать собственный размер.

Он повернулся к Яну.

— Вы организатор. Вы должны понимать, что бывает с мероприятием, на которое приходят люди, но никто никогда не уходит.

Ян промолчал.

Аргумент оказался неприятно точным.

— Значит, вы просто стираете районы?

— Мы пытаемся сохранить город.

— А кто решает, что сохранить?

— Те, кто несёт за него ответственность.

— То есть вы.

Ратников спокойно кивнул.

— В том числе.

Из динамиков раздался голос Женьки:

— Внимание! Внимание! Начинаем!

Ратников поднял голову.

— Что это?

Ян посмотрел на часы.

— Мероприятие.

— Оно не согласовано.

— Бывает.

— Немедленно прекратите.

— Не могу.

— Почему?

Ян улыбнулся.

— Гости уже пришли.

В этот момент загорелись прожекторы.

На сцену вышли музыканты.

Зазвучала музыка.

Люди начали аплодировать.

Женька объявил:

— Сегодня каждый может рассказать свою историю!

Сначала никто не решался.

Затем на сцену поднялся пожилой мужчина.

Он рассказал, как сорок лет строил мост через реку, но так и не увидел его завершённым.

Потом вышла женщина, которая много лет держала маленькую книжную лавку и мечтала однажды открыть библиотеку.

Затем молодой музыкант сыграл произведение, которое не мог закончить несколько лет.

Люди слушали.

Смеялись.

Плакали.

Спорили.

Впервые за долгое время улица перестала быть просто частью города.

Она стала местом, где у каждого было собственное прошлое.

И собственное будущее.

Ратников стоял возле сцены.

Смотрел на происходящее.

Его лицо постепенно становилось всё серьёзнее.

— Вы не понимаете, что делаете, — произнёс он.

Ян повернулся.

— А что?

Глеб указал на дома.

На фасадах исчезли белые полосы.

Закрашенные окна начали возвращаться.

Вдалеке зажглись фонари.

Улица словно восстанавливала себя.

— Вы мешаете завершению.

— Похоже.

— Но это временно.

— Возможно.

Ратников посмотрел на него.

— Вы сможете проводить такие мероприятия каждый день?

Ян задумался.

— Нет.

— Вот именно.

— Но, возможно, людям и не нужен праздник каждый день.

Глеб нахмурился.

Ян продолжил:

— Им нужно место, где они могут сами решить, что делать дальше. А не ждать, пока кто-то утвердит их финал.

Ратников долго смотрел на него.

Затем неожиданно улыбнулся.

— Теперь я понимаю, почему вас искали.

Ян напрягся.

— Кто?

— Организаторы Карнавала.

— А вы с ними связаны?

Глеб помолчал.

— К сожалению, значительно теснее, чем мне хотелось бы.

Он достал из кармана небольшой белый конверт.

Протянул Яну.

— Это вам.

Ян взял его.

— Что здесь?

— Приглашение.

— Куда?

Ратников посмотрел в сторону далёкой окраины города.

Там, за крышами домов, начинало светиться огромное разноцветное зарево.

— Туда, где никогда не заканчивается праздник.

Когда редакторы уехали, на Маячной ещё долго играла музыка.

Люди не спешили расходиться.

Но в этот раз Ян не испытывал желания удерживать их.

Наоборот.

Он попросил выключить прожекторы ровно в девять.

Поблагодарил музыкантов.

Попросил рабочих убрать кабели.

И даже лично проверил, чтобы никто не оставил мусор возле сцены.

Семён Ильич подошёл к нему.

— Давно я такого не видел.

— Чего?

— Чтобы район не просто сохранился. Чтобы он стал лучше.

Ян посмотрел на улицу.
Фонари горели.
В окнах появлялся свет.
Дома больше не исчезали.
По крайней мере, пока.
— Это люди сделали, — ответил он.
Семён Ильич улыбнулся.
— А кто их собрал?
Ян пожал плечами.
— Работа такая.
Поздним вечером они вернулись в бюро.
Варя развернула карту.
На месте Маячной появилась новая линия.
Зелёная.
Таких на карте почти не было.
— Что означает зелёный? — спросил Ян.
Она долго смотрела на обозначение.
Затем произнесла:
— Продолжение.
Лика стояла рядом.
Перебирала фотографии.
— Завтра об этом узнает весь город.
— Если редакция позволит, — заметила Варя.
Лика усмехнулась.
— Я у них никогда разрешения не спрашивала.
Женька уже спал в кресле.
Фокс устроился рядом.
Ася сидела возле окна и смотрела на ночной город.
Ян подошёл к ней.
— О чём думаешь?

Она посмотрела на него.

— Ты сегодня был другим.

— В каком смысле?

— Раньше ты бы попытался устроить самый невероятный праздник. Такой, чтобы все забыли обо всём.

Ян улыбнулся.

— А сегодня?

— Сегодня ты просто дал людям возможность быть собой.

Он задумался.

— Наверное, взрослею.

Ася улыбнулась.

— Наконец-то.

Ян вспомнил про конверт.

Достал его из кармана.

Внутри лежала плотная чёрная карточка.

На лицевой стороне серебряными буквами было написано:

КАРНАВАЛ ВЕЧНОГО СЧАСТЬЯ

Ниже:

«Ваше присутствие необходимо для завершения программы».

Ян перевернул карточку.

На обратной стороне находилась схема огромного развлекательного комплекса.

Сцены.

Аттракционы.

Павильоны.

Гостиницы.

Театры.

Целые улицы.

И в самом центре — большой дворец с круглой площадью.

Под схемой стояла подпись:

«ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОРГАНИЗАТОР — ЯН»

Ян нахмурился.

— Это уже интересно.

Ася подошла ближе.

Увидела карточку.

И побледнела.

— Откуда это?

— Ратников дал.

Она осторожно взяла приглашение.

Провела пальцем по подписи.

— Ян…

— Что?

— Это твой почерк.

Он посмотрел на карточку.

Действительно.

Подпись была его.

Не похожая.

Не подделанная.

Его собственная.

Та самая, которой он много лет подписывал договоры, акты и бесконечные согласования.

Ян перевернул приглашение ещё раз.

Там находилась дополнительная строка, которую он сначала не заметил.

«Договор вступает в силу после прибытия организатора».

Он нахмурился.

Ниже значилась дата.

Завтрашняя.

А ещё ниже — список участников.

Первым стояло его имя.

Вторым — Ася.
Третьим — Фокс.
Затем Варвара Левина.
Лика.
Семён Ильич.
Женька.
И ещё сотни фамилий.
Ян медленно поднял голову.
— Подождите.
Варя подошла ближе.
— Что?
Он показал ей список.
— Это все, кто сегодня был на Маячной.
Она быстро пробежала глазами по фамилиям.
И побледнела.
— Не все.
— А кто ещё?
Варя перевернула карточку.
Посмотрела на последние строки.
И тихо произнесла:
— Здесь весь наш район.
Лика подошла к столу.
Забрала приглашение.
Прочитала.
Затем посмотрела на Яна.
— Ты понимаешь, что это значит?
Он молчал.
Впервые за весь день ему стало по-настоящему неуютно.
Потому что утром они спасли одну улицу.

А вечером выяснилось, что кто-то уже включил её жителей в совершенно другой сценарий.

Причём сценарий этот был составлен заранее.

И подписан его собственным именем.

За окном раздалась музыка.

Далёкая.

Весёлая.

Слишком громкая для ночного города.

На горизонте зажглись тысячи огней.

Над крышами поднялся огромный светящийся шар.

Затем второй.

Третий.

В небе вспыхнули фейерверки.

Один за другим.

Словно где-то начинался грандиозный праздник.

Фокс проснулся.

Подошёл к окну.

Насторожился.

Ася посмотрела на Яна.

— Ты ведь не собираешься туда идти?

Он долго молчал.

Потом медленно сложил приглашение.

Убрал в карман.

— Собираюсь.

— Ян...

Он повернулся к ней.

— Только теперь я не собираюсь быть гостем.

Лика усмехнулась.

— А кем?

Ян посмотрел на огни Карнавала.

На карту огромного города.

На имена людей, которым кто-то уже придумал будущее.

И ответил:

— Организатором, который наконец прочитает договор до того, как его подписать.

В этот момент в самой дальней комнате бюро зазвонил телефон.

Старый.

Дисковый.

Им давно никто не пользовался.

Варя удивлённо посмотрела на дверь.

— Он не подключён.

Телефон продолжал звонить.

Ян медленно подошёл.

Снял трубку.

— Слушаю.

На другом конце несколько секунд молчали.

Потом раздался мужской голос.

Спокойный.

Вежливый.

Очень знакомый.

— Добрый вечер, Ян.

— Кто это?

— Ваш заказчик.

Ян посмотрел на Асю.

На Фокса.

На людей, собравшихся в дверях.

— Какой именно?

Мужчина негромко рассмеялся.

— Самый первый.

В трубке что-то щёлкнуло.

Затем послышалась музыка.

Потом аплодисменты.

И знакомый голос добавил:

— Вы ведь когда-то обещали создать место, где никто не будет несчастным.

Ян молчал.

— Мы создали его, Ян.

Голос стал тише.

— Только теперь нам нужен человек, который объяснит жителям, почему они больше не могут уйти.

Связь оборвалась.

Ян медленно положил трубку.

Посмотрел на собравшихся.

И впервые понял, что история, в которую он попал, касается не только его прошлого.

Не только Аси.

И даже не только загадочных двойников.

Где-то на окраине огромного города существовал целый мир, построенный на чужом желании сделать всех счастливыми.

И теперь этот мир начал требовать новых людей.

Новых историй.

Новых жизней.

А значит, впереди у Яна было не просто приключение.

Впереди было самое сложное мероприятие в его жизни.

То, которое необходимо остановить.

ГЛАВА VIII

Карнавал, который никогда не заканчивается

— • —

Утром Ян обнаружил, что за ночь в городе исчез целый мост.

Не какой-нибудь пешеходный переход через канаву, а вполне приличный автомобильный мост с четырьмя полосами движения, фонарями и рекламными щитами. На его месте теперь находилась река, которая, судя по всему, прекрасно себя чувствовала и совершенно не переживала по поводу отсутствия переправы.

— Вчера же был мост? — спросил Ян.

Семён Ильич, стоявший рядом с кружкой чая, даже не повернул головы.

— Был.

— И куда делся?

— Закрыли.

— На ремонт?

— Насовсем.

Ян посмотрел на противоположный берег. Там стояли десятки автомобилей. Их владельцы растерянно выходили из машин и смотрели на воду. Один мужчина продолжал сигналить, вероятно, надеясь, что мост одумается и вернётся.

— А люди как ездить будут?

Семён Ильич пожал плечами.

— Через Северный.

— Это далеко?

— Если он сегодня на месте, минут сорок.

Ян медленно повернулся к водителю.

— Семён Ильич, а вы давно здесь живёте?

— Лет тридцать.

— И вас всё устраивает?

Тот отпил чай.

— Раньше хуже было.

— Куда уж хуже?

— Раньше мосты появлялись без предупреждения. Представляете, идёшь утром на работу, а посреди улицы мост. И никакой реки.

Ян задумался.

За последние дни он окончательно убедился, что человеческая способность приспосабливаться к обстоятельствам практически безгранична. Особенно если обстоятельства не оставляют другого выбора.

В бюро картографии царила суета.

На длинном столе лежали карты, фотографии, старые газеты и приглашение на Карнавал.

Варя стояла возле стены, на которой красными линиями были отмечены исчезающие районы. Лика листала снимки. Женька пытался починить небольшую радиостанцию, периодически постукивая ею по столу. Ася сидела возле окна.

Фокс устроился под столом и внимательно наблюдал за происходящим. Судя по выражению морды, он уже понял, что завтрак снова откладывается по причинам, не заслуживающим уважения.

— Значит, так, — произнёс Ян. — Начнём с главного. Кто-нибудь вообще был на этом Карнавале?

Лика подняла руку.

— Я.

— Отлично. Рассказывай.

— Два раза.

— И?

— В первый раз меня не пустили.

— А во второй?

— Тоже.

Ян посмотрел на неё.

— Информативно.

— Зато я нашла служебный вход.

Она развернула фотографию.

На снимке были огромные золотые ворота, высокие башни, сотни разноцветных огней и длинная очередь посетителей.

— Карнавал занимает почти весь Западный район, — объяснила Лика. — Туда ведут три основных входа. Центральный — для гостей, Северный — для работников, Южный — для доставки.

— А выходы?

Лика посмотрела на него.

— Вот именно.

Ян нахмурился.

— В смысле?

Варя подошла к столу.

— Формально выходы существуют. На картах они обозначены. Но никто из тех, кто пытался вернуться через них, обратно в город не приходил.

— Может, люди просто ушли в настоящий мир?

— Мы проверяли. Некоторые из них появляются на фотографиях Карнавала спустя месяцы. Работают, выступают, улыбаются.

Лика положила перед Яном снимок сестры.

Женщина стояла на сцене в блестящем платье.

За её спиной горели огромные буквы:

«СЧАСТЬЕ — ЭТО ВЫБОР!»

— Вера, — тихо сказала Лика. — Её зовут Вера.

Ян посмотрел на фотографию.

— Она тебя узнаёт?

— Последний раз узнавала.

— Когда?

— Полгода назад. Через ограждение увидела. Помахала рукой.

— И что сказала?

Лика опустила глаза.

— Что наконец счастлива.

Она помолчала.

— А потом попросила больше не приходить.

Ян внимательно изучил план.

Огромный парк развлечений. Собственный железнодорожный вокзал. Гостиничный комплекс. Несколько театров. Большая концертная площадка. Цирк. Крытый павильон с аттракционами. Целый квартал ресторанов.

И центральный дворец, в котором, судя по схеме, помещалось несколько тысяч человек.

— Кто всем этим управляет? — спросил Ян.

Варя достала папку.

— Официально — Дирекция вечного праздника.

— Руководитель?

— Регина Авдеева.

На фотографии была женщина лет сорока пяти. Строгий тёмный костюм, короткая стрижка, спокойное, почти холодное лицо.

На фоне улыбающихся сотрудников она выглядела единственным человеком, который действительно понимал, сколько стоит организация всего происходящего.

— А кто заказчик? — спросил Ян.

В комнате повисла пауза.

— Никто не знает, — ответила Варя.

— Как это?

— Регина говорит, что существует генеральный заказчик. Но лично его никто не видел.

— А деньги откуда?

Женька поднял голову.

— Там всё бесплатно.

Ян медленно повернулся.

— Вообще всё?

— Еда, развлечения, гостиницы. Даже одежду выдают.

Ян некоторое время молчал.

Затем произнёс:

— Вот теперь мне действительно страшно.

К полудню они определились с планом.

Варя оставалась в бюро. Она собиралась отслеживать изменения городских улиц и искать возможные пути обратно.

Семён Ильич должен был доставить группу к западной границе.

Лика отправлялась с ними, чтобы найти Веру.

Ася настояла на том, чтобы сопровождать Яна.

Женьке поручили оставаться в городе.

Это вызвало у него бурю возмущения.

— Почему?!

— Потому что тебе тринадцать, — ответила Варя.

— Мне почти четырнадцать!

— Тем более.

— Я знаю все служебные проходы!

— Женька.

— И могу достать документы!

— Нет.

Мальчик посмотрел на Яна.

— Скажите ей!

Тот задумался.

— Слушай, а документы ты действительно можешь достать?

— Ян! — одновременно произнесли Варя и Ася.

— Я просто уточняю.

Женька обиженно сложил руки.

— Всё равно пойду.

— Не пойдёшь, — ответили сразу трое.

Фокс поднял голову, оценил обстановку и снова улёгся. Его участие в дискуссии на этом закончилось.

Перед отъездом Варя протянула Яну карту.

Необычную.

На первый взгляд — обычный лист плотной бумаги с нарисованными улицами, зданиями и обозначениями.

Но когда Ян повернул её к свету, линии начали медленно двигаться.

— Что это?

— Живая схема Западного района.

— И что с ней делать?

— Следить за изменениями. Если дорога исчезает, она исчезнет и на карте. Если появляется новая — увидишь её.

Ян усмехнулся.

— Навигатор без интернета.

— Только маршрут он не строит.

— Почему?

— Потому что не знает, куда ты захочешь пойти.

Он посмотрел на неё.

— Разумная система. Не навязывает решения.

Варя не улыбнулась.

— Ян, запомни одну вещь. Карнавал умеет показывать людям то, чего они больше всего хотят.

— Деньги?

— Не обязательно.

— Счастье?

— Иногда.

Она посмотрела на приглашение у него в руке.

— Но чаще всего — возможность не думать о том, что они потеряли.

Ян ничего не ответил.

Он уже начинал подозревать, что это гораздо опаснее любого аттракциона.

Трамвай отправился в двенадцать сорок.

На этот раз Семён Ильич вывел его на старую служебную линию.

В вагоне находились только Ян, Ася, Лика и Фокс.

Сначала за окнами мелькали обычные городские кварталы. Затем начались промышленные районы: склады, заброшенные фабрики, странные сооружения, назначение которых Ян не мог определить даже после многих лет работы с невероятными декорациями.

Однажды они проехали мимо огромного недостроенного стадиона.

На его трибунах сидели тысячи пустых кресел.
Посреди футбольного поля стоял одинокий судья.
Он держал свисток во рту.
Но так и не решался свистнуть.
— Почему он там? — спросил Ян.
Ася посмотрела на поле.
— Возможно, ждёт начала матча.
— Сколько?
— Здесь это плохой вопрос.
Ян усмехнулся и больше не спрашивал.
Ближе к западной границе начали появляться рекламные щиты.
«ЗДЕСЬ ВАШ ЛУЧШИЙ ДЕНЬ!»
«ЗАБУДЬТЕ О ПРОБЛЕМАХ!»
«НИЧТО НЕ ДОЛЖНО ОГОРЧАТЬ ВАС!»
На последнем плакате была изображена молодая женщина.
Она улыбалась.
Но глаза у неё оставались совершенно неподвижными.
Ян наклонился к окну.
— Лика, это случайно не Вера?
Девушка резко поднялась.
Посмотрела на плакат.
— Нет.
Ян кивнул.
— Извини.
Лика села обратно.
Несколько минут молчала.
Потом тихо произнесла:
— Я почти перестала помнить, как она выглядит без улыбки.
Трамвай остановился на небольшой станции.
Здесь уже слышалась музыка.

Далёкая, громкая, весёлая. Она смешивалась с объявлениями дикторов и гулом огромной толпы.

Семён Ильич открыл двери.

— Дальше не могу.

Ян посмотрел на него.

— Почему?

— Линия заканчивается.

Водитель показал на рельсы. За остановкой те уходили в густой туман.

— Иногда путь появляется, иногда нет. Не хочу проверять.

Ян пожал ему руку.

— Спасибо.

— Рано благодарить.

Семён Ильич наклонился ближе.

— Если понадобится возвращаться, ищи старую трамвайную подстанцию. Она за Северным входом. Там остался служебный тоннель.

— Проходимый?

— Раньше был.

— Очень обнадёживающе.

Водитель усмехнулся.

— Другого пока нет.

Они вышли со станции.

Перед ними открылась панорама Карнавала.

Ян остановился.

И впервые за долгое время почувствовал настоящее профессиональное восхищение.

Это был не парк развлечений.

Не фестиваль.

Не обычная праздничная площадка.

Это был целый город, построенный исключительно для развлечений.

Огромные аттракционы возвышались над крышами. По улицам двигались платформы с артистами. Над площадями висели воздушные шары. Где-то проходил парад, где-то играли оркестры. В небе вспыхивали фейерверки, хотя солнце ещё не село.

Светящиеся вывески тянулись вдоль улиц. Костюмированные персонажи приветствовали прохожих. На огромных экранах непрерывно показывали улыбающихся людей.

И всё это работало одновременно.

Без видимых задержек.

Без технических пауз.

Без монтажников, которые курят возле служебного входа и обещают, что всё будет готово через пять минут.

Ян медленно снял куртку.

Посмотрел на огромную сцену в центре комплекса.

— Вот это я понимаю.

Ася повернулась к нему.

— Что?

— Бюджет.

Лика посмотрела на него с раздражением.

— Ян, мы не на экскурсии.

— Я знаю.

Он ещё раз осмотрел декорации.

— Просто ты не понимаешь, сколько людей нужно, чтобы всё это работало.

— Здесь работают тысячи, — ответила Лика.

Ян кивнул.

— И где-то среди них должен быть человек, который знает, зачем всё это построили.

У центральных ворот стояла огромная очередь.

Сотни людей ждали входа. Некоторые держали приглашения, другие — небольшие пластиковые карточки.

На лицах большинства было оживление.

Но Ян заметил одну деталь.

Никто не разговаривал о том, когда собирается возвращаться домой.

Обычно на массовых мероприятиях гости уже через полчаса начинали выяснять, где гардероб, как вызвать такси и во сколько заканчивается программа.

Здесь подобных вопросов не звучало.

Вообще.

Возле ворот стояли сотрудники службы приёма.

Молодые люди в белоснежных костюмах.

Все улыбались.

Все произносили одинаковые фразы.

— Добро пожаловать!

— Ваш лучший день начинается!

— Не забудьте оставить заботы за воротами!

Ян остановился возле информационной стойки.

За ней стояла девушка с идеальной причёской.

— Добрый день, — сказал он. — Подскажите, пожалуйста, во сколько закрывается мероприятие?

Девушка улыбнулась.

— Наш Карнавал работает круглосуточно!

— Прекрасно. А гости когда уходят?

— Когда захотят!

— Отлично. А где выход?

Улыбка на её лице стала чуть шире.

— Зачем вам выход, если всё самое интересное впереди?

Ян задумался.

— Потому что иногда людям хочется домой.

Девушка несколько секунд смотрела на него.

Затем повторила:

— Всё самое интересное впереди!

Он повернулся к Асе.

— Так. Понятно.

— Что?

— У них проблемы с инструктажем персонала.

Ася показала на руки девушки.

Та держала пустой пластиковый стаканчик. Пальцы едва заметно дрожали.

— А вас как зовут? — спросил Ян.

Девушка замолчала.

— Меня…

Она посмотрела на свой бейдж.

Там было написано:

СЧАСТЛИВЫЙ СОТРУДНИК № 247

— Двести сорок семь, — ответила она.

— Это номер. А имя?

Девушка испуганно оглянулась.

За её спиной появился высокий мужчина в белом костюме.

— Какие-то проблемы?

Ян улыбнулся.

— Нет. Просто знакомимся.

— Наши сотрудники всегда рады помочь.

— Замечательно. Тогда подскажите, где дирекция.

Мужчина посмотрел на него.

Затем на Асю, Лику и Фокса.

— У вас есть приглашение?

Ян достал чёрную карточку.

Мужчина взял её.

Прочитал.

И перестал улыбаться.

Всего на мгновение.

Но этого оказалось достаточно.

— Одну минуту, — произнёс он.

Достал рацию.

Отвернулся.

— Центральная, это первый пост. У нас прибытие.

Послышался треск.

— Подтвердите категорию.

Мужчина ещё раз посмотрел на Яна.

— Генеральный организатор.

На другом конце рации наступила тишина.

Затем женский голос ответил:

— Не задерживать. Сопроводить в дирекцию.

За воротами их встретил небольшой электромобиль.

Белый.

С золотым логотипом Карнавала.

За рулём сидел молодой человек с кудрявыми волосами и слишком большим форменным пиджаком.

— Добро пожаловать! — произнёс он.

Ян посмотрел на него.

— И вам не хворать. Как зовут?

— Тимур.

— Настоящее имя?

Парень удивился.

— А какое ещё?

Ян кивнул.

— Уже хорошо.

Тимур открыл дверцу.

— Прошу.

Фокс осторожно запрыгнул внутрь.

Устроился на заднем сиденье.

Тимур посмотрел на него.

— А собакам здесь нельзя.

— Он не знает, — ответил Ян. — Не хотел его расстраивать.

Парень растерялся.

— Но правила…

— А какие у вас правила насчёт генеральных организаторов?

Тимур посмотрел на чёрную карточку.

Помолчал.

И закрыл дверцу.

— Приятной поездки.

— Вот, — сказал Ян. — Разумный человек.

Электромобиль двигался по широкой улице, напоминавшей одновременно Диснейленд, ВДНХ и дорогой торговый центр, владельцы которого решили больше ни в чём себе не отказывать.

По обе стороны располагались павильоны.

«Дом идеальных воспоминаний».

«Парк бесконечных каникул».

«Театр лучших мгновений».

«Аттракцион второго шанса».

Последний особенно заинтересовал Яна.

Над входом висел огромный экран.

На нём мужчина обнимал женщину, затем та же пара стояла возле автомобиля, потом — на свадьбе.

Внизу светилась надпись:

«ПРОЖИВИТЕ ТО, ЧЕГО ВАМ НЕ ХВАТИЛО»

Очередь была длиннее, чем у остальных аттракционов.

Ян повернулся к Тимуру.

— А что там происходит?

— Людям показывают лучшие варианты их жизни.

— Какие именно?

— Те, которые они хотели бы прожить.

— А потом?

Парень пожал плечами.

— Потом они возвращаются.

— Счастливые?

Тимур помолчал.

— Обычно сначала плачут.

Ян нахмурился.

— А потом?

— Потом просят повторить.

Проехав центральную площадь, они оказались возле огромного дворца.

Белоснежный фасад.

Золотые колонны.

Два широких крыла.

На крыше — часы с четырьмя циферблатами.

Ян посмотрел на них.

Все показывали разное время.

— Это у вас дизайнерское решение?

Тимур посмотрел наверх.

— Нет. Разные отделы живут по разному расписанию.

— И как вы мероприятия согласовываете?

— Через центральный пульт.

— А он по каким часам работает?

Тимур усмехнулся.

— По своим.

Ян покачал головой.

— Прекрасная организация.

Перед входом в дирекцию стояли две женщины в строгой форме.

Одна держала планшет.

Другая — папку.

— Ян? — спросила первая.

— Он самый.

— Добро пожаловать обратно.

Он остановился.

— Обратно?

Женщина посмотрела на планшет.

— Вы зарегистрированы как постоянный участник управляющего совета.

— С какого времени?

Она провела пальцем по экрану.

Нахмурилась.

— Здесь указано, что с момента основания.

Ян почувствовал знакомое неприятное покалывание.

— А когда основан Карнавал?

Женщина подняла глаза.

— Завтра.

Дирекция располагалась на последнем этаже дворца.

Внутри всё было организовано с той особенной аккуратностью, которая обычно достигается либо огромным бюджетом, либо полным отсутствием возможности спорить с руководством.

Сотрудники перемещались по коридорам.

Кто-то нёс цветы.

Кто-то разговаривал по рации.

На стенах висели экраны с расписанием.

В одном зале шло совещание.

В другом репетировали артисты.

В третьем сотрудники в белых костюмах учились правильно улыбаться.

Ян остановился возле стеклянной стены.

За ней стояли двадцать человек.

Перед ними — инструктор.

— Шире, — командовала женщина. — Улыбка должна выражать уверенность в завтрашнем дне.

Люди улыбались.

— Ещё шире.

Кто-то засмеялся.

Инструктор строго посмотрела на него.

— Смех допускается только по сценарию.

Ян медленно повернулся к Асе.

— Вот сейчас точно не нравится.

Регина Авдеева встретила их в большом кабинете.

На стене висела огромная схема Карнавала. Под потолком тихо работала вентиляция. Возле окна стоял макет центрального дворца.

Регина поднялась из-за стола.

Посмотрела на Яна.

И впервые за всё время он увидел человека, который не удивился его появлению.

— Наконец-то.

— Добрый день, — произнёс Ян. — Надеюсь, не опоздал.

— На несколько лет.

Она протянула руку.

— Регина Авдеева.

— Ян.

— Я знаю.

Они пожали друг другу руки.

— Вы прекрасно сохранились, — заметила она.

— Спасибо. Вы тоже, судя по всему, не первый день в профессии.

Регина улыбнулась.

— Присаживайтесь.

Она посмотрела на остальных.

— Ваших спутников проводят в гостевой зал.

Лика мгновенно напряглась.

— Мы останемся вместе.

Регина перевела на неё взгляд.

— Лика Громова. Независимый журналист. Двадцать семь попыток проникновения на территорию Карнавала.

Лика побледнела.

— Вы меня знаете?

— Разумеется. У нас хорошая служба безопасности.

Регина посмотрела на Асю.

— Анастасия. Долгое отсутствие. Статус не определён.

Затем на Фокса.

— А вот этого гостя в наших списках действительно нет.

Фокс поднял голову.

Посмотрел на неё.

И демонстративно отвернулся.

Ян усмехнулся.

— Он вообще не любит бюрократию.

Регина помолчала.

— Хорошо. Оставайтесь все.

На столе появился кофе.

Настоящий.

Крепкий.

С приятным ароматом.

Ян сделал глоток.

Посмотрел на Регину.

— Сразу к делу?

— Предпочитаю именно так.

— Отлично. Кто заказчик?

Она медленно поставила чашку.

— Люди.

— Какие?

— Те, кто приходит сюда.

— Не понял.

Регина подошла к окну.

За стеклом раскинулся Карнавал.

Светящиеся улицы.

Аттракционы.

Тысячи людей.

— Каждый человек приходит сюда с чем-то, что мешает ему жить, — произнесла она. — Кто-то потерял близкого. Кто-то не сумел осуществить мечту. Кто-то устал работать. Кто-то всю жизнь боялся остаться один.

Она повернулась.

— Здесь они получают возможность забыть об этом.

Ян посмотрел на неё.

— И что потом?

— Потом становятся счастливыми.

— Навсегда?

Регина кивнула.

— В этом и заключается наша концепция.

Он долго молчал.

Потом спросил:

— А если человек захочет уйти?

Регина слегка улыбнулась.

— Зачем ему уходить?

— Например, надоест.

— У нас постоянно обновляется программа.

— Устанет.

— Предусмотрены зоны отдыха.

— Захочет домой.

— Мы можем создать ему дом.

Ян посмотрел на неё.

— А если он просто не хочет больше быть счастливым?

Регина замолчала.

Впервые за весь разговор её лицо изменилось.

— Простите?

— Ну, бывает такое. Человек хочет погрустить. Побыть один. Поругаться с кем-нибудь. Или просто ничего не делать.

Она внимательно смотрела на него.

— Для чего?

Ян пожал плечами.

— Потому что он человек.

Лика резко поднялась.

— Где моя сестра?

Регина повернулась.

— С Верой всё хорошо.

— Я хочу её увидеть.

— Разумеется.

— Сейчас.

— У неё репетиция.

— Мне всё равно.

Регина несколько секунд смотрела на девушку.

Затем нажала кнопку на столе.

— Марина, пригласите Веру Громову после окончания первого отделения.

Она отпустила кнопку.

— Довольны?

Лика не ответила.

Ян внимательно наблюдал за Региной.

Его настораживало не то, что женщина говорила.

А то, насколько искренне она в это верила.

Это была не обычная начальница, пытающаяся скрыть неприятные обстоятельства.

Она действительно считала Карнавал прекрасным местом.

И, возможно, именно поэтому была опаснее любого человека с откровенно злодейскими намерениями.

— Я хотел бы посмотреть внутреннюю организацию, — произнёс Ян.

Регина повернулась.

— Зачем?

— Профессиональный интерес. Если я генеральный организатор, мне нужно понимать, что происходит на площадке.

Она задумалась.

Потом улыбнулась.

— Конечно.

Нажала кнопку.

— Максим, зайдите.

Через минуту в кабинет вошёл высокий худощавый мужчина в чёрной футболке.

На шее висела рация.

На поясе — связка ключей.

Волосы были растрёпаны, под глазами темнели круги.

Ян моментально узнал этот тип людей.

Технический директор.

Человек, который знает обо всём происходящем значительно больше руководства, но предпочитает лишний раз ничего не рассказывать.

— Максим Орлов, — представила его Регина. — Главный инженер.

Максим посмотрел на Яна.

Затем на Фокса.

— Это тоже по техническому райдеру?

Ян улыбнулся.

— Нет. Это мой заместитель.

Максим неожиданно рассмеялся.

Первый нормальный смех, который Ян услышал на территории Карнавала.

— Тогда пошли, заместитель. Покажу, где у нас всё ломается.

Они спустились на служебный этаж.

Здесь Карнавал выглядел иначе.

Никаких золотых колонн.

Никаких улыбающихся сотрудников.

Обычные технические коридоры.

Кабели.

Щитовые.

Складские помещения.

Монтажные конструкции.

Двери с надписями «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН».

Максим шёл впереди.

— Значит, вы тот самый Ян?

— Судя по всему, да.

— Знаете, сколько раз мне о вас рассказывали?

— Надеюсь, хорошее.

— Разное.

Они остановились возле огромного металлического шкафа.

На дверце висела табличка:

«ЦЕНТРАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПРОГРАММИРОВАНИЯ ЭМОЦИЙ»

Ян прочитал надпись.

Потом посмотрел на Максима.

— Это шутка?

— Хотелось бы.

Инженер открыл шкаф.

Внутри находились десятки экранов.

На них отображались графики.

Показатели.

Списки сотрудников.

Расписания выступлений.

И одна огромная шкала.

УРОВЕНЬ ОБЩЕГО СЧАСТЬЯ — 98,7%

Ян нахмурился.

— Это что?

— Главный показатель Карнавала.

— И как измеряется?

Максим прислонился к шкафу.

— По реакции гостей, эмоциональным проявлениям, вовлечённости, количеству положительных воспоминаний.

— А отрицательных?

Инженер посмотрел на него.

— Их стараются не учитывать.

— То есть просто не записывают?

— Нет.

Максим помолчал.

— Их убирают.

Ян почувствовал, как холодеет внутри.

— Куда?

— В хранилище.

— Какое ещё хранилище?

Максим посмотрел по сторонам.

Убедился, что рядом никого нет.

Затем понизил голос.

— Здесь есть место, куда отправляют всё, что не подходит для праздничной программы.

— Например?

— Страх. Злость. Печаль. Обиду. Неудачные воспоминания.

Ася медленно подошла ближе.

— И что происходит с людьми?

Максим вздохнул.

— Сначала они действительно становятся счастливее.

Он посмотрел на экраны.

— А потом перестают помнить, почему вообще хотели быть счастливыми.

Лика сжала ремень фотоаппарата.

— Это вы сделали с моей сестрой?

Максим не ответил.

Несколько секунд они молчали.

Затем он произнёс:

— Я занимаюсь оборудованием. Не людьми.

Ян посмотрел на него.

— Максим, я таких ответов за свою жизнь слышал много. Только обычно после них выясняется, что кто-нибудь забыл закрепить конструкцию.

Инженер опустил глаза.

Они прошли дальше.

В конце коридора находилась небольшая комната.

Максим открыл дверь.

Внутри сидели несколько человек.

Обычные сотрудники Карнавала.

Кто-то пил чай.

Кто-то разговаривал.

Молодая девушка плакала, закрыв лицо руками.

Рядом сидел мужчина и осторожно гладил её по плечу.

Никто не улыбался.

Ян остановился.

— А это что?

Максим закрыл дверь за ними.

— Комната без программы.

— В смысле?

— Здесь система не работает.

Ян посмотрел на плачущую девушку.

— Почему?

Инженер усмехнулся.

— Старое помещение. Экранирование. Сигнал не проходит.

— И вы специально его не чините?

Максим некоторое время молчал.

Потом ответил:

— У нас мало мест, где можно нормально поговорить.

Ян посмотрел на людей.

Они были уставшими.

Раздражёнными.

Обычными.

Живыми.

И впервые за всё время, проведённое на Карнавале, ему показалось, что он оказался среди настоящих людей.

В дальнем углу сидела женщина лет сорока.

На ней было сценическое платье.

Блестящее.

Серебристое.

В руках — чашка чая.

Лика остановилась.

Её лицо изменилось.

— Вера?

Женщина подняла голову.

Несколько секунд смотрела на неё.

Потом медленно встала.

— Лика?

Фотоаппарат выскользнул из рук девушки.

Упал на диван.

Она бросилась к сестре.

Обняла.

Крепко.

Так, словно боялась, что та снова исчезнет.

— Господи, Вера…

Женщина закрыла глаза.

Обняла её в ответ.

Обе молчали.

Ян отвернулся.

Ася осторожно взяла Фокса за ошейник и отвела к двери.

Максим стоял рядом.

Смотрел на сестёр.

Затем тихо произнёс:

— Вот поэтому я и не закрываю эту комнату.

Через несколько минут они сидели за небольшим столом.

Вера переоделась в обычный свитер.

Смыла часть сценического грима.

Теперь она выглядела гораздо больше похожей на женщину с фотографии.

Лика всё ещё держала её за руку.

— Почему ты не вернулась? — спросила она.

Вера посмотрела на сестру.

— Я пыталась.

— Когда?

— В самом начале.

— И что?

Она помолчала.

— Сначала мне нравилось. Здесь было красиво, весело. Никто не спрашивал, почему я закрыла магазин, почему у меня ничего не получилось.

Лика смотрела на неё.

— А потом?

— Потом мне предложили выступать. Сказали, что у меня хороший голос.

— Ты же терпеть не можешь сцену.

Вера улыбнулась.

— Да. Но мне объяснили, что я просто не знаю, насколько счастлива могу быть на ней.

Она посмотрела на свои руки.

— С каждым выступлением становилось легче. Я перестала переживать. Перестала скучать по дому. Потом начала забывать людей.

Лика побледнела.

— Меня?

— Не сразу.

Вера сжала её руку.

— Однажды я увидела тебя за ограждением. Узнала. И вдруг почувствовала такое сильное желание уйти, что испугалась.

— Почему?

— Потому что вспомнила всю свою жизнь сразу.

Она посмотрела на Максима.

— Тогда он показал мне эту комнату.

Инженер отвёл взгляд.

— Ничего особенного.

— Особенного, — возразила Вера. — Здесь я впервые за долгое время смогла заплакать.

Ян внимательно слушал.

— А почему ты не ушла после этого?

Вера посмотрела на него.

— Потому что я работаю с людьми, которые уже не помнят, кем были раньше.

— И?

— Я пытаюсь помогать им вспоминать.

Она достала из кармана маленькую тетрадь.

На обложке было написано:

«НАСТОЯЩИЕ ИМЕНА»

Внутри находились десятки записей.

Имена.

Фамилии.

Адреса.

Короткие истории.

«Марина. Работала в библиотеке. Любит старые детективы».

«Павел. Был учителем физики. Боится высоты».

«Оксана. Двое детей. Мечтала открыть цветочный магазин».

Ян перелистывал страницы.

— Сколько здесь людей?

— Пока сто сорок семь.

— И они все работают на Карнавале?

Вера кивнула.

— Некоторые уже не помнят своих имён. Но иногда, когда я рассказываю им что-нибудь из прошлого, они начинают вспоминать.

Лика смотрела на сестру.

— Почему ты мне ничего не сказала?

Вера улыбнулась.

— Потому что боялась, что ты придёшь меня спасать.

— И что?

— А мне сначала нужно было помочь остальным.

Ян закрыл тетрадь.

Некоторое время молчал.

Затем посмотрел на Максима.

— Слушай, а сколько всего сотрудников здесь работает?

— Около двенадцати тысяч.

— И гостей?

— По-разному. Сейчас примерно сорок тысяч.

— И все находятся внутри?

— Да.

Ян медленно выдохнул.

Пятьдесят тысяч человек.

Целый город.

Со своими улицами, гостиницами, ресторанами, театрами, складами, техническими службами и бесконечным расписанием.

Невозможно было просто открыть ворота и вывести всех наружу.

Даже если бы они существовали.

Даже если бы люди захотели уйти.

У каждого здесь была собственная история.

И собственная причина остаться.

— Максим, — произнёс Ян, — а что произойдёт, если выключить систему?

Инженер посмотрел на него.

— Какую именно?

— Эту вашу программу счастья.

Максим долго молчал.

— Не знаю.

— Совсем?

— Никто никогда не пробовал.

— Почему?

Он посмотрел на дверь.

Потом тихо произнёс:

— Потому что Карнавал не просто развлекает людей. Он удерживает их истории вместе.

Ян нахмурился.

— Объясни.

— Каждый человек, который сюда попадает, приносит с собой что-то незавершённое. Карнавал даёт этой истории продолжение. Иногда выдуманное. Иногда совершенно не похожее на то, которое человек хотел.

— И?

— Пока программа работает, всё стабильно.

— А если выключить?

Максим посмотрел ему прямо в глаза.

— Мы не знаем, сколько из этих историй сможет продолжаться самостоятельно.

В комнате повисла тишина.

Ян посмотрел на людей.

На Веру.

На Лику.

На Асю.

На Фокса, который расположился возле ног одной из сотрудниц и, по всей видимости, счёл это место наиболее подходящим для отдыха.

Теперь всё выглядело значительно сложнее, чем он предполагал.

Это была не просто тюрьма, которую достаточно открыть.

Не просто злодейская организация, удерживающая несчастных людей.

Карнавал действительно помогал некоторым из них.

И именно поэтому выбраться отсюда было так трудно.

— Кто придумал эту систему? — спросил Ян.

Максим посмотрел на него.

— Разве вы не знаете?

— Нет.

Инженер подошёл к шкафу.

Достал старую папку.

Положил на стол.

На обложке было написано:

«ПРОЕКТ: ВЕЧНЫЙ ПРАЗДНИК»

Ниже значилось:

«Концепция и первоначальная разработка — Ян».

Ян медленно открыл папку.

Внутри находились чертежи.

Схемы площадок.

Планы мероприятий.

Описания интерактивных зон.

Сценарии.

Всё было оформлено так, как он обычно готовил коммерческие предложения.

Даже шрифт был знакомым.

На первой странице находилась фраза:

«Создать пространство, в котором человек сможет хотя бы на один вечер забыть обо всём плохом».

Ян прочитал её несколько раз.

Потом перевернул страницу.

Следующая версия концепции называлась:

«СЧАСТЬЕ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ»

Ещё через несколько страниц:

«ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ»

Ян почувствовал, как похолодели пальцы.

Он вспомнил собственную молодость.

Время, когда ему казалось, что организация мероприятий — это возможность создавать маленькие миры.

Где люди могут быть другими.

Хотя бы ненадолго.

Он всегда считал эту идею красивой.

Но никогда не думал о том, что произойдёт, если однажды кто-нибудь решит убрать из неё слово «ненадолго».

Внезапно по громкой связи раздался голос:

— Внимание, сотрудники! До вечерней церемонии осталось тридцать минут. Просьба подготовить участников к главной программе.

Максим посмотрел на часы.

— Чёрт.

Ян поднял голову.

— Что?

— Сегодня генеральная репетиция.

— Чего?

Максим побледнел.

— Нового сценария.

Он схватил рацию.

— Центральная, подтвердите запуск третьей очереди.

Раздался треск.

Затем женский голос:

— Подтверждаем. Все участники подготовлены.

— Сколько?

— Пятьсот сорок два.

Максим выругался.

Ян нахмурился.

— Что происходит?

Инженер повернулся к нему.

— Сегодня собираются принять жителей Маячной.

Вера резко поднялась.

— Но их район сохранили!

Максим посмотрел на Яна.

— Для редакции это ничего не меняет. Их уже внесли в программу.

Лика схватила фотоаппарат.

— Нужно остановить!

Ян посмотрел на часы.

Двадцать девять минут.

Потом на план комплекса.

На центральную сцену.

На расписание.

И неожиданно почувствовал знакомое состояние.

То самое, которое всегда возникало перед мероприятием, когда всё шло совершенно не по плану.

Времени мало.

Люди не готовы.

Технические службы не понимают, что происходит.

А заказчик требует начать ровно по расписанию.

Обычно именно в такие моменты Ян становился особенно собранным.

— Максим, — произнёс он. — Кто отвечает за вечернюю церемонию?

— Режиссёрский департамент.

— Главный?

— Регина.

— А кто управляет сценой?

— Я.

Ян посмотрел на него.

— Значит, у нас есть шанс.

Максим несколько секунд смотрел на Яна.

— Шанс на что?

— На то, чтобы мероприятие пошло не по сценарию.

— Это невозможно.

— Максим, поверь, я пятнадцать лет этим занимаюсь. Невозможное — самая распространённая характеристика любого нормального мероприятия за два часа до начала.

Инженер не улыбнулся.

— Ты не понимаешь. Здесь нет обычного режиссёрского пульта. Программа управляет всем комплексом. Если я попытаюсь вмешаться, система заметит.

— А если не вмешиваться?

— Тогда жителей Маячной включат в новую программу. Они начнут забывать прежнюю жизнь.

Ян положил папку на стол.

— Значит, будем вмешиваться.

Он повернулся к Лике.

— Ты умеешь работать с камерой не только как журналист?

— В смысле?

— Прямую трансляцию организовать сможешь?

— Если дадут доступ к сети.

— Максим?

Инженер кивнул.

— Смогу вывести сигнал на внутренние экраны.

— Отлично.

Ян посмотрел на Веру.

— Ты сегодня выступаешь?

— Да. Во втором отделении.

— А можешь выйти в первом?

— Зачем?

Он немного подумал.

— Нам нужен человек, которого здесь слушают. Не потому, что ему приказали улыбаться, а потому, что он действительно способен что-нибудь сказать.

Вера нахмурилась.

— Что именно?

Ян посмотрел на тетрадь с настоящими именами.

— Для начала расскажи, как тебя зовут.

Через десять минут они находились в центральном концертном зале.

Это была огромная площадка, рассчитанная на несколько тысяч зрителей.

Ян невольно поднял голову.

Под потолком висели десятки световых приборов. Вдоль стен тянулись акустические системы. Над сценой находился гигантский экран.

Работали прожекторы, дым-машины и сложные механические конструкции.

Всё выглядело настолько дорого, что Ян почувствовал почти физическое желание узнать общую стоимость проекта.

— Максим, а сколько у вас здесь электричества уходит?

— Ян!

— Всё, молчу.

В технической зоне работали несколько человек.

Максим представил их.

— Соня, режиссёр трансляции. Артём, свет. Борис, звук.

За пультом сидела девушка с короткими светлыми волосами и большими наушниками.

— Максим, у нас двадцать минут, — сказала она, не поднимая головы. — Если ты опять привёл экскурсию, я тебя убью.

— Соня, познакомься. Ян.

Она повернулась.

Посмотрела на него.

Потом на Максима.

— Тот самый?

— Угу.

Соня медленно сняла наушники.

— Ну наконец-то.

Ян вздохнул.

— Я уже начинаю подозревать, что здесь есть какой-то общий чат, в который меня забыли добавить.

Она усмехнулась.

— Если ты действительно генеральный организатор, скажи, почему у нас программа на четырнадцать часов без технического перерыва?

Ян посмотрел на расписание.

— Кто составлял?

— Ты.

Он закрыл глаза.

— Конечно.

Они быстро разобрали план церемонии.

Ровно в восемнадцать часов на сцену должны были выйти ведущие. После короткого вступления — парад артистов, световое шоу и выступление Веры.

Затем — главный момент.

На огромном экране появлялись фотографии новых жителей Карнавала. Люди представлялись публике, получали праздничные браслеты и символически начинали новую жизнь.

Сам ритуал выглядел вполне безобидно.

Но Максим показал Яну другую часть программы.

Техническую.

После выдачи браслета сведения о человеке переносились в центральную систему. Его незавершённая история заменялась новым сценарием.

— То есть они перестают помнить, откуда пришли? — спросил Ян.

— Постепенно.

— А браслет можно снять?

— Да.

— И?

— Через несколько часов человек сам захочет надеть его обратно.

Ян посмотрел на Максима.

— Почему?

— Потому что без браслета возвращаются воспоминания. Иногда неприятные.

— А с ним?

— С ним становится легче.

Ян медленно кивнул.

Всё было устроено гораздо хитрее, чем он предполагал.

Здесь никто не держал людей в клетках.

Им предлагали удобную клетку, из которой постепенно переставало хотеться выходить.

За пять минут до начала Соня подозвала Яна.

— Есть ещё одна проблема.

— Какая?

Она открыла служебный экран.

На нём отображался договор.

Тот самый, с которым Ян уже сталкивался.

«ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОРГАНИЗАТОР — ЯН»

Ниже располагались десятки пунктов.

Технические условия.

Обязанности сторон.

Порядок проведения программы.

И один пункт, выделенный красным.

«Прибытие генерального организатора считается окончательным подтверждением продолжения мероприятия».

Ян нахмурился.

— То есть мне достаточно было сюда прийти?

— Да, — ответила Соня.

— И всё автоматически продлевается?

— По документам — на неопределённый срок.

Ян медленно выдохнул.

— Красиво.

— Что?

— Даже в мистическом мире придумали автоматическую пролонгацию договора.

Он пролистнул документ.

Затем остановился.

— Подожди-ка.

В самом конце находился ещё один пункт.

Мелким шрифтом.

«Программа может быть изменена генеральным организатором до завершения церемонии, если её первоначальная цель перестала соответствовать интересам участников».

Ян перечитал его.

Потом ещё раз.

— Соня.

— Что?

— У вас здесь юрист есть?

— Зачем?

Он улыбнулся.

— Хочу воспользоваться собственным договором.

В восемнадцать ноль-ноль погас свет.

Зал взорвался аплодисментами.

На огромном экране появились золотые буквы:

КАРНАВАЛ ВЕЧНОГО СЧАСТЬЯ

Заиграла музыка.

На сцену выбежали артисты.

Вспыхнули прожекторы.

Зрители поднялись с мест.

Ведущие произносили привычные фразы, которые, вероятно, звучали здесь каждый вечер.

— Дамы и господа!

— Сегодня лучший день вашей жизни!

— И завтра будет ещё лучше!

Ян стоял возле режиссёрского пульта и смотрел на зал.

Ему было не по себе.

Он видел лица людей.

Обычных людей.

Молодых и пожилых.

Красивых и не очень.

Уставших.

Взволнованных.

Но все они улыбались.

Практически одинаково.

Как будто кто-то однажды придумал образ идеального зрителя и теперь бесконечно воспроизводил его на всех мероприятиях.

— Готовы? — спросила Соня.

Ян посмотрел на неё.

— Не совсем.

— Что значит не совсем?

Он улыбнулся.

— Профессиональное слово. Очень не люблю, когда его говорят мне.

Первым делом они изменили порядок выступлений.

Вера вышла на сцену раньше обычного.

На ней было серебристое платье.

Волосы аккуратно уложены.

На лице — привычная улыбка.

Из динамиков зазвучала музыка.

Но женщина не начала петь.

Она стояла посреди сцены и смотрела на зрителей.

Прошло несколько секунд.

Затем ещё несколько.

Улыбка исчезла.

Вера медленно поднесла микрофон ко рту.

— Добрый вечер.

Зал ответил дружными аплодисментами.

— Меня зовут Вера Громова.

Аплодисменты стихли.

— Возможно, вы знаете меня под другим именем. Здесь меня называют Счастливая Вера.

Она оглянулась.

На огромном экране появилась её фотография.

Та самая, которую Лика показывала Яну.

— Но я не всегда была счастливой.

На первых рядах кто-то удивлённо повернулся к соседу.

— Когда-то у меня был маленький книжный магазин, — продолжила Вера. — Очень маленький. Настолько, что если заходили сразу три покупателя, четвёртому приходилось ждать на улице.

В зале кто-то рассмеялся.

Не по команде.

Просто потому, что это действительно было смешно.

Вера улыбнулась.

— Я любила этот магазин. Хотя почти ничего на нём не зарабатывала. Потом он закрылся. Я очень переживала. Мне казалось, что всё закончилось.

Она сделала паузу.

— И однажды пришла сюда.

На экране появился видеоряд Карнавала.

Счастливые люди.

Праздники.

Улыбки.

Вера посмотрела на него.

— Мне предложили новую жизнь. Без сожалений. Без ошибок. Без неприятных воспоминаний.

Зал молчал.

— Но знаете, что самое странное? Вместе с плохими воспоминаниями постепенно исчезли и хорошие.

Она опустила глаза.

— Я перестала помнить запах старых книг. Перестала помнить покупателей. Перестала помнить, как однажды моя младшая сестра помогала мне красить стены магазина и случайно опрокинула ведро краски себе на голову.

В зале снова рассмеялись.

На этот раз громче.

За кулисами Лика вытирала слёзы.

Вера посмотрела прямо в камеру.

— Я хочу помнить всё. Даже то, что причиняло боль. Потому что это была моя жизнь.

В режиссёрской кабине раздался сигнал тревоги.

Соня резко повернулась к монитору.

— Максим!

— Вижу.

Показатель общего счастья начал снижаться.

98,7%.

96,4%.

94,1%.

На экране появились предупреждения.

«ОТКЛОНЕНИЕ ОТ ПРОГРАММЫ»

«НЕЗАПЛАНИРОВАННЫЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ»

«ТРЕБУЕТСЯ КОРРЕКЦИЯ»

Максим посмотрел на Яна.

— Они сейчас отключат микрофон.

— Сколько времени?

— Минуту. Может, меньше.

Ян посмотрел на сцену.

На Веру.

На зрителей.

Потом на режиссёрский пульт.

— Соня, можешь вывести на экран людей из зала?

— Могу. Зачем?

— Пусть посмотрят друг на друга.

Она нахмурилась.

— Что?

— Не рекламный ролик. Не заранее подготовленные счастливые лица. Просто обычных людей.

Соня несколько секунд колебалась.

Потом нажала кнопку.

На огромном экране появилось изображение зрительного зала.

Камера медленно двигалась по рядам.

Мужчина, который перестал улыбаться.

Женщина, тихо плачущая возле сцены.

Два человека, держащиеся за руки.

Пожилой зритель, который вдруг поднялся и снял праздничный браслет.

Затем ещё один.

И ещё.

В зале начался шум.

Дверь режиссёрской кабины распахнулась.

На пороге стояла Регина Авдеева.

За ней — двое сотрудников охраны.

— Немедленно прекратить трансляцию!

Максим поднялся.

— Регина…

— Я сказала прекратить!

Ян повернулся к ней.

— Подождите. У нас ещё не закончилось выступление.

Она посмотрела на него.

— Вы не понимаете, что делаете.

— Почему? Очень даже понимаю.

— Вы разрушаете программу!

— Нет. Я её меняю.

Он показал на договор.

— В рамках полномочий генерального организатора.

Регина замерла.

На мгновение.

Потом медленно подошла ближе.

— Вы нашли этот пункт?

— Да.

Она посмотрела на экран.

Показатель продолжал снижаться.

91,8%.

89,2%.

— Ян, — тихо произнесла она, — эта система удерживает тысячи людей. Если показатель упадёт слишком низко, начнут исчезать целые районы.

Он посмотрел на неё.

— А если ничего не делать?

Регина молчала.

— Тогда вы будете постепенно забирать всё новых людей. Потому что старые перестанут получать удовольствие от бесконечного счастья.

Она опустила глаза.

Ян продолжил:

— Я не предлагаю выключить Карнавал. Я предлагаю позволить людям самим решить, хотят ли они здесь остаться.

— Они не смогут.

— Почему?

Регина посмотрела на него.

— Потому что некоторые не выдержат возвращения к прежней жизни.

Ян помолчал.

— Возможно.

Он посмотрел на зал.

— Но тогда им нужна помощь. А не бесконечный концерт.

Внезапно все экраны погасли.

Музыка оборвалась.

Зал погрузился в темноту.

Раздались испуганные голоса.

Потом включилось аварийное освещение.

Красные лампы зажглись вдоль стен.

На центральном экране появилась надпись:

«ПРОГРАММА ПЕРЕХОДИТ В РЕЖИМ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ»

Максим побледнел.

— Нет…

— Что? — спросил Ян.

Инженер бросился к пульту.

— Система больше нас не слушает.

Регина резко повернулась.

— Этого не может быть.

— Теперь уже может!

Максим быстро нажимал кнопки.

На экране появлялись новые предупреждения.

«ВНЕШНЕЕ УПРАВЛЕНИЕ ОТКЛЮЧЕНО»

«ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОРГАНИЗАТОР ОБНАРУЖЕН»

«ТРЕБУЕТСЯ ЛИЧНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ»

Ян посмотрел на последнюю строчку.

— Какое ещё подтверждение?

Ответ пришёл не от Максима.

И не от Регины.

Из динамиков раздался мужской голос.

Спокойный.

Вежливый.

Очень знакомый.

— Добрый вечер, Ян.

Он замер.

— Мы уже разговаривали.

На экране появилась фигура.

Мужчина в дорогом костюме.

Лицо скрывала тень.

Он сидел в большом кресле.

За его спиной виднелась картина.
Городской двор.
Скамейка.
Фонарь.
И деревянная дверь.
Та самая.
— Кто вы? — спросил Ян.
Мужчина на экране улыбнулся.
— Ваш заказчик.
— Мы уже это выяснили. Имя есть?
— У меня было много имён.
— Выберите одно. Мне в договор записать.
Мужчина негромко рассмеялся.
— Вы ничуть не изменились.
Ян почувствовал неприятный холод.
— Мы знакомы?
— Разумеется.
— Откуда?
Мужчина поднялся с кресла.
Подошёл ближе.
И впервые его лицо стало видно.
Ян отступил.
Перед ним стоял человек, которого он уже видел.
Не двойник.
Не старший Ян.
Не загадочная фигура с собственным лицом.
Это был другой человек.
Мужчина лет пятидесяти.
С аккуратной бородой.
В тёмном костюме.

На лацкане пиджака — небольшой значок в форме золотой маски.

Он выглядел совершенно обычно.

И от этого становилось ещё неприятнее.

— Меня зовут Виктор Сергеевич, — произнёс мужчина. — По крайней мере, когда мы познакомились, ты называл меня именно так.

Ян смотрел на экран.

Имя ничего ему не говорило.

Но голос…

Голос был знаком.

Слишком знаком.

— Где мы встречались?

Виктор Сергеевич улыбнулся.

— На твоём первом большом мероприятии.

Ян нахмурился.

— Когда?

— Тогда, когда ты впервые решил, что можешь сделать счастливыми всех.

Он сделал паузу.

— И пообещал мне организовать идеальный праздник.

В центральном зале снова заиграла музыка.

На этот раз медленная.

Почти торжественная.

На экранах появились изображения Карнавала.

Тысячи счастливых людей.

Фейерверки.

Аттракционы.

Парады.

Затем изображение сменилось.

Появился старый московский двор.

Дети.

Небольшая сцена из деревянных поддонов.

Бумажные билеты.

Девочка в жёлтой куртке.

И мальчик.

Ян.

Он узнал себя сразу.

Мальчик стоял перед самодельной сценой и держал в руках картонную табличку.

На ней было написано неровными буквами:

«ПРАЗДНИК ДЛЯ ВСЕХ»

Вокруг бегали дети.

Кто-то смеялся.

Кто-то спорил.

Кто-то требовал вернуть свой билет, потому что представление оказалось слишком коротким.

Ян почувствовал, как в памяти всплывает давно забытый вечер.

Они с Асей действительно устраивали такие праздники.

Придумывали конкурсы.

Строили декорации.

Собирали соседских детей.

И однажды, когда всё закончилось, Ян очень расстроился.

Ему не хотелось разбирать сцену.

Не хотелось убирать бумажные гирлянды.

Не хотелось, чтобы взрослые звали детей по домам.

Он хотел, чтобы праздник продолжался.

Всегда.

На экране мальчик поднял голову.

Посмотрел прямо в камеру.

И произнёс:

— Когда я вырасту, у меня будет целый город праздников.

Ян закрыл глаза.

Он вспомнил эту фразу.

И девушку рядом.

Ася тогда рассмеялась.

Сказала, что люди устанут веселиться.

А он ответил:

«Тогда я придумаю что-нибудь ещё».

Ян медленно открыл глаза.

Виктор Сергеевич смотрел на него с экрана.

— Теперь вспоминаешь?

— Немного.

— Хорошо.

Он улыбнулся.

— Тогда, возможно, пришло время обсудить условия нашего договора.

Ян посмотрел на Регину.

Та стояла неподвижно.

И почему-то выглядела не удивлённой.

А испуганной.

— Вы его знаете? — спросил он.

Регина не ответила.

Виктор Сергеевич рассмеялся.

— Конечно, знает. Мы с Региной очень давно работаем вместе.

Он повернулся к ней.

— Правда?

Женщина опустила глаза.

— Да.

Ян почувствовал, как внутри поднимается раздражение.

— Значит, вы всё это время знали, кто заказчик?

Регина молчала.

— И не сказали?

Она наконец подняла голову.

— Я не могла.

— Почему?

Виктор Сергеевич ответил вместо неё:

— Потому что у каждого хорошего мероприятия есть правила.

Он посмотрел прямо на Яна.

— И самое главное из них — организатор никогда не должен покидать площадку раньше последнего гостя.

На центральном экране появились часы.

Огромные.

Электронные.

03:17

Ян почувствовал, как по спине пробежал холод.

То самое время.

Галерея.

Пожар.

Дядя Паша.

Картины.

Все дороги, по которым его заносило, рано или поздно возвращались к этим цифрам.

— Что произойдёт в 03:17? — спросил он.

Виктор Сергеевич улыбнулся.

— Закончится первая часть программы.

— А потом?

— Начнётся вторая.

Ян посмотрел на экран.

— Какая?

Мужчина медленно произнёс:

— Настоящий Карнавал.

В зале погасли последние прожекторы.

Где-то за стенами дворца раздался тяжёлый металлический скрежет.

Максим бросился к монитору.

Посмотрел на карту города.

И побледнел.

— Ян…

— Что?

Инженер повернул экран.

На нём было видно, как по всему Западному району начинают открываться новые дороги.

Они тянулись от Карнавала в сторону города.

Десятки.

Сотни.

К каждому району.

К каждому кварталу.

К каждому дому.

Варя прислала короткое сообщение по служебной связи:

«У нас появляются новые улицы. Они ведут к Карнавалу. И люди уже идут по ним».

Ян медленно поднял голову.

Виктор Сергеевич смотрел на него.

— Ты ведь хотел подарить праздник всем, Ян.

Он улыбнулся.

— Пора выполнять обещание.

Фокс неожиданно залаял.

Громко.

Резко.

Прямо на изображение мужчины.

Виктор Сергеевич перевёл взгляд на собаку.

Его улыбка исчезла.

На несколько секунд.

Затем он посмотрел на Яна.

— А вот этого участника у нас действительно не было в первоначальном сценарии.

Фокс продолжал лаять.

Ян положил руку ему на голову.

— Он вообще любит сюрпризы.

Виктор Сергеевич медленно произнёс:

— Тогда постарайся не потерять его из виду.

Связь оборвалась.

Экран погас.

В комнате стало тихо.

Ян посмотрел на Асю.

На Лику.

На Веру.

На Максима.

На Регину.

Пять совершенно разных людей.

Пять разных причин оказаться здесь.

И одна общая проблема.

Им предстояло остановить не просто мероприятие.

Не просто Карнавал.

А целый мир, который постепенно начал превращать человеческие желания в обязательную программу.

Ян посмотрел на часы.

03:17.

Потом на огромный зал за стеклом.

На сцену.

На тысячи людей.

И вдруг вспомнил слова дяди Паши:

«Постарайся не перепутать желание с обещанием».

Он медленно усмехнулся.

— Ну что, коллеги…

Все посмотрели на него.

— Теперь хотя бы понятно, почему у нас мероприятие идёт без окончания.

Регина нахмурилась.

— Почему?

Ян посмотрел на пустое место генерального заказчика в договоре.

— Потому что никто никогда не согласовывал демонтаж.

За окнами вспыхнул очередной фейерверк.

А за ним, далеко за пределами Карнавала, одна за другой начали загораться новые праздничные вывески.

Сначала в Западном районе.

Потом в Центральном.

Потом на Маячной.

И вскоре над всем городом зазвучал один и тот же голос:

— Дамы и господа! Праздник только начинается!

ГЛАВА IX

Галерея потерянного времени

— • —

Человек довольно быстро привыкает к чужим проблемам.

Особенно если эти проблемы возникают регулярно, происходят в рабочее время и не требуют его непосредственного участия.

К чужому счастью привыкнуть оказалось значительно сложнее.

Ян стоял возле огромного панорамного окна и смотрел, как по улицам Карнавала движутся тысячи людей.

Играла музыка.

Сверкали вывески.

На главной площади выступали артисты. Возле фонтана танцевали девушки в серебристых костюмах. Детский поезд с весёлыми пассажирами медленно объезжал искусственную гору, с вершины которой каждые десять минут спускался огромный надувной дракон.

Всё это выглядело настолько профессионально, что Ян невольно начал оценивать происходящее с точки зрения организации.

Парад запускался вовремя.

Артисты менялись без задержек.

Зрительские потоки были распределены грамотно.

Даже звук от соседних площадок почти не смешивался.

Никаких случайных пауз.

Никаких опоздавших подрядчиков.

Никаких пьяных гостей, пытающихся пройти за кулисы.

Идеальная работа.

Только теперь Ян понимал, что именно его в ней раздражало.

Здесь никто не имел права испортить праздник.

Даже случайно.

Он повернулся к Регине Авдеевой.

— Сколько у вас здесь смен?

Женщина удивлённо подняла глаза.

— Простите?

— У артистов. Технических служб. Обслуживающего персонала.

— Расписание индивидуальное.

— А выходные?

— У нас нет выходных в привычном понимании.

— Уже хуже.

Регина закрыла папку.

— Ян, сейчас не самое подходящее время обсуждать трудовое законодательство.

— Наоборот. Очень подходящее. У вас тут пятьдесят тысяч человек, которых никто не отпускает домой. Начать можно хотя бы с графика работы.

Максим Орлов, стоявший возле режиссёрского пульта, негромко рассмеялся.

Регина посмотрела на него.

Инженер немедленно сделал вид, что занят оборудованием.

После разговора с Виктором Сергеевичем Карнавал перешёл в необычный режим.

Музыка продолжала играть.

Аттракционы работали.

Гости гуляли по улицам.

Но на всех информационных экранах вместо рекламных роликов появились часы.

03:17.

Они не отсчитывали секунды.

Не показывали местное время.

Просто стояли.

И постепенно их становилось всё больше.

Ян заметил эти цифры на фасадах гостиниц, на электронных билетах, даже на небольшом экране кофемашины в служебном коридоре.

— Максим, — спросил он, — что у вас с часами?

Инженер подошёл к большому монитору.

— Система перешла на исходное время.

— Это как?

— У каждого проекта есть момент запуска. Первое включение. Начальная точка.

— И?

— У Карнавала эта точка — три часа семнадцать минут.

Ян нахмурился.

— Но мы же запускали его не ночью.

Максим посмотрел на него.

— Именно это я и пытаюсь выяснить.

На мониторе находилась схема всей системы.

Сотни светящихся линий сходились к центральному узлу.

От него расходились каналы, связывающие Карнавал с городом.

В последние часы их количество стремительно увеличивалось.

— Вот это что? — спросил Ян.

— Новые подключения.

— Кого подключают?

Максим увеличил изображение.

На экране появились названия районов.

Маячная.

Старый вокзал.

Промышленный квартал.

Северные мастерские.

Бюро картографии.

Ян медленно наклонился ближе.

— Даже Варю?

— Всех, кто находится в пределах расширения.

— А сколько времени до следующего этапа?

Максим посмотрел на часы.

Обычные.

Наручные.

— До настоящих трёх семнадцати ещё несколько часов.

— Значит, есть время.

Инженер ничего не ответил.

И это Яну совершенно не понравилось.

В комнату вошла Лика.

Фотоаппарат висел у неё через плечо, волосы растрепались, на куртке появилась длинная царапина.

За ней шла Вера.

— Мы нашли людей, которые хотят уйти, — сообщила Лика.

— Сколько? — спросил Ян.

— Пока сорок три.

— Где они?

— В комнате без программы. Максим разрешил использовать соседнее помещение.

Инженер кивнул.

— Только ненадолго. Система уже обнаружила отклонение.

Регина нахмурилась.

— Вы организуете несанкционированный сбор сотрудников?

Лика резко повернулась.

— Мы даём людям возможность вспомнить собственные имена!

— Я не запрещала им этого.

— Вы вообще знаете, что происходит с вашими сотрудниками?

Регина открыла рот, собираясь ответить.

Потом закрыла.

Ян заметил это.

Ему даже стало немного жаль женщину.

Она много лет управляла сложнейшей системой и, вероятно, искренне считала себя хорошим руководителем.

Но сейчас впервые сталкивалась с ситуацией, в которой её подчинённые предпочитали нарушить правила, чтобы просто оставаться собой.

— Ладно, — произнёс Ян. — Сколько из этих сорока трёх хотят выйти?

— Двадцать восемь.

— А остальные?

Вера ответила вместо сестры:

— Боятся.

— Чего?

— Что снаружи у них ничего не осталось.

Ян медленно кивнул.

Это был вполне понятный страх.

Особенно если счастливую жизнь тебе уже организовали, а возвращаться предлагают туда, где придётся самостоятельно решать собственные проблемы.

— Значит, не будем никого заставлять, — сказал он.

Регина удивлённо посмотрела на него.

— Вы хотите оставить часть гостей?

— Если они сами этого хотят — да.

— Но тогда какой смысл менять программу?

Ян вздохнул.

— Регина, вы всё время пытаетесь сделать людей счастливыми по собственному сценарию. Может, хотя бы один раз дадим им возможность выбрать?

Фокс лежал возле двери.

Он не понимал большей части происходящего, зато прекрасно чувствовал, когда разговор затягивается.

Пёс поднялся, подошёл к Яну и положил морду ему на колено.

— Что, дружище?

Фокс посмотрел в сторону коридора.

Потом тихо заскулил.

Ася, сидевшая неподалёку, насторожилась.

— Ян, он уже несколько минут туда смотрит.

— Может, гулять хочет?

— Нет.

Фокс подошёл к стене.

Понюхал деревянную панель возле книжного шкафа.

Отступил.

Затем снова ткнулся носом в щель между панелями.

Максим посмотрел на него.

— Странно.

— Что?

— За этой стеной ничего нет.

Ян повернулся к инженеру.

— Ты уверен?

— По плану здесь техническая шахта.

— Тогда чего удивляться? Может, там мыши.

Максим подошёл ближе.

Провёл рукой по стене.

— Нет. Эту часть здания давно закрыли.

— Почему?

— Не знаю. Она даже в новых планах не обозначена.

Фокс залаял.

Один раз.

Потом сел.

И посмотрел на Яна.

Тот медленно поднялся.

— Максим, а у тебя случайно нет отвёртки?

Инженер посмотрел на него.

— Зачем?

— Хочу проверить, что у вас там за шахта.

Регина резко встала.

— Ничего вскрывать не нужно.

Все повернулись к ней.

Женщина замолчала.

Ян внимательно посмотрел на её лицо.

— А вот теперь мне стало действительно интересно.

За деревянной панелью обнаружилась дверь.

Небольшая.

Старая.

Совершенно не подходящая к современной отделке дворца.

Она была сделана из тёмного дерева и украшена потускневшей латунной ручкой.

На уровне глаз висела маленькая бронзовая табличка.

Буквы почти стёрлись.

Но Ян смог прочитать:

«ГАЛЕРЕЯ. СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД»

Он медленно повернулся к Регине.

— Вы знали?

Она не ответила.

— Регина.
— Я знала, что эта дверь существует.
— А что за ней?
— Мне запрещено туда входить.
Максим усмехнулся.
— Кем?
Она посмотрела на него.
— Виктором Сергеевичем.
Ян подошёл к двери.
Попробовал ручку.
Заперто.
— Ну хотя бы здесь всё как обычно.
Он достал из кармана маленький латунный ключ.
Тот самый, который Фокс нашёл в тайнике Аси.
Ключ вошёл в замок.
Повернулся.
Щёлкнул механизм.
Дверь открылась.
Из темноты пахнуло старым деревом.
Пылью.
И масляными красками.
Ян почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось.
Он знал этот запах.
— Я пойду с вами, — сказала Ася.
Ян кивнул.
— Конечно.
— Я тоже, — добавила Лика.
— А Вера?
Лика посмотрела на сестру.
Та покачала головой.

— Я останусь с людьми. Если система начнёт менять программу, им понадобится помощь.

Максим подошёл к Регине.

— Мне нужно остаться у пульта.

— Я справлюсь, — ответила она.

Инженер удивлённо посмотрел на начальницу.

Регина выдержала его взгляд.

— Максим, я много лет руководила этим местом. Наверное, пора хотя бы раз использовать свои полномочия для чего-нибудь полезного.

Он усмехнулся.

— Тогда постарайтесь не отключить центральное питание.

— А вы постарайтесь вернуться.

Ян посмотрел на них.

Потом на Фокса.

Пёс уже стоял возле открытой двери.

— Ну что, команда, — произнёс Ян. — Пошли смотреть, что у нас в техническом задании забыли указать.

За дверью находился длинный коридор.

На стенах висели старые фотографии.

Московские улицы.

Особняки.

Пожарные лестницы.

Выставочные залы.

На некоторых снимках виднелись посетители.

На других — только пустые помещения.

Коридор казался слишком длинным для здания, в котором они находились.

Ян несколько раз оглядывался.

Но входная дверь оставалась позади.

Фокс шёл впереди.

Лика снимала происходящее.

Ася внимательно рассматривала фотографии.

— Я знаю это место, — наконец сказала она.

— Галерею?

— Не совсем.

Ян остановился.

— Ася, только не начинай.

Она подошла к одной из фотографий.

На ней был изображён последний зал старого особняка.

Тот самый, в котором Ян впервые увидел её на картине.

— Здесь мы оставляли вещи, — произнесла она.

— Какие?

— Те, которые не хотели забывать.

Лика нахмурилась.

— В смысле?

Ася провела пальцем по стеклу.

— Когда мы начали путешествовать между картинами, заметили, что некоторые воспоминания постепенно исчезают.

— И вы стали их записывать? — спросил Ян.

— Да. Сначала в блокнотах. Потом фотографировали. Оставляли письма самим себе.

Она посмотрела на него.

— Но однажды записи тоже начали меняться.

Ян вспомнил фотографии, на которых появлялись люди, которых никогда не было.

И собственное лицо.

На снимке девятилетней давности.

— Тогда Анна Павловна придумала другое решение, — продолжила Ася.

— Какое?

— Она предложила сохранять не сами воспоминания, а время, в которое они произошли.

Лика удивлённо посмотрела на неё.

— Как можно сохранить время?

Ася покачала головой.

— Я тоже не понимала.

Они дошли до конца коридора.

И остановились.

Перед ними стояла высокая двустворчатая дверь.

Над ней висела вывеска.

«ГАЛЕРЕЯ ПОТЕРЯННОГО ВРЕМЕНИ»

Помещение оказалось огромным.

Не просто большим — совершенно невероятным.

Ян видел банкетные залы, концертные площадки, выставочные павильоны и целые промышленные ангары, переоборудованные под мероприятия.

Но ничего подобного ему прежде не встречалось.

Под высоким стеклянным куполом тянулись бесконечные ряды витрин.

В них находились часы.

Тысячи часов.

Настенные.

Наручные.

Карманные.

Старинные маятниковые.

Современные электронные.

Детские будильники.

Огромные вокзальные циферблаты.

И все они показывали разное время.

Некоторые тикали.

Другие стояли неподвижно.

На третьих стрелки двигались назад.

В центре зала возвышалась башня, сложенная из старых деревянных часов.

Она уходила почти под самый купол.

На её вершине находился один огромный циферблат.

03:17.

— Ничего себе, — тихо произнесла Лика.

Ян огляделся.

— Вот это коллекция.

Ася стояла неподвижно.

На её лице появилось странное выражение.

Узнавание.

И страх.

— Я была здесь, — прошептала она.

— Когда?

— Перед пожаром.

— Экскурсии сегодня не проводятся.

Голос раздался откуда-то справа.

Ян обернулся.

Между витринами стояла пожилая женщина.

Невысокая.

С короткими седыми волосами.

В тёмно-зелёном платье и больших круглых очках.

На груди висела связка ключей.

В руках — толстая книга.

Она внимательно смотрела на незнакомцев.

Особенно на Фокса.

— С собакой нельзя, — произнесла женщина.

Ян вздохнул.

— Ну вот. Опять.

— Здесь музейные экспонаты.

— Он аккуратный.

— Это все говорят.

Фокс подошёл к женщине.

Понюхал её туфли.

Затем спокойно сел.

Она посмотрела на него.

Потом на Яна.

— Хорошо. Но если что-нибудь разобьёт, будете восстанавливать.

— Договорились.

Женщина поставила книгу на ближайший стол.

— Нина Коршунова. Хранительница.

— Ян.

Она медленно подняла голову.

— Ян?

— Да.

Нина внимательно посмотрела на его лицо.

Потом сняла очки.

— Надо же.

— Что?

— Я уже перестала ждать.

Ян почувствовал знакомое раздражение.

— Скажите, у вас во всём городе принято так знакомиться?

Женщина улыбнулась.

— Нет. Только с теми, кто обещал вернуться девять лет назад.

Нина провела их между витринами.

По дороге объяснила, что галерея существует значительно дольше Карнавала.

Здесь сохранялись часы, которые люди потеряли.

Не предметы.

А часы жизни.

Моменты, которых не хватило на важный разговор.

Вечера, которые хотелось повторить.

Минуты, которые человек мечтал остановить.

И события, которые он предпочёл забыть.

— Получается, всё это чужие воспоминания? — спросила Лика.

— Не совсем. Воспоминание — это то, что остаётся у человека. А здесь хранится то, что человек из него убрал.

Ян посмотрел на небольшие наручные часы.

Под ними лежала карточка:

«17:42. Неотправленное письмо».

Рядом — другой экспонат.

«06:15. Утро, на которое не успели».

Чуть дальше находился старый будильник.

Подпись:

«22:08. Разговор, который так и не состоялся».

Ян остановился.

— И что происходит, если часы снова запустить?

Нина посмотрела на него поверх очков.

— Иногда ничего.

— А иногда?

— Человек вспоминает то, от чего хотел избавиться.

Лика подняла фотоаппарат.

— А вы как здесь оказались?

Нина усмехнулась.

— Работала в архиве. Потом выяснилось, что некоторые документы нужно хранить значительно дольше человеческой жизни.

— Вы тоже из настоящего мира?

— Когда-то была.

— И давно здесь?

Хранительница помолчала.

— У нас это не самый вежливый вопрос.

Ян посмотрел на Асю.

— Удивительно. Весь город договорился не отвечать на вопросы о времени.

Они подошли к небольшой витрине.

Внутри лежали детские наручные часы.

Пластиковые.

С потёртым синим ремешком.

Ян остановился.

Он узнал их.

Мгновенно.

Не потому, что помнил каждый предмет из детства.

Просто некоторые вещи остаются в памяти совершенно необъяснимым образом.

Эти часы ему подарили родители.

Он носил их почти год.

Пока однажды не потерял.

— Откуда они здесь? — спросил он.

Нина посмотрела на витрину.

— Запись семнадцать.

Ян нахмурился.

— Что значит семнадцать?

— Номер события.

Она открыла книгу.

Пролистала несколько страниц.

— Первый самостоятельно организованный праздник. Детский двор. Участники — Ян и Анастасия.

Ася подошла ближе.

— Это тот самый день…

Нина кивнула.

— Да.

Ян смотрел на часы.

— И что с ним произошло?

Хранительница посмотрела на него.

— Вы его не закончили.

Воспоминание пришло неожиданно.

Старый московский двор.

Лето.

Самодельная сцена из деревянных поддонов.

Бумажные гирлянды.

Несколько соседских детей.

Маленький стол, за которым Ася продавала билеты.

Ян увидел себя ребёнком.

Он стоял перед собравшимися и громко объявлял:

— А сейчас у нас будет самое главное!

— Что именно? — спросила девочка из первого ряда.

Маленький Ян замолчал.

Потом посмотрел на Асю.

Та пожала плечами.

Никакого главного номера они не придумали.

Праздник подходил к концу.

Дети начинали расходиться.

Кто-то уже требовал вернуть билет.

Ян вдруг страшно расстроился.

Ему казалось несправедливым, что всё самое интересное заканчивается именно тогда, когда только начинает получаться.

Он поднял руку.

— Подождите!

Дети остановились.

— Это ещё не всё!

— А что будет? — спросил мальчик в красной футболке.

Ян задумался.

Потом улыбнулся.

— Завтра будет ещё лучше!

Ася посмотрела на него.

— Ян, мы же завтра не собирались.

— Теперь собираемся!

— А что будем делать?

— Придумаем!

Дети радостно закричали.

Ася рассмеялась.

И именно тогда маленький Ян произнёс фразу, которую взрослый Ян много лет спустя вспомнит с неприятным чувством.

— Мы будем устраивать праздники, пока они всем не надоедят!

— А если надоедят? — спросила Ася.

Он пожал плечами.

— Тогда придумаем новый!

Воспоминание исчезло.

Ян снова стоял перед витриной.

Нина внимательно наблюдала за ним.

— Вспомнили?

Он медленно кивнул.

— Да.

— Что именно?

— Почему я вообще стал заниматься мероприятиями.

Ася улыбнулась.

Ян посмотрел на часы.

— Странно. Я ведь почти забыл этот день.

Нина закрыла книгу.

— Некоторые события становятся настолько важными, что человек перестаёт замечать их влияние.

— И что теперь с этим делать?

— Ничего.

Она посмотрела на витрину.

— Не всякое воспоминание требует исправления.

В дальнем конце зала раздался металлический звон.

Нина резко повернула голову.

— Уже?

— Что? — спросил Ян.

Она посмотрела на часы.

Несколько секунд молчала.

Затем быстро направилась к центральной башне.

— Идите за мной.

Они поспешили следом.

Фокс первым обогнал хранительницу.

Подбежал к огромному циферблату.

И остановился.

На полу возле башни появилась тонкая красная линия.

Она медленно двигалась по плитке.

Будто кто-то проводил её невидимым карандашом.

Нина побледнела.

— Началось.

Ян посмотрел на неё.

— Что именно?

— Изъятие.

— Какое ещё изъятие?

Хранительница показала на часы.

Некоторые из них начали исчезать.

Сначала небольшие.

Потом крупные.

На витринах оставались пустые места.

Таблички теряли надписи.

— Виктор Сергеевич забирает время, — произнесла Нина.

— Зачем?

— Ему нужно продлить программу.

Ян медленно повернулся к огромному циферблату.

03:17.

Теперь секундная стрелка начала двигаться.

Назад.

— Это плохо? — спросил Ян.

Нина посмотрела на него.

— Если коротко — да.

— А если подробно?

— Тогда нам лучше сначала найти ваши документы.

Ян вздохнул.

— Вот она, настоящая мистика. В любой непонятной ситуации сначала требуются документы.

Хранительница быстро пошла между витринами.

— Понимаете, Ян, время здесь не исчезает. Оно перераспределяется. Когда человек отказывается от какого-то воспоминания, освободившееся место можно заполнить чем-нибудь другим.

— Например, счастливым днём?

— Например.

Лика нахмурилась.

— Значит, Карнавал забирает у людей прошлое и заменяет его праздниками?

— Не совсем. Вначале человек соглашается сам. Ему предлагают оставить неприятное воспоминание и получить другое. Иногда он действительно чувствует облегчение.

— А потом? — спросила Ася.

Нина остановилась.

— Потом возникает вопрос, кто распоряжается тем, что человек оставил.

Она посмотрела на исчезающие часы.

— До появления Карнавала никто не собирал столько чужого времени в одном месте.

Ян задумался.

— А Виктор Сергеевич?

— Он первым понял, что на этом можно построить целую систему.

— Бизнес?

Хранительница усмехнулась.

— В некотором смысле. Только вместо денег здесь используют человеческие возможности.

Они подошли к небольшой деревянной двери в дальнем конце галереи.

На ней висела табличка:

«АРХИВ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ»

Нина достала связку ключей.

Выбрала самый маленький.

Открыла замок.

За дверью находилась обычная архивная комната.

Стеллажи.

Картонные коробки.

Папки.

Несколько старых шкафов.

И огромный письменный стол.

Ян неожиданно почувствовал облегчение.

После бесконечных коридоров, оживающих картин и людей, исчезающих прямо на глазах, обычная комната с бумагами выглядела почти уютно.

— Вот это я понимаю, — произнёс он. — Наконец нормальное помещение.

Нина посмотрела на него.

— Не обольщайтесь. Здесь тоже не всё просто.

— Разумеется.

Она подошла к одному из шкафов.

Открыла его.

Внутри находились папки с номерами.

Нина достала семнадцатую.

Положила на стол.

На обложке было написано:

«ПРОЕКТ № 17. ПРАЗДНИК ДЛЯ ВСЕХ»

Ян медленно сел.

Он узнал это название.

Сначала не понял откуда.

Потом вспомнил.

Старый двор.

Бумажные билеты.

Детскую сцену.

И собственный голос, объявляющий начало представления.

— Этого не может быть, — тихо произнёс он.

Нина усмехнулась.

— Можете придумать что-нибудь новее? Мне эту фразу повторяют уже несколько десятилетий.

Ян открыл папку.

Внутри лежало несколько десятков листов.

Рисунки.

Фотографии.

Старые записи.

Первым был детский лист бумаги.

На нём неровным почерком значилось:

«Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ВСЕМ БЫЛО ВЕСЕЛО»

Ниже был нарисован большой парк.

С каруселями.

Сценой.

Мороженым.

И маленькими человечками.

Ян улыбнулся.

Он помнил этот рисунок.

Вернее, только сейчас понял, что помнит.

— Ася, смотри.

Она подошла ближе.

Увидела лист.

И неожиданно рассмеялась.

— Господи. Ты же тогда нарисовал себя главным директором.

Ян посмотрел на человечка возле сцены.

На его голове действительно красовалась огромная корона.

— Ну, амбиции у меня с детства были правильные.

Ася осторожно взяла лист.

— Ты хотел построить город, в котором каждый сможет придумать себе праздник.

— И что?

— А я сказала, что лучше построить несколько разных городов.

— Почему?

Она улыбнулась.

— Потому что одному человеку нравится музыка, другому — тишина. Кому-то хочется веселиться, а кому-то просто сидеть с собакой на лавочке.

Ян посмотрел на Фокса.

Пёс лежал возле стола.

— Последний вариант, кстати, вполне достойный.

Ася провела рукой по рисунку.

— Тогда ты сказал, что всё равно придумаешь универсальный праздник.

Ян замолчал.

Слова неожиданно приобрели совсем другой смысл.

Следующая часть папки относилась к событиям девятилетней давности.

Теперь перед Яном лежал настоящий договор.

Пожелтевший.

С печатью.

С подписями.

В верхней части значилось:

«Организация закрытого выставочного мероприятия»

Ниже находилось описание концепции.

«Создать на один вечер пространство, в котором каждый гость сможет вспомнить несбывшуюся мечту, увидеть возможный путь к её осуществлению и самостоятельно решить, хочет ли он изменить свою жизнь».

Ян медленно прочитал текст.

Потом ещё раз.

— Подождите.

Нина посмотрела на него.

— Что?

— Здесь написано «на один вечер».

— Да.

— А в документах Карнавала — «без ограничения срока».

Хранительница кивнула.

— Именно.

Ян перевернул страницу.

Там находился список участников.

Подрядчики.

Организаторы.

Представители галереи.

И несколько неизвестных ему фамилий.

В самом конце стояла его подпись.

Рядом — подпись Аси.

А ниже — Анны Павловны.

Лика подняла фотоаппарат.

— Можно?

Нина кивнула.

— Снимайте.

Лика сделала несколько кадров.

Ян продолжал листать документы.

— А где Виктор Сергеевич?

Нина помолчала.

— В первоначальном договоре его нет.

— Как это?

— Он появился позже.

Ян поднял глаза.

— Когда?

Хранительница показала на последнюю страницу.

Там находилась небольшая рукописная пометка:

«Дополнительные пожелания заказчика переданы через представителя частной коллекции».

— Кто этот представитель?

Нина посмотрела на него.

— Вот это мы и пытались выяснить много лет назад.

В дверь постучали.

Ян резко обернулся.

Нина подняла руку.

— Спокойно.

Она подошла к двери.

Приоткрыла её.

На пороге стоял мужчина лет шестидесяти с металлической тележкой.

На тележке лежали коробки и несколько папок.

— Нина Дмитриевна, из Центрального опять документы привезли.

— Какие?

— На уничтожение.

Мужчина посмотрел на гостей.

Замолчал.

Потом перевёл взгляд на Яна.

— Ого.

Ян тяжело вздохнул.

— Да. Я тот самый.

Мужчина нахмурился.

— Какой тот самый? Я просто думал, что вы новый реставратор.

Лика рассмеялась.

Ян неожиданно почувствовал к человеку искреннюю симпатию.

— Нет, к сожалению.

— А жаль, — ответил мужчина. — У нас уже три картины восстановить некому.

Нина забрала папки.

— Спасибо, Борис.

— Не за что.

Он посмотрел на Фокса.

— Собака хорошая.

— Спасибо, — ответил Ян.

Мужчина ушёл.

Ян повернулся к Нине.

— Нормальный человек.

Она усмехнулась.

— Здесь таких больше, чем вам кажется.

Нина открыла одну из доставленных папок.

На первой странице стояла печать Городской редакции.

Ниже:

«ИЗЪЯТИЕ НЕВОСТРЕБОВАННЫХ СОБЫТИЙ»

Она быстро пролистала документы.

Потом побледнела.

— Они начали раньше.

— Что именно?

— Закрывать архив.

Ян нахмурился.

— Зачем?

— Чтобы освободить время для расширения Карнавала.

Она показала на список.

Сотни записей.

Тысячи имён.

Некоторые были зачёркнуты.

Другие выделены красным.

Лика внимательно посмотрела на документы.

И вдруг замерла.

— Подождите.

Она указала на одну строку.

ВЕРА ГРОМОВА. СОБЫТИЕ № 4821.

Ян посмотрел на неё.

Лика побледнела.

— Это моя сестра.

Нина быстро нашла соответствующую карточку.

На ней было написано:

«Первое открытие книжного магазина. Эмоциональный статус: смешанный. Событие признано несущественным для продолжения программы».

Лика резко подняла голову.

— Несущественным?!

Она почти вырвала карточку из рук хранительницы.

— Это был самый важный день в её жизни!

Нина ничего не ответила.

Лика смотрела на запись.

Потом медленно произнесла:

— Они хотят стереть даже то, ради чего она вообще пришла сюда.

Ян почувствовал знакомое раздражение.

Только теперь оно было направлено не на странные правила мира.

А на совершенно конкретных людей, придумавших эти правила.

— Нина Дмитриевна, — произнёс он. — Эти документы можно сохранить?

Она кивнула.

— Пока они здесь — да.

— А если вынести?

— Не всё. Некоторые события привязаны к месту.

Ян задумался.

Потом посмотрел на фотоаппарат Лики.

— А скопировать?

Нина медленно подняла голову.

— Вы думаете…

— Я пока ничего не думаю. Просто предлагаю не уничтожать то, что может кому-нибудь понадобиться.

Лика уже снимала документы.

Один за другим.

Фокс лежал возле двери и внимательно наблюдал за коридором.

Через несколько минут раздался сигнал рации.

Лика достала её из кармана.

— На связи.

Послышался голос Вари.

— Лика! Наконец-то!

— Что случилось?

— У нас весь город сходит с ума.

— В каком смысле?

— На Маячной начали появляться новые вывески. Людям раздают приглашения. Вокзал уже частично превратили в праздничный павильон.

Ян подошёл ближе.

— Варя, это Ян. Что с редакцией?

— Они объявили всеобщий переход на праздничную программу.

— А Ратников?

— Исчез.

— Как исчез?

— Утром был в управлении. Потом его кабинет закрыли. На двери появилась надпись «Временно отсутствует».

Ян нахмурился.

— А мост?

— Какой?

— Который утром исчез.

— Вернулся.

— Отлично.

— Только теперь он ведёт не через реку.

Ян закрыл глаза.

— А куда?

— Прямо к Карнавалу.

Нина слушала разговор с неожиданно спокойным выражением лица.

Когда Варя закончила, хранительница медленно закрыла папку.

— Значит, они решили больше не ждать.

— Чего? — спросил Ян.

— Завершения первоначального договора.

Она показала на старые документы.

— Видите эту строчку?

Ян наклонился.

Внизу последней страницы находилась фраза:

«Мероприятие считается завершённым после того, как каждый участник получит возможность самостоятельно покинуть пространство».

Он медленно прочитал её.

Потом посмотрел на Нину.

— То есть Карнавал вообще не может считаться законченным, пока людей не выпускают?

— Именно.

— И Виктор Сергеевич об этом знает?

— Думаю, прекрасно.

Ян посмотрел на договор.

Теперь начинало складываться.

Виктор Сергеевич не просто придумал бесконечный праздник.

Он использовал первоначальные условия, изменив главное.

Вместо возможности выбрать — обязательное счастье.

Вместо одного вечера — бесконечное продолжение.

Вместо добровольного участия — невозможность выйти.

А первоначальный договор так и оставался незавершённым.

Потому что никто не смог провести мероприятие до конца.

— Вот ведь… — пробормотал Ян.

Ася посмотрела на него.

— Что?

Он медленно усмехнулся.

— Я, кажется, наконец понял, что здесь произошло.

— Объясни.

Ян показал на договор.

— Кто-то взял хорошую идею, превратил её в чудовищный проект, а потом заставил всех работать по правилам, которых никто не согласовывал.

Лика посмотрела на него.

— И что теперь?

Ян пожал плечами.

— Теперь нужно найти первоначальное техническое задание.

Нина усмехнулась.

— Оно перед вами.

— Нет.

Он показал на первую страницу.

— Это договор. А где сам замысел? То, что мы с Асей действительно хотели сделать?

Хранительница медленно подняла глаза.

— Вы уверены, что готовы его увидеть?

Ян посмотрел на неё.

— Нина Дмитриевна, мы уже несколько дней гуляем по картинам. Думаю, хуже не будет.

Она помолчала.

Потом произнесла:

— Обычно именно после таких слов всё и начинается.

В самом дальнем углу архива стоял небольшой деревянный шкаф.

Нина подошла к нему.

Открыла дверцу.

Внутри находилась металлическая коробка.

На крышке был изображён маленький фонарь.

Под ним — номер.

Ян почувствовал неприятное покалывание.

Семнадцать.

Этот номер встречался ему уже много раз.

На дверях.

В книге регистрации.

На старых фотографиях.

Теперь он находился и здесь.

Нина поставила коробку на стол.

Открыла.

Внутри лежали несколько предметов.

Кисть.

Детский рисунок.

Старая фотография.

И небольшая записная книжка.

Ян осторожно взял её.

На обложке было написано:

«НАШ ГОРОД»

Он открыл первую страницу.

И замер.

Там находилась схема.

Огромного города.

С улицами, парками, театрами, площадями.

И несколькими районами.

Но это был не Карнавал.

И даже не Город незаконченных историй.

Город выглядел совершенно иначе.

В нём были жилые дома.

Школы.

Библиотеки.

Мастерские.

Магазины.

Парки.

Места для праздников.

И места, где люди могли просто жить.

Ян перевернул страницу.

На ней находилась запись.

Сделанная детским почерком:

«В нашем городе каждый сможет придумать свою историю. А когда захочет, сможет уйти и вернуться обратно».

Ниже стояла подпись.

Ян.

А рядом, другим почерком:

«И никто не будет обязан веселиться».

Ася.

Ян долго смотрел на записи.

Потом медленно поднял голову.

Ася стояла рядом.

По её щекам текли слёзы.

— Вот что мы хотели, — тихо произнесла она.

Он ничего не ответил.

— Не бесконечный Карнавал. Не место, где всем обязательно хорошо. Мы хотели придумать город, в котором каждый может попробовать стать тем, кем мечтал.

Она перевернула страницу.

Там был изображён маленький театр.

Потом книжный магазин.

Потом огромный парк.

А дальше — небольшой домик с садом.

Рядом стояла скамейка.

На скамейке сидели два человека.

Возле них лежала собака.

Фокс подошёл ближе.

Понюхал рисунок.

Потом положил морду Яну на колено.

Тот медленно погладил его.

— А ведь неплохо придумали.

Ася улыбнулась.

— Для детей — очень даже.

Ян посмотрел на страницу.

— И кто всё испортил?

Ответил не Ася.

И не Нина.

Из глубины галереи донёсся знакомый мужской голос:

— Вы сами, Ян.

Двери архива медленно открылись.

На пороге стоял Виктор Сергеевич.

Тёмный костюм.

Аккуратная борода.

Золотая маска на лацкане.

Он выглядел так, словно только что закончил деловую встречу и заглянул узнать, как продвигается подготовка мероприятия.

— Добрый вечер, коллеги.

Ян медленно поднялся.

— А вот и заказчик.

Виктор Сергеевич улыбнулся.

— Рад, что вы наконец нашли первоначальные документы.

— Тогда объясните, почему ваш Карнавал вообще не похож на то, что мы придумали.

Мужчина подошёл к столу.

Посмотрел на детскую книжку.

— Потому что дети не умеют рассчитывать последствия собственных желаний.

— А взрослые умеют?

— Иногда.

Ян усмехнулся.

— Судя по происходящему, вы тоже не особенно преуспели.

Виктор Сергеевич не обиделся.

Он подошёл к окну, за которым виднелись бесконечные ряды часов.

— Вы знаете, сколько людей приходит сюда каждый день?

— Примерно представляю.

— Тысячи. Уставшие. Разочарованные. Потерявшие надежду.

Он повернулся.

— И каждый хочет одного. Чтобы ему стало легче.

— И вы решили сделать им хорошо принудительно?

Мужчина покачал головой.

— Я предложил им возможность.

— Без выхода?

— Большинство не хочет уходить.

— А те, кто хочет?

Виктор Сергеевич помолчал.

— Иногда ради общего порядка приходится ограничивать отдельные желания.

Ян посмотрел на него.

— А кто дал вам право решать?

Мужчина улыбнулся.

— Вы.

Виктор Сергеевич достал из внутреннего кармана сложенный лист бумаги.

Развернул его.

Положил рядом с договором.

На листе находилась старая подпись Яна.

Та самая.

И несколько строк.

«Предоставляю организатору пространства право изменять программу с целью достижения максимального удовлетворения участников».

Ян внимательно прочитал документ.

— Когда я это подписал?

— Девять лет назад.

— Не помню.

— Разумеется.

Виктор Сергеевич улыбнулся.

— Вы сами попросили убрать из памяти часть событий.

Ася резко поднялась.

— Это было после пожара!

Мужчина повернулся к ней.

— Верно.

— Ян не мог понимать, что подписывает!

Виктор Сергеевич пожал плечами.

— Подпись настоящая.

Ян медленно посмотрел на документ.

Потом на первый договор.

— Подождите.

Он взял оба листа.

Положил рядом.

Некоторое время сравнивал.

Затем неожиданно улыбнулся.

— А ведь вы кое-что упустили.

Виктор Сергеевич нахмурился.

— Что именно?

Ян показал на первоначальный договор.

— Вы получили право менять программу.

— Да.

— Но не цель.

Мужчина молчал.

Ян продолжил:

— Первоначальная цель — дать людям возможность самостоятельно решать, что делать со своей жизнью. А вы эту возможность забрали.

Он посмотрел на Асю.

Потом на Нину.

И снова на Виктора Сергеевича.

— Значит, ваш Карнавал вообще не соответствует первоначальному заданию.

Впервые за всё время улыбка исчезла с лица заказчика.

В галерее раздался громкий удар.

Все обернулись.

В центральном зале начали звонить часы.

Сначала одни.

Потом другие.

Через несколько секунд тысячи механизмов зазвучали одновременно.

Под куполом поднялся оглушительный гул.

Виктор Сергеевич резко повернулся к двери.

— Что вы сделали?

Ян удивлённо посмотрел на него.

— Пока ничего.

Мужчина быстро подошёл к столу.

Попытался забрать первоначальный договор.

Но Нина первой положила на него руку.

— Нет.

Он остановился.

— Нина Дмитриевна, не заставляйте меня…

— Вы уже забрали слишком много.

Виктор Сергеевич посмотрел на хранительницу.

Несколько секунд они стояли друг напротив друга.

Затем мужчина тихо произнёс:

— Вы не понимаете, что произойдёт, если остановить программу.

Нина ответила спокойно:

— Понимаю. Поэтому и не собираюсь просто её останавливать.

Ян перевёл взгляд с одного на другого.

— А что собираетесь?
Она посмотрела на него.
— Вернуть людям их время.
Фокс неожиданно зарычал.
Он стоял возле двери.
Шерсть на загривке поднялась.
Ян повернулся.
В дальнем конце коридора появился дым.
Сначала тонкая серая полоска.
Потом густое облако.
Пахнуло гарью.
Настоящей.
Не театральной дым-машиной.
Не сценическим эффектом.
А горящим деревом.
Ася побледнела.
— Ян…
Он посмотрел на неё.
И сразу понял.
Она узнала этот запах.
Тот самый.
Из галереи девятилетней давности.
Виктор Сергеевич посмотрел на дым.
Затем на огромный циферблат.
03:17.
— Началось, — тихо произнёс он.
Ян резко повернулся.
— Что началось?!
Мужчина не ответил.
Он смотрел на дверь.

И впервые выглядел по-настоящему испуганным.

Из коридора раздался треск.

Затем крик.

Кто-то звал на помощь.

Лика бросилась к выходу.

Ян схватил её за руку.

— Стой!

— Там люди!

— Я знаю.

Он повернулся к Нине.

— Есть второй выход?

Хранительница кивнула.

— Через служебную лестницу.

— Ведите!

Нина схватила коробку с детскими записями.

Лика убрала в сумку фотоаппарат и документы.

Ася взяла Фокса за ошейник.

Ян подхватил первоначальный договор.

И только тогда заметил, что Виктор Сергеевич по-прежнему стоит возле стола.

— Вы идёте?

Мужчина медленно поднял голову.

Посмотрел на Яна.

И неожиданно произнёс:

— Я ведь действительно хотел сделать их счастливыми.

Ян замолчал.

На мгновение ему показалось, что перед ним стоит не человек, придумавший бесконечный Карнавал.

А обычный заказчик.

Который когда-то попросил невозможного.

И слишком поздно понял, сколько это будет стоить.
— Тогда, — ответил Ян, — помогите нам хотя бы сейчас.
Виктор Сергеевич посмотрел на дым.
Потом на часы.
И медленно покачал головой.
— Уже поздно.
Они выбежали в центральный зал.
Картина оказалась страшнее, чем Ян предполагал.
По стенам ползли тёмные полосы.
Некоторые витрины исчезали.
Часы падали на пол.
Стекло разлеталось на осколки.
Под куполом собирался густой дым.
В дальнем конце помещения уже виднелось пламя.
Нина остановилась возле центральной башни.
Посмотрела на огромный циферблат.
— Нет…
Ян обернулся.
— Что?
Хранительница побледнела.
— Это не пожар.
— А что?!
Она указала на часы.
Стрелки начали двигаться быстрее.
03:16.
03:15.
03:14.
— Они возвращают время назад.
Ян почувствовал, как внутри всё похолодело.
— Куда?

Нина посмотрела на него.

— К тому вечеру, когда галерея сгорела.

Ася закрыла рот рукой.

— Но ведь тогда…

Она не договорила.

Ян вспомнил Анну Павловну.

Пожар.

Закрытые двери.

И собственное решение уйти, оставив Асю внутри картины.

Он посмотрел на пламя.

Потом на часы.

И вдруг понял, чего добивается Виктор Сергеевич.

Если вернуть тот самый вечер, первоначальный договор можно будет переписать снова.

Изменить события.

Изменить выбор.

Создать другую историю.

Ту, в которой Карнавал действительно никогда не закончится.

В кармане Яна завибрировал телефон.

Он удивлённо достал его.

На экране высветился неизвестный номер.

Ян ответил.

— Да?

Несколько секунд слышался только треск.

Потом раздался знакомый старческий голос:

— Ну что, промоутер, добегался?

Ян замер.

— Дядя Паша?

— А кто же ещё?

— Вы где?!

— Там, где меня давно ждут.

— Тут пожар!

— Знаю.

— Что делать?!

Старик помолчал.

Затем ответил:

— Помнишь, я тебе зажигалку дал?

Ян машинально сунул руку в карман.

Пальцы нащупали маленький металлический предмет.

Потемневшая крышка.

Царапина.

Та самая.

— Помню.

— Не потерял?

— Нет.

— Вот и хорошо.

Ян посмотрел на огонь.

— А зачем она мне?

Дядя Паша тихо вздохнул.

— Ты всё ещё думаешь, что проблема в том, как потушить пожар.

— А в чём?!

Старик произнёс:

— В том, что ты снова хочешь спасти всех, не спросив, чего они сами хотят.

Связь оборвалась.

Ян медленно опустил телефон.

Посмотрел на Асю.

На Нину.

На Лику.

На Фокса.

И впервые за всё время понял, что не имеет права принимать решение за остальных.

— Слушайте, — произнёс он.

Все повернулись.

— У нас есть несколько минут. Я знаю, где выход. Но сначала хочу спросить вас.

Ася смотрела на него.

— Что?

Ян сжал в руке первоначальный договор.

— Вы хотите вернуться назад и попытаться изменить тот вечер?

В галерее стало тихо.

Даже звон часов словно отдалился.

Нина медленно сняла очки.

Лика посмотрела на Асю.

Ася опустила глаза.

Потом подняла голову.

— Нет, Ян.

Он замер.

— Почему?

Она ответила не сразу.

— Потому что я уже однажды пыталась исправить всё огнём. И мне придётся жить с тем, что произошло.

По её щеке скатилась слеза.

— Но я не хочу, чтобы мы снова проживали это ради ещё одного обещания, которое не сможем выполнить.

Ян молчал.

Затем медленно кивнул.

— Хорошо.

Он повернулся к Нине.

— А вы?

Хранительница посмотрела на тысячи часов.

— Я хочу сохранить то, что здесь осталось. Даже неприятное. Даже то, чего люди стыдятся.

Лика подняла фотоаппарат.

— А я хочу, чтобы весь город узнал правду.

Ян посмотрел на Фокса.

Пёс стоял рядом.

Внимательно следил за хозяином.

Ян невольно улыбнулся.

— А ты, дружище, наверное, просто хочешь выйти отсюда?

Фокс коротко гавкнул.

— Вот и договорились.

Из глубины галереи раздался громкий удар.

Центральная башня дрогнула.

На её вершине огромный циферблат раскололся.

03:17.

Стрелки остановились.

На мгновение всё замерло.

Пламя.

Дым.

Осколки стекла.

Даже люди перестали двигаться.

А затем прямо посреди зала появилась дверь.

Обычная деревянная дверь.

С медной ручкой.

Нарисованная неумелой рукой.

Ян узнал её мгновенно.

Свою первую картину.

Ту самую, которую он когда-то создал вместе с Асей.

Дверь медленно открылась.
За ней виднелась старая галерея.
Не разрушенная.
Не сгоревшая.
С освещёнными залами.
Музыкой.
Голосами посетителей.
И молодым Яном, стоящим возле большой картины.
Он смеялся.
В руках держал кисть.
Рядом находилась Ася.
Только значительно моложе.
Ян смотрел на них.
И не мог пошевелиться.
Перед ним находилось собственное прошлое.
То самое, которое он столько раз пытался вернуть.
И теперь ему предлагали войти.
— Ян…
Ася осторожно взяла его за руку.
Он повернулся.
Посмотрел на неё.
Затем снова на дверь.
Внутри молодой Ян поднял кисть.
Собирался нарисовать последний штрих.
Тот самый, после которого всё и началось.
Взрослый Ян медленно сделал шаг.
Потом остановился.
Вспомнил слова дяди Паши.
«Не перепутай желание с обещанием».
И впервые за много лет не стал торопиться.

Он посмотрел на молодого себя.

На девушку рядом.

На кисть.

И тихо произнёс:

— Нет.

Ася удивлённо подняла голову.

— Что?

Ян медленно повернулся к ней.

— Я не собираюсь снова менять прошлое.

Он посмотрел на огонь, который постепенно приближался к ним.

— Но и позволять ему уничтожить настоящее тоже не собираюсь.

Фокс залаял.

Нина указала на дверь.

— Тогда выбирайте быстрее. Она уже закрывается!

Ян поднял первоначальный договор.

Посмотрел на собственную подпись.

И вдруг понял, что впервые в жизни ему придётся закончить мероприятие, которое он когда-то сам начал.

Не самым красивым способом.

Не самым эффектным.

И уж точно не по первоначальной смете.

Но так, чтобы гости наконец получили возможность вернуться домой.

ГЛАВА X

Последний пожар

— • —

Самое неприятное в пожаре — не огонь.

Ян понял это ещё много лет назад, когда на одном корпоративном мероприятии загорелась декоративная конструкция стоимостью в небольшой автомобиль.

Огонь тогда быстро потушили. Никто не пострадал. Даже заказчик, который до этого полчаса рассказывал, что хочет «максимально горячую атмосферу», отнёсся к происшествию удивительно спокойно.

Настоящая проблема началась позже.

Когда выяснилось, что никто не знает, кто отвечал за конструкцию, кто согласовывал материалы и почему огнетушители оказались за запертой дверью.

С тех пор Ян усвоил простое правило: самое страшное начинается тогда, когда все уверены, что происходящее контролирует кто-то другой.

Сейчас он стоял посреди Галереи потерянного времени и с неприятной ясностью понимал, что контролировать происходящее некому.

Вокруг трещали деревянные перекрытия.

Под стеклянным куполом собирался густой дым.

Тысячи часов звонили одновременно, словно пытались предупредить о чём-то, но никак не могли договориться между собой.

А посреди зала стояла дверь.

Обычная деревянная дверь с медной ручкой.

За ней Ян видел самого себя девять лет назад.

Молодой Ян держал кисть и собирался закончить рисунок.

Рядом стояла Ася.

Они смеялись.

Ещё не зная, что впереди окажутся пожар, потерянные годы, исчезающие воспоминания и целый город, который никогда не должен был существовать.

— Ян! — крикнула Нина Дмитриевна. — Дверь закрывается!

Он смотрел на молодого себя.

Тот поднял кисть.

Оставалось одно движение.

Совсем небольшое.

И Ян вдруг понял, насколько просто было бы вмешаться.

Зайти внутрь.

Выхватить кисть.

Рассказать, что произойдёт дальше.

Предупредить Асю.

Остановить пожар.

Предотвратить всё.

Именно такой возможности он искал столько лет.

Именно ради неё когда-то открыл первую дверь.

Он сделал шаг вперёд.

Ася крепче сжала его руку.

— Ян…

Он посмотрел на неё.

На взрослую Асю.

На женщину, которую когда-то оставил в картине и теперь наконец нашёл.

Потом снова повернулся к двери.

— Нет, — тихо произнёс он.

— Что? — спросила Нина.

— Мы туда не пойдём.

— Но там…

— Там уже всё произошло.

Ян медленно отступил.

— А здесь ещё нет.

Дверь захлопнулась.

Громко.

Так, что по залу прокатилось эхо.

На секунду все часы замолчали.

А потом где-то за стеной раздался человеческий крик.

— Помогите!

Ян мгновенно повернулся.

Крик доносился из коридора между архивом и реставрационными мастерскими.

Он посмотрел на Нину.

— Там люди?

Хранительница побледнела.

— Борис.

— Кто ещё?

— Двое реставраторов. Они сегодня разбирали новые поступления.

Ян уже шёл к коридору.

Ася догнала его.

— Подожди!

— Что?

— Там огонь.

— Вижу.

— Ты не знаешь, что за дверью.

— Зато знаю, что там люди.

Лика быстро убрала фотоаппарат в сумку.

— Я с вами.

— Нет, — ответил Ян. — Ты найдёшь служебный выход вместе с Ниной. Передашь документы Максиму. И предупредишь, что нам нужна помощь.

— А ты?

— Проверю коридор.

Ася хотела возразить, но Ян остановил её.

— Ася, сейчас не время спорить. Ты знаешь эту галерею лучше меня. Помоги Нине.

Она посмотрела на него.

— Только не исчезай опять.

Ян попытался улыбнуться.

— Я вообще-то ещё ни одного мероприятия без сдачи площадки не закончил.

— Ян.

Он перестал улыбаться.

— Я вернусь.

И в этот момент понял, что снова произнёс слова, которые однажды уже оказались слишком дорогими.

Поэтому добавил:

— Я сделаю всё, чтобы вернуться. Но если здесь станет опасно, не жди меня внутри.

Ася несколько секунд смотрела ему в глаза.

Потом кивнула.

Коридор оказался заполнен дымом.

Ян пригнулся, прикрыл рот рукавом и двинулся вдоль стены. Где-то впереди скрипела металлическая тележка.

— Есть кто живой?!

— Здесь! — раздалось из темноты.

Он увидел Бориса.

Того самого архивного работника, который недавно привозил документы и принял Яна за реставратора.

Мужчина пытался открыть тяжёлую дверь.

Рядом стояла молодая девушка в рабочем халате.

Второй реставратор сидел на полу, держась за ногу.

— Что случилось? — спросил Ян.

— Стеллаж упал, — ответил Борис. — Дверь заклинило. А с другой стороны лестница!

Ян быстро осмотрел помещение.

Металлический шкаф перекосило, и он зажал дверную створку. Сдвинуть его руками было невозможно.

— Инструменты есть?

— В мастерской.

— Где?

Борис указал на открытую комнату.

Через несколько секунд Ян вернулся с металлическим ломиком.

— Отойдите.

Он вставил инструмент между шкафом и стеной.

Надавил.

Шкаф не шелохнулся.

— Ну конечно, — пробормотал Ян. — Даже здесь всё сделано через одно место.

Борис помог ему.

Вместе они немного сдвинули конструкцию.

Дверь освободилась.

Девушка первой вышла на лестницу, потом помогла пострадавшему реставратору. Борис задержался, пытаясь забрать с тележки коробку.

— Бросьте! — крикнул Ян.

— Там документы!

— Борис!

— Очень важные!

Ян посмотрел на коробку.

Потом на дым, сгущавшийся под потолком.

— У вас есть копии?

— Нет!

Ян выругался.

Подхватил одну небольшую папку, которая лежала сверху, и сунул её Борису.

— Остальное оставляем. Живые сотрудники дороже любого архива.

Мужчина с сожалением посмотрел на тележку.

Но спорить не стал.

Они вышли на лестницу.

Через несколько секунд за спиной раздался глухой удар.

Что-то тяжёлое рухнуло в коридоре.

Ян обернулся.

В дыму на мгновение показалась фигура.

Человек.

В тёмном костюме.

Он стоял совершенно неподвижно.

Ян прищурился.

— Эй!

Фигура не ответила.

Затем медленно подняла руку.

И указала в сторону центрального зала.

Ян моргнул.

Человек исчез.

Служебная лестница привела их в небольшое помещение с двумя выходами.

За одним находился обычный технический коридор Карнавала.

За другим — тёмная лестница, уходившая вниз.

Там уже стояли Нина, Ася и Лика.

Фокс радостно бросился навстречу Яну.

— Ну что, — произнёс тот, погладив собаку, — скучал?

Пёс ткнулся носом в его ладонь.

Лика посмотрела на Бориса.

— Все вышли?

— Все, — ответил архивариус.

Ян повернулся к Нине.

— Отлично. Значит, уходим.

Хранительница покачала головой.

— Ещё рано.

— В каком смысле?

Она показала на небольшой экран над технической дверью.

Там отображалась карта города.

Красные линии тянулись от Карнавала во все стороны.

Некоторые районы уже были выделены золотым цветом.

— Пожар не заканчивается галереей, — произнесла Нина.

Ян нахмурился.

— Объясните.

— Галерея связана с первоначальным договором. Сюда поступало время, которое люди отдавали Карнавалу. Теперь Виктор Сергеевич пытается вернуть всё к первому вечеру.

— Зачем?

— Чтобы запустить новый вариант программы. На этот раз не только для Карнавала.

Ян посмотрел на карту.

Красные линии продолжали распространяться.

К Маячной.

К Старому вокзалу.

К промышленным районам.

К жилым кварталам.

— Он хочет подключить весь город?

— Да.

Лика побледнела.

— А люди?

Нина медленно ответила:

— Они даже не заметят, когда перестанут выбирать собственную жизнь.

Ян некоторое время рассматривал экран.

Потом достал телефон.

Связь неожиданно работала.

Он набрал Максима.

Тот ответил почти мгновенно.

— Ян! Где вы?!

— На служебной лестнице за архивом. Людей вывели. Что у вас происходит?

— Полный бардак.

— Конкретнее.

— Система отключила часть ручного управления. Регина пытается открыть ворота, но центральный сервер отменяет команды.

— А Соня?

— В режиссёрской. Держит трансляцию.

— Скажи ей, чтобы не отключала камеры.

— Ян, нам сейчас не до трансляции!

— Наоборот. Именно до неё.

Максим замолчал.

— Что ты задумал?

Ян посмотрел на Асю.

На Нину.

На папку с первоначальным договором.

— Устроим самое короткое мероприятие в истории.

— Что?

— Церемонию закрытия.

Через несколько минут вся команда снова собралась в техническом центре Карнавала.

Бориса и реставраторов передали сотрудникам службы безопасности, которая наконец получила внятное распоряжение заниматься безопасностью, а не проверкой улыбок.

Регина Авдеева стояла возле центрального пульта.

На её лице впервые за всё время не было привычного спокойствия.

— Ян, система больше не принимает мои распоряжения.

— Почему?

— Виктор Сергеевич заблокировал доступ.

— А документы?

— Какие?

Ян положил перед ней первоначальный договор.

Регина быстро прочитала первые страницы.

Потом последние.

И медленно села.

— Этого не может быть.

— Сегодня уже третий раз слышу.

Она посмотрела на него.

— Здесь совсем другая концепция.

— Какая?

— Люди должны были сами выбирать, какую историю хотят прожить.

— Именно.

Регина перелистнула страницу.

— А выход…

Она замолчала.

Ян кивнул.

— Должен оставаться открытым.

Женщина долго смотрела на текст.

Потом тихо произнесла:

— Мне никогда не показывали этот документ.

Максим подошёл ближе.

— Регина, вы хотите сказать, что всё это время управляли Карнавалом, не видя первоначального задания?

Она подняла глаза.

— Мне передали готовую систему. Я должна была обеспечить её работу.

Ян усмехнулся.

— Поздравляю. Вы идеальный директор.

Регина резко посмотрела на него.

Он продолжил:

— Вы сделали всё, чтобы программа работала безупречно. Только ни разу не спросили, зачем она вообще нужна.

Женщина опустила глаза.

На этот раз ответить ей было нечего.

Из динамиков раздался голос Сони:

— Центральная, у нас проблема! На главной площади собираются люди!

Максим схватил рацию.

— Сколько?

— Несколько тысяч. И число растёт.

— Что делают?

— Ничего. Стоят и ждут.

— Чего?

Соня помолчала.

— Указаний.

Ян посмотрел на Регину.

Та медленно поднялась.

— Это мой персонал. Я должна выйти к ним.

— Не только персонал, — ответил Максим. — Там гости.

Лика подошла к экрану.

На площади стояли тысячи людей.

Улыбки постепенно исчезали с их лиц.

Некоторые выглядели растерянными.

Другие — испуганными.

Многие просто молчали.

Они привыкли, что программа всегда подсказывает, что делать дальше.

Теперь подсказки исчезали.

— Если мы резко отключим систему, начнётся паника, — произнесла Регина.

Ян кивнул.

— Знаю.

— И что вы предлагаете?

Он задумался.

— Для начала перестать относиться к людям как к массовке.

Соня вывела изображение центральной площади на все экраны Карнавала.

На сцене появился Ян.

Без праздничного костюма.

Без подготовленного текста.

В обычной куртке, с рацией в руке.

Он постоял несколько секунд, рассматривая зал.

Затем поднёс микрофон ко рту.

— Добрый вечер.

Толпа молчала.

— Меня зовут Ян. Возможно, некоторые из вас уже знают, кто я. Сам я, признаться, разобрался с этим только недавно.

По площади прошёл лёгкий смешок.

Ян продолжил:

— Я организатор мероприятий. Всю жизнь занимаюсь тем, что придумываю праздники для других людей.

Он сделал паузу.

— И знаете, за эти годы я понял одну вещь. Хороший праздник не обязан длиться вечно.

На экранах показали лица гостей.

Некоторые внимательно слушали.

Другие переглядывались.

— Иногда праздник должен закончиться. Чтобы человек мог вернуться домой. Поужинать с семьёй. Поругаться из-за немытой посуды. Пойти на работу. Опоздать на встречу. Влюбиться. Разочароваться. Начать что-нибудь заново.

Ян посмотрел в камеру.

— И никто не имеет права решать за вас, что из этого сделает вас счастливее.

За кулисами Регина стояла неподвижно.

Вера держала Лику за руку.

Максим внимательно следил за показателями.

На центральном экране уровень общего счастья продолжал снижаться.

87%.

82%.

76%.

Но Ян больше не смотрел на цифры.

— Сегодня мы не будем заставлять вас уходить. И не будем заставлять оставаться.

Он медленно произнёс:

— Сегодня впервые за много лет у вас появится выбор.

На площади стало шумно.

Один мужчина поднял руку.

Потом другой.

Женщина на первом ряду начала плакать.

Возле фонтана пожилой человек снял праздничный браслет.

Посмотрел на него.

Потом положил на скамейку.

Но большинство людей продолжали стоять.

Не понимая, что делать.

Ян ожидал именно этого.

Он повернулся к Регине.

— Ваша очередь.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Моя?

— Да.

— Что я должна сказать?

— Правду.

Женщина некоторое время молчала.

Потом медленно вышла на сцену.

Взяла второй микрофон.

И впервые за много лет не прочитала заранее подготовленный текст.

— Меня зовут Регина Авдеева.

Она посмотрела на тысячи людей.

— Я руководила Карнавалом. Считала, что моя задача — сделать так, чтобы здесь никто никогда не чувствовал себя несчастным.

Женщина глубоко вдохнула.

— Сегодня я узнала, что первоначально этот город создавался для другого.

По площади прошёл ропот.

— Для того, чтобы каждый мог выбрать собственную историю.

Регина посмотрела в камеру.

— Поэтому с этого момента я отменяю обязательное участие в праздничной программе.

Максим нажал кнопку.

На экранах появилось сообщение:

«УЧАСТИЕ ДОБРОВОЛЬНОЕ»

На несколько секунд всё замерло.

А затем над площадью раздался громкий звук.

Словно кто-то ударил по огромному стеклянному куполу.

— Что это было? — спросила Лика.

Максим посмотрел на монитор.

— Система сопротивляется.

Регина резко повернулась.

— Что значит сопротивляется?!

— Центральный контур не принимает изменения.

На экране вспыхнуло сообщение:

«НАРУШЕНИЕ ИСХОДНОЙ ПРОГРАММЫ»

Следом появилось второе.

«ТРЕБУЕТСЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ЗАКАЗЧИКА»

Ян усмехнулся.

— А вот и он.

Все экраны погасли.

Затем на них появилось лицо Виктора Сергеевича.

Тот сидел в большом кресле.

Позади него виднелась горящая галерея.

— Ян, — произнёс он. — Вы снова торопитесь.

— А вы снова вмешиваетесь в программу.

Мужчина улыбнулся.

— Я пытаюсь сохранить то, что мы создали.

— Мы?

— Вы придумали идею. Я сделал её возможной.

— Вы превратили её в тюрьму.

Виктор Сергеевич покачал головой.

— Я избавил людей от необходимости страдать.

— А заодно от возможности решать.

— Решения причиняют боль.

Ян посмотрел на экран.

— Иногда.

— Люди ошибаются.

— Постоянно.

— Разочаровываются.

— Ещё как.

— И вы хотите вернуть им всё это?

Ян помолчал.

— Я хочу вернуть им право самим решить, стоит ли ради счастья отказываться от собственной жизни.

Виктор Сергеевич перестал улыбаться.

— Вы по-прежнему не понимаете масштаба происходящего.

— Тогда объясните.

— Этот город держится на незавершённых историях. На желаниях. На надеждах. На мечтах, которые люди не решились воплотить.

Он поднялся.

— Если вы просто оборвёте программу, всё это начнёт распадаться.

Ян кивнул.

— Поэтому я и не собираюсь просто её обрывать.

Виктор Сергеевич нахмурился.

— А что вы собираетесь делать?

— Закончить правильно.

Виктор Сергеевич внимательно посмотрел на Яна.

— Красивые слова. И что они означают?

— Что у любого мероприятия должен быть не только вход, но и выход. Причём настоящий. Не декоративный.

— Вы забываете, где находитесь.

— Нет. Как раз начинаю понимать.

Ян повернулся к Максиму.

— Покажи первоначальную схему.

Инженер вывел на соседний монитор старые чертежи.

В центре находилась галерея. От неё расходились многочисленные линии, соединяющие между собой разные районы.

— Вот, — произнёс Ян. — Смотрите. Когда мы создавали проект, галерея была центральным входом. А где выход?

Максим увеличил изображение.

Несколько секунд изучал схему.

Потом нахмурился.

— Здесь.

Он показал на небольшое обозначение в нижней части чертежа.

«ВОЗВРАТ В СОБСТВЕННУЮ ИСТОРИЮ»

Ян кивнул.

— Именно.

Регина подошла ближе.

— Но этого узла нет в современной системе.

— А куда он делся?

Максим быстро пролистал технические документы.

— Его исключили из программы.

— Когда?

Инженер нашёл нужную запись.

— При первой модернизации.

Он поднял глаза.

— Девять лет назад.

На центральном экране Виктор Сергеевич молчал.

Ян посмотрел на него.

— Вы убрали выход.

Мужчина медленно ответил:

— Я убрал то, что мешало людям быть счастливыми.

— А теперь придётся вернуть.

За стенами дворца раздался громкий гул.

Здание слегка содрогнулось.

На технических мониторах появились предупреждения.

Максим быстро переключил несколько экранов.

— Плохо дело.

— Что? — спросил Ян.

— Система начала отключать районы от городской сети.

На карте одна за другой гасли линии.

Сначала Северные мастерские.

Потом Старый вокзал.

Затем часть жилых кварталов.

Регина побледнела.

— Она собирается стереть всё, что не принимает программу.

Ян посмотрел на Виктора Сергеевича.

— Это вы делаете?

Тот молчал.

— Виктор Сергеевич!

Мужчина медленно поднял голову.

— Я предупреждал.

— Значит, да?

— Карнавал должен существовать.

— Даже если ради этого исчезнет город?

Виктор Сергеевич посмотрел куда-то за пределы экрана.

— Город постоянно меняется. Люди приходят и уходят. Здания рушатся. Истории заканчиваются.

Он повернулся к Яну.

— А здесь мы смогли создать нечто постоянное.

Ян неожиданно понял, что именно слышит в его голосе.

Страх.

Не злость.

Не желание власти.

Обычный человеческий страх перед тем, что однажды всё заканчивается.

Он много раз встречал подобных людей.

Заказчиков, которые требовали продлить банкет ещё на час, хотя гости уже разъехались.

Владельцев клубов, не желавших признавать, что их заведение давно перестало приносить прибыль.

Артистов, которые продолжали выходить на сцену, даже когда зал почти опустел.

И самого себя.

Человека, который умел устраивать праздники, но так и не научился спокойно переживать их окончание.

— Вы боитесь остаться один, — произнёс Ян.

Виктор Сергеевич резко посмотрел на него.

— Не говорите глупостей.

Ян не стал спорить.

— Возможно. Но ведь вы могли просто попросить кого-нибудь остаться с вами.

Мужчина ничего не ответил.

Экран погас.

Связь с Варей восстановилась неожиданно.

Сначала из рации донёсся треск.

Потом раздражённый голос:

— Ян! Вы там что творите?!

Он схватил аппарат.

— Работаем. А у вас?

— У нас весь город превращается в праздничную площадку!

— Конкретнее.

— На вокзале открыли сцену. В промышленном районе появились аттракционы. Людям раздают браслеты. А Городская редакция объявила, что все старые маршруты отменяются!

— А Семён Ильич?

— Пытается вывести трамваи. Но пути уходят к Карнавалу.

Ян задумался.

— Варя, помнишь зелёную линию на карте Маячной?

— Конечно.

— Она ещё существует?

— Да.

— А почему?

Варя помолчала.

— Потому что район получил продолжение.

— Отлично. Значит, другие районы тоже могут получить его.

— Ян, у нас нет времени устраивать праздник в каждом квартале!

Он усмехнулся.

— И не надо.

— Тогда что?

— Пусть люди сами решат, куда хотят идти. А ты нарисуй дороги, по которым они смогут это сделать.

Несколько секунд Варя молчала.

Потом тихо произнесла:

— Кажется, я поняла.

На центральном вокзале Женька уже вовсю спорил с сотрудниками редакции.

Двое мужчин в серых плащах пытались закрыть старую диспетчерскую.

Мальчик стоял перед дверью и отказывался отходить.

— У нас приказ! — раздражённо произнёс один из редакторов.

— А у меня ключ! — ответил Женька.

— Какой ключ?

— От двери, которую вы закрываете!

— Мальчик, отойди.

— Не отойду.

За его спиной появился Семён Ильич.

Посмотрел на редакторов.

Потом на Женьку.

— Что происходит?

— Они хотят закрыть диспетчерскую!

Водитель поправил фуражку.

— На каком основании?

— Распоряжение Центрального управления, — ответил редактор.

Семён Ильич протянул руку.

— Покажите.

Мужчина достал документ.

Водитель внимательно прочитал его.

Потом покачал головой.

— Неправильно оформлено.

— Что?!

— Нет согласования с транспортной службой.

— Это городское распоряжение!

— А это городской транспорт.

Семён Ильич вернул бумагу.

— Приносите нормально оформленный документ. Тогда поговорим.

Он открыл дверь диспетчерской.

Посмотрел на Женьку.

— Ну что стоишь? Давай работать.

Через несколько минут по всему городу заработали громкоговорители.

Сначала на вокзалах.

Потом на остановках.

Затем на площадях.

Женька сидел перед старым микрофоном и с невероятной серьёзностью читал сообщение, которое Варя только что передала ему по рации.

— Внимание, жители Города незаконченных историй! В связи с изменением городской программы каждый район получает право самостоятельно определять своё продолжение!

Он сделал паузу.

Посмотрел на Семёна Ильича.

Тот одобрительно кивнул.

Женька продолжил:

— Если вы хотите сохранить свой дом, работу, улицу или вообще что-нибудь построить, приходите в местные диспетчерские и рассказывайте, что собираетесь делать дальше!

Он задумался.

Потом добавил от себя:

— Только конкретно! Потому что у нас времени мало!

Семён Ильич рассмеялся.

— Молодец.

— А что теперь?

Водитель посмотрел на огромную схему путей.

— Теперь будем возить людей туда, куда они сами захотят.

В разных районах города происходили странные вещи.

На Маячной жители собрались возле старой сцены.

Тот самый пожилой строитель, который рассказывал о недостроенном мосте, принёс чертежи и предложил закончить переправу через реку.

В бывшем промышленном районе рабочие решили открыть мастерские, которые редакция собиралась закрыть.

На Старом вокзале группа музыкантов объявила о создании собственного театра.

В районе незавершённого метро люди, много лет жившие в тоннелях, впервые начали обсуждать строительство настоящих домов.

Никто не обещал, что всё обязательно получится.

Но теперь у каждого появлялось хотя бы направление.

И на карте Вари постепенно загорались новые линии.

Зелёные.

Сначала одна.

Потом пять.

Десять.

Двадцать.

Город не становился идеальным.

Он становился живым.

Тем временем в техническом центре Карнавала Максим увидел необычное изменение.

— Ян!

— Что?

— Смотри!

На главном экране красные линии постепенно сменялись зелёными.

Некоторые районы снова подключались к городской сети.

Но центральный узел оставался заблокированным.

— Получается? — спросила Регина.

Максим покачал головой.

— Частично. Люди возвращают своим районам устойчивость. Но Карнавал по-прежнему управляет общей системой.

— Значит, нужно убрать центральное управление, — произнёс Ян.

Инженер посмотрел на него.

— Это не компьютер, который можно просто выключить.

— Я уже понял.

— Все линии сходятся в Галерее потерянного времени.

Нина Дмитриевна, до этого молча изучавшая документы, медленно подняла голову.

— Не совсем.

Все повернулись к ней.

— Они сходятся не в галерее, — продолжила хранительница. — Они сходятся в первой картине.

Ася побледнела.

— В той самой двери?

Нина кивнула.

— Да.

— Но она закрылась, — произнёс Ян.

— Закрылась дверь в прошлое. Не сама картина.

Ян посмотрел на старую фотографию галереи.

— Значит, надо найти её.

Нина медленно покачала головой.

— Найти недостаточно.

— А что ещё?

Хранительница посмотрела ему в глаза.

— Кто-то должен закончить рисунок.

В комнате стало тихо.

Ян посмотрел на Асю.

Она уже поняла.

Он тоже.

Первая дверь была нарисована девять лет назад, но так и не получила настоящего завершения. Вместо того чтобы решить, куда она ведёт, Ян продолжал открывать новые проходы.

Один за другим.

Каждый следующий обещал исправить предыдущую ошибку.

И в конце концов сами двери стали важнее того, ради чего их создавали.

— То есть мне нужно нарисовать выход? — спросил он.

Нина кивнула.

— Не новый мир. Не новое желание. Просто дорогу обратно.

— А почему этого никто раньше не сделал?

— Потому что ни один человек не может закончить чужую историю.

Ян задумался.

— А Виктор Сергеевич?

— Он изменял вашу. Но не мог завершить её.

Ася осторожно подошла ближе.

— Ян, это опасно.

Он кивнул.

— Знаю.

— Ты можешь снова остаться там.

— Возможно.

Она смотрела на него.

Ян хотел сказать, что всё обязательно будет хорошо.

Что они справятся.

Что он непременно вернётся.

Но на этот раз остановился.

— Ася, я не знаю, что произойдёт.

Она опустила глаза.

— Я тоже.

Он осторожно взял её за руку.

— Но если мы вообще ничего не сделаем, Виктор просто заберёт этот город.

Ася несколько секунд молчала.

Потом кивнула.

— Тогда я иду с тобой.

Они вернулись к служебному входу в галерею.

Теперь коридор выглядел иначе.

Дым почти исчез.

Но стены были покрыты тёмными разводами.

На полу лежала пыль.

Некоторые двери отсутствовали.

А там, где ещё недавно висели картины, оставались пустые прямоугольники.

Ян остановился.

— Она исчезает?

Нина кивнула.

— Архив уже частично утрачен.

Лика огляделась.

— Значит, времени совсем мало.

— Да.

Они прошли дальше.

Фокс шёл впереди.

Неуверенно.

Несколько раз останавливался, нюхал пол, возвращался к Яну.

Потом вдруг свернул в боковой коридор.

— Фокс! — позвал Ян.

Пёс остановился.

Обернулся.

И коротко гавкнул.

Ян посмотрел на Нину.

— Там что?

Она нахмурилась.

— Ничего. Старые реставрационные мастерские.

— Значит, проверим.

Они пошли за собакой.

Мастерская оказалась почти пустой.

Несколько старых мольбертов.
Стол.
Шкаф с красками.
Огромное окно, выходившее в белую пустоту.
На стене висела единственная картина.
Небольшая.
В простой деревянной раме.
На ней была изображена дверь.
Та самая.
Только теперь Ян заметил одну деталь.
Возле двери стояли два человека.
Мальчик.
И девочка.
Они держались за руки.
А рядом с ними была нарисована собака.
— Это наш рисунок, — тихо произнесла Ася.
Ян подошёл ближе.
На нижнем краю полотна виднелась надпись.
Неровная.
Детская.
«Здесь можно начать сначала».
Он долго смотрел на неё.
Потом заметил вторую строку.
Совсем маленькую.
Почти стёртую.
«И всегда можно вернуться домой».
Ян почувствовал, как внутри что-то сжалось.
Вот чего не хватало всем последующим версиям.
Не нового мира.
Не бесконечного счастья.

А простого права вернуться.

За спиной раздались шаги.

Ян обернулся.

В дверях стоял Виктор Сергеевич.

На этот раз без привычной улыбки.

Без золотой маски на лацкане.

В обычном тёмном костюме.

Он выглядел значительно старше.

— Нашли, — тихо произнёс он.

Ян медленно повернулся к нему.

— Нашли.

— Значит, теперь всё закончится.

— Не обязательно.

Мужчина посмотрел на него.

— Вы всё ещё надеетесь сохранить город?

— Да.

Виктор Сергеевич усмехнулся.

— Не получится.

— Почему?

— Потому что вы не понимаете, как он устроен.

Ян указал на картину.

— А вы понимаете?

Мужчина помолчал.

Затем медленно подошёл ближе.

— Я много лет поддерживал этот мир. Каждый день. Каждую минуту. Я знал, что если позволить людям уходить, они будут уносить с собой части историй.

— И что?

— Город начнёт меняться.

— Он и так меняется.

— Он может исчезнуть!

Ян посмотрел на него.

— Может.

Виктор Сергеевич замолчал.

Ответ явно оказался не тем, которого он ожидал.

Ян продолжил:

— Любое место однажды может исчезнуть. Клуб. Ресторан. Театр. Даже город.

Он посмотрел на картину.

— Но это не причина запирать внутри людей.

Мужчина медленно опустил глаза.

— А если они больше не вернутся?

Ян некоторое время молчал.

Потом ответил:

— Значит, надо создать такое место, куда им захочется возвращаться самим.

Виктор Сергеевич смотрел на него.

Долго.

Потом неожиданно рассмеялся.

Тихо.

Почти устало.

— Вы действительно ничего не понимаете, Ян.

Он подошёл к окну.

За ним находилась белая пустота.

— Когда я впервые увидел ваш рисунок, мне показалось, что это идеальная идея. Город, в котором человек может стать кем угодно. Где нет необходимости мириться с неудачами.

Он помолчал.

— Я хотел построить место, которое никогда не придётся покидать.

— Почему?

Мужчина повернулся.

— Потому что всё остальное однажды заканчивается.

Ян смотрел на него.

И вдруг понял, что Виктор Сергеевич не стремился уничтожить настоящий мир.

Он просто пытался создать другой.

Где не будет потерь.

Разочарований.

Неудачных решений.

Где каждый день можно начинать заново.

И никогда не придётся признавать, что что-то действительно закончилось.

— Виктор Сергеевич, — тихо произнёс Ян, — знаете, в чём проблема идеального праздника?

Мужчина не ответил.

— В том, что рано или поздно люди перестают замечать, что он вообще происходит.

Виктор Сергеевич подошёл к картине.

Протянул руку.

Но Фокс неожиданно встал между ним и полотном.

Зарычал.

Мужчина остановился.

Посмотрел на собаку.

— Удивительное создание.

Ян осторожно положил руку Фоксу на голову.

— Он вообще хороший специалист по определению сомнительных персонажей.

Виктор Сергеевич усмехнулся.

— Возможно.

Потом посмотрел на Яна.

— Вы хотите закончить рисунок?

— Да.

— Тогда должны понимать, что после этого первоначальная программа прекратит существование.

— Знаю.

— Карнавал изменится.

— Давно пора.

— Некоторые люди уйдут.

— Их право.

Мужчина сделал паузу.

— А вы можете остаться.

В комнате стало тихо.

Ася резко повернулась.

— Что значит остаться?

Виктор Сергеевич посмотрел на картину.

— Каждый выход должен быть открыт с двух сторон. Кто-то должен удерживать его, пока остальные не получат возможность выбирать.

Ян почувствовал холод.

— И этот кто-то — я?

Мужчина кивнул.

— Вы автор.

Ася шагнула вперёд.

— Нет.

Ян посмотрел на неё.

— Подожди.

— Нет, Ян. Мы уже проходили через это.

Она повернулась к Виктору Сергеевичу.

— Вы снова предлагаете ему остаться внутри картины?!

Мужчина ответил спокойно:

— Я объясняю условия.

— Вы их придумали!

— Не все.

Ася посмотрела на Яна.

— Мы найдём другой способ.

Он молчал.

Она крепче сжала его руку.

— Слышишь? Найдём.

Ян посмотрел на девушку.

Ему хотелось верить.

Очень хотелось.

Но за последние дни он слишком много раз видел, как попытки найти ещё одну дверь приводили к появлению новых проблем.

Он вспомнил маленького себя.

Старый двор.

Первую сцену.

Праздник, который не хотелось заканчивать.

И внезапно понял, что всё это время боялся одного и того же.

Что однажды придётся отпустить то, что он создал.

Не потому, что оно плохое.

А потому, что больше не принадлежит только ему.

Он осторожно освободил руку.

— Ася, послушай.

Она покачала головой.

— Нет.

— Я не собираюсь повторять прежнюю ошибку.

— Тогда не оставайся!

— Я не собираюсь запирать тебя здесь ради собственного желания всё исправить.

Ася замолчала.
Ян посмотрел на картину.
— И не собираюсь снова решать за всех остальных.
Нина Дмитриевна подошла ближе.
В руках она держала старую кисть.
Ту самую, которую достала из металлической коробки.
— Ян.
Он повернулся.
Хранительница протянула ему кисть.
— Возможно, вам пригодится.
Ян взял её.
Деревянная ручка была гладкой.
На ней сохранились следы старой краски.
— А чем рисовать?
Нина указала на стол.
Там лежали несколько банок.
Красная.
Синяя.
Жёлтая.
Чёрная.
И одна совершенно пустая.
Ян посмотрел на них.
— А какой цвет нужен?
Хранительница улыбнулась.
— Это уже вам решать.
Он подошёл к картине.
Несколько секунд рассматривал дверь.
Потом обмакнул кисть в краску.
И нарисовал ручку.
Обычную.

Небольшую.
На той стороне двери, где её раньше не было.
Ничего не произошло.
Ян отступил.
Посмотрел на рисунок.
— Ну вот.
Ася подошла ближе.
— Что?
Он усмехнулся.
— В детстве я хотя бы рисовал смелее.
Фокс вдруг поднялся.
Подошёл к картине.
Осторожно ткнулся носом в изображённую ручку.
И она повернулась.
Ян замер.
На картине медленно повернулась медная ручка.
За ней появилась узкая полоска света.
Затем дверь приоткрылась.
Изнутри донёсся шум.
Машины.
Голоса.
Звон трамвая.
Где-то залаяла собака.
Ян подошёл ближе.
За дверью находилась городская улица.
Не праздничная.
Не идеально красивая.
Обычная.

С немного облупившимися фасадами, припаркованными автомобилями, магазином на углу и женщиной, которая ругалась с водителем доставки.

По тротуару шли люди.

Кто-то торопился.

Кто-то разговаривал по телефону.

Кто-то просто стоял возле витрины и выбирал, куда пойти дальше.

Ян смотрел на эту улицу и неожиданно почувствовал облегчение.

Никаких улыбок по расписанию.

Никакой обязательной радости.

Никто не обещал, что завтра обязательно будет лучше.

И именно поэтому происходящее казалось настоящим.

— Это выход? — тихо спросила Ася.

Нина Дмитриевна подошла ближе.

Посмотрела через дверь.

— Один из них.

— А куда он ведёт?

Хранительница улыбнулась.

— Туда, где человек сможет сам решить, что делать дальше.

На центральном пульте Карнавала произошло нечто необычное.

Максим, наблюдавший за системой через оставленный служебный монитор, внезапно увидел, что красные линии начали исчезать.

Но вместо них не появлялись зелёные.

Возникали новые обозначения.

Десятки.

Сотни.

Они расходились от центрального узла во все стороны.

На экране появилась надпись:

«ВОЗВРАТ В СОБСТВЕННУЮ ИСТОРИЮ — ДОСТУПЕН»

Инженер несколько секунд смотрел на неё.

Потом схватил рацию.

— Соня!

— На связи!

— Выведи это на все экраны!

— Что именно?

— Возможность выхода!

— Откуда?!

Максим рассмеялся.

— Отсюда, чёрт возьми! Отсюда!

На главной площади Карнавала люди увидели необычное объявление.

Вместо привычных рекламных роликов на экранах появились карты.

На них были обозначены дороги.

Настоящие.

С указанием направлений.

Некоторые вели в жилые районы города.

Другие — к мастерским, вокзалам и площадям.

Третьи уходили в неизвестные места, где люди могли продолжить собственные истории.

Внизу находилась простая надпись:

«ВЫ МОЖЕТЕ ОСТАТЬСЯ. ВЫ МОЖЕТЕ УЙТИ. РЕШЕНИЕ ПРИНАДЛЕЖИТ ВАМ».

На площади стало тихо.

Затем один человек поднялся.

Потом второй.

Третий.

Некоторые направились к выходам.

Другие остались сидеть.

Кто-то начал искать знакомых.

Кто-то впервые за много лет позвонил домой.

И никто больше не требовал от них улыбаться.

В техническом центре Регина Авдеева стояла возле окна.

Смотрела, как по улицам Карнавала начинают двигаться люди.

Теперь они шли в разные стороны.

Не по заранее рассчитанным маршрутам.

Не вслед за праздничными платформами.

А туда, куда сами хотели.

Максим подошёл к ней.

— Ну что, довольны?

Она долго молчала.

Потом ответила:

— Не знаю.

Инженер усмехнулся.

— Уже неплохо.

Регина повернулась к нему.

— Почему?

— Потому что раньше вы всегда знали, что должны чувствовать.

Женщина посмотрела на площадь.

И впервые за много лет позволила себе не улыбаться.

В Галерее потерянного времени дверь продолжала оставаться открытой.

Но по её краям начали появляться тонкие трещины.

Нина Дмитриевна заметила это первой.

— Ян…

Он повернулся.

— Что?

— Она не удержится.

Трещины становились шире.

Из глубины галереи снова донёсся гул.

Часы начали падать с полок.

За дверью что-то изменилось.

Улица на мгновение стала прозрачной.

Потом снова обрела очертания.

Ян посмотрел на Нину.

— Почему?!

— Переход ещё не закреплён.

— Что значит не закреплён?

Хранительница посмотрела на старую картину.

— Вы нарисовали выход. Но кто-то должен удерживать его с этой стороны, пока связь не станет устойчивой.

Ян замолчал.

Он уже понимал ответ.

И всё-таки спросил:

— А если никто не останется?

Нина медленно произнесла:

— Дверь снова закроется. Не сразу. Но рано или поздно.

Ася подошла к нему.

— Я останусь.

Ян посмотрел на неё.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты уже достаточно времени провела здесь.

— А ты?

Он помолчал.

— Я начал эту историю.

— Мы начали её вместе.

— Да.

Ася смотрела на него.

Потом тихо произнесла:

— Ян, ты опять пытаешься принять решение за нас обоих.

Он замер.

Она была права.

И, возможно, именно поэтому происходящее оказалось значительно сложнее, чем все предыдущие попытки что-нибудь исправить.

Ян медленно опустился на старый деревянный стул.

Посмотрел на картину.

Затем на Асю.

— Хорошо. Давай решать вместе.

Она села рядом.

Некоторое время они молчали.

Вокруг продолжала разрушаться галерея.

Где-то падали часы.

По стенам ползли тёмные трещины.

Но впервые за много лет им не нужно было бежать друг от друга.

Ян рассказал, что думает.

Ася — чего боится.

Они спорили.

Не соглашались.

Пытались найти другой вариант.

И постепенно поняли, что смогут удержать переход только до тех пор, пока кто-то находится по эту сторону.

Но им совершенно не обязательно оставаться здесь навсегда.

Возможно, выход появится позже.

Возможно, придётся искать его самостоятельно.

И никто не мог гарантировать результат.
Ася долго смотрела на Яна.
Потом спросила:
— Ты действительно готов?
Он ответил не сразу.
— Нет.
Она неожиданно улыбнулась.
— Хоть раз честно.
Ян тоже улыбнулся.
— Но попробовать готов.
Нина Дмитриевна подошла к ним.
— Решили?
Ян поднялся.
— Да.
Он посмотрел на Виктора Сергеевича.
Тот стоял возле окна.
Молчал.
— А вы? — спросил Ян.
Мужчина повернулся.
— Что я?
— Останетесь?
Виктор Сергеевич долго смотрел на картину.
Потом медленно произнёс:
— Я не знаю, куда мне идти.
Ян кивнул.
— Значит, пока оставайтесь.
Мужчина удивлённо поднял глаза.
— Вы не собираетесь меня выгонять?
— У меня сегодня вообще день добровольных решений.
Виктор Сергеевич посмотрел на него.

И впервые улыбнулся без привычной холодности.

Ян подошёл к картине.

Осторожно положил ладонь на деревянную раму.

За ней продолжал жить город.

Люди шли по улицам.

Трамваи звенели на перекрёстках.

Где-то начинался дождь.

Фокс подошёл к нему.

Посмотрел на открытую дверь.

Затем на хозяина.

И тихо заскулил.

Ян присел.

Положил руки собаке на шею.

— Слушай, дружище.

Фокс внимательно смотрел ему в глаза.

— Ты сегодня должен пойти с Асей.

Пёс мотнул головой.

Сделал шаг назад.

Потом снова приблизился.

Ян усмехнулся.

— Понимаю. Мне тоже не нравится этот план.

Он осторожно погладил Фокса.

— Но ты ведь умеешь находить дороги, которых остальные не видят?

Собака завиляла хвостом.

— Вот и отлично. Значит, потом найдёшь меня.

Ася опустилась рядом.

Осторожно взяла Фокса за ошейник.

Пёс сначала попытался остаться.

Потом посмотрел на неё.

И неожиданно успокоился.

Ян поднялся.

Посмотрел на Асю.

— Иди.

Она покачала головой.

— Я не прощаюсь.

— И правильно.

— Я найду способ вернуться.

Ян улыбнулся.

— А я пока постараюсь ничего здесь не сломать.

Она обняла его.

Крепко.

Не говоря ни слова.

Потом медленно отпустила.

И шагнула к двери.

Нина Дмитриевна первой прошла через переход.

За ней — Лика.

Потом Ася.

Фокс остановился на пороге.

Обернулся.

Посмотрел на Яна.

Тот поднял руку.

— Давай, дружище.

Пёс коротко гавкнул.

И исчез за дверью.

На мгновение Ян почувствовал такую пустоту, что захотел немедленно побежать следом.

Но остановился.

Впервые за много лет он понимал, зачем остаётся.

И, главное, понимал, что не собирается удерживать рядом с собой тех, кому нужно идти дальше.

Когда дверь закрылась, галерея изменилась.

Огонь перестал распространяться.

Часы замолчали.

Стены постепенно потеряли цвет.

Картины исчезли.

Вместо огромного выставочного пространства перед Яном осталась небольшая комната.

Белые стены.

Деревянный пол.

Окно.

И пустой мольберт.

Ян медленно огляделся.

Виктора Сергеевича рядом больше не было.

Он не знал, куда тот исчез.

Возможно, остался в галерее.

Возможно, нашёл собственную дорогу.

Возможно, снова попытался начать всё сначала.

Ян подошёл к окну.

За ним находился город.

Не тот, который он только что спас.

Совсем другой.

Белые дома без окон.

Пустые улицы.

Незаконченные мосты.

На площади стояла единственная скамейка.

Рядом — фонарь.

И человек.

В тёмном пальто.

С лицом Яна.

Он сидел на скамейке и смотрел прямо на окно.

Затем медленно поднялся.

Помахал рукой.

И улыбнулся.

Ян закрыл глаза.

— Ну конечно.

Он некоторое время стоял неподвижно.

Потом посмотрел на пустой мольберт.

На кисть, которую всё ещё держал в руке.

И вдруг усмехнулся.

— Ладно.

Он подошёл к мольберту.

Поставил на него чистый холст.

Сел на стул.

И впервые за всё время, проведённое между картинами, не стал искать уже существующую дверь.

Вместо этого задумался, какую именно хочет нарисовать.

За окном человек в тёмном пальто продолжал ждать.

А где-то очень далеко, почти на границе слышимости, прозвучали первые ноты баяна.

Знакомая мелодия.

Та самая, которую Ян столько лет пытался вспомнить.

Он поднял голову.

Прислушался.

И неожиданно улыбнулся.

Потому что на этот раз помнил её целиком.

ГЛАВА XI

Человек, который нарисовал выход

— • —

Ян никогда не умел рисовать.

В детстве это обстоятельство его совершенно не беспокоило. Он был убеждён, что отсутствие художественного таланта можно компенсировать фантазией, а если фантазии не хватало — привлечь человека, который умеет держать кисть.

Позже выяснилось, что примерно так устроена вся event-индустрия.

Один придумывает.

Другой рисует.

Третий строит.

Четвёртый объясняет заказчику, почему получилось не совсем то, что было на картинке.

А пятый, обычно Ян, пытается сделать так, чтобы все четверо не переругались до начала мероприятия.

Но сейчас рядом никого не было.

Ни декораторов.

Ни дизайнеров.

Ни технического директора.

Только белый холст, несколько банок с краской и человек, который когда-то пообещал создать идеальный праздник.

Ян сидел перед мольбертом и смотрел на пустую поверхность.

За окном стоял другой Ян.

Старше.

В тёмном пальто.

Он терпеливо ждал возле фонаря.

Время от времени поглядывал на часы, хотя никаких часов у него не было.

Где-то далеко звучал баян.

Ян узнал мелодию.

И впервые за многие годы не пытался вспомнить, откуда её знает.

Он просто слушал.

Несколько минут.

Потом взял кисть.

Обмакнул её в чёрную краску.

И нарисовал дверь.

Кривую.

Слишком узкую.

С ручкой, расположенной на совершенно нелепой высоте.

Ян отступил.

Посмотрел на результат.

— Ну, — произнёс он, — для первого раза вполне прилично.

Ничего не произошло.

Он подождал.

Потом ещё немного.

Постучал по холсту.

Дверь оставалась нарисованной.

— Великолепно.

Ян сел обратно.

— Вызовите мне художника.

Ответом была тишина.

Через некоторое время в окно постучали.

Ян поднял голову.

Старший двойник стоял снаружи.

Теперь совсем близко.

Он приложил ладонь к стеклу.

Ян подошёл и открыл окно.

— Ну что, — произнёс двойник, — получается?

— Прекрасно. Уже нарисовал дверь, осталось убедить её работать.

Мужчина посмотрел на холст.

Усмехнулся.

— Кривая.

— Заказчик не жаловался.

— Она открывается в стену.

Ян обернулся.

Действительно.

Он нарисовал дверь, но совершенно не подумал о том, куда та должна вести.

— Слушай, а ты всегда такой умный?

— С возрастом прошло.

— Что именно?

— Желание доказывать.

Ян посмотрел на него внимательнее.

Старший двойник выглядел лет на двадцать старше.

Седина.

Глубокие морщины.

Тёмные круги под глазами.

И всё та же знакомая привычка слегка наклонять голову во время разговора.

— Ты ведь один из меня? — спросил Ян.

— Один из возможных.

— И давно здесь?

Мужчина задумался.

— Для тебя — несколько дней. Для меня лет двадцать.

Ян присвистнул.

— Серьёзный стаж.

— Не рекомендую.

— А чем занимался?

Двойник посмотрел на пустую улицу.

— Сначала искал выход.

— Потом?

— Потом пытался построить новый.

— И?

Он усмехнулся.

— Потом понял, что на этом можно провести всю жизнь.

Ян некоторое время молчал.

— Так почему не ушёл?

Мужчина посмотрел ему в глаза.

— Потому что всё время ждал, когда ты придёшь.

Ян открыл окно шире.

— Заходи.

Двойник покачал головой.

— Не могу.

— Почему?

— Ты ещё не закончил комнату.

Ян посмотрел на белые стены.

На мольберт.

На деревянный пол.

— А что с ней не так?

— Здесь пока есть место только для одного.

— А если нарисовать второй стул?

Мужчина улыбнулся.

— Попробуй.

Ян взял кисть.

Нарисовал возле окна обычный деревянный стул.

Получилось значительно хуже двери.

Одна ножка была короче остальных, а сиденье напоминало криво поставленную коробку.

Ян повернулся.

В углу комнаты действительно стоял стул.

Настоящий.

Деревянный.

С кривой ножкой.

Он медленно подошёл к нему.

Потрогал.

Потом посмотрел на двойника.

— Работает.

— Конечно.

— Почему же дверь не открылась?

Мужчина показал на холст.

— Потому что стул ты нарисовал для меня.

Ян замолчал.

Двойник продолжил:

— А дверь — для себя.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом Ян отложил кисть.

— И что теперь?

— Теперь решай, зачем тебе выход.

— Чтобы вернуться домой.

— Куда именно?

— В Москву.

Двойник улыбнулся.

— Какую?

Ян раздражённо выдохнул.

— Слушай, ты можешь хоть иногда отвечать нормально?

— Могу. Только сначала ответь сам. Ты хочешь вернуться к своей работе? К заказчикам? К бесконечным звонкам? К мероприятиям, которые давно перестали приносить тебе удовольствие?

Ян молчал.

— Или ты хочешь вернуться к Асе?

— К Асе.

— А если она решит жить по-другому?

Ян поднял глаза.

— В каком смысле?

— Не в твоей квартире. Не по твоим правилам. Не там, где тебе удобно.

Он сделал паузу.

— Ты готов к тому, что она больше не будет частью твоего сценария?

Ян подошёл к окну.

Посмотрел на пустые улицы.

Вспомнил Асю.

Её жёлтые кеды.

Смех.

Сорок лет ожидания внутри картины.

И то, как она несколько часов назад отказалась снова менять прошлое.

— Да, — ответил он.

Двойник внимательно посмотрел на него.

— Уверен?

Ян пожал плечами.

— Нет. Но это ведь не значит, что не стоит попробовать.

Старший Ян неожиданно улыбнулся.

— Вот теперь похоже.

В комнате что-то щёлкнуло.

Ян обернулся.

Нарисованная дверь изменилась.

Теперь рядом с ней появилось небольшое окно.

За окном виднелась городская улица.

Настоящая.

По ней шёл трамвай.

Над дорогой висели провода.

На остановке стояли люди.

Один мужчина спорил с водителем.

Ян усмехнулся.

— Уже лучше.

Двойник посмотрел внутрь.

— Только не торопись.

— Почему?

— Потому что это ещё не твой выход.

— А чей?

Мужчина поднял руку.

И указал на себя.

Ян медленно повернулся к холсту.

Теперь он заметил деталь, которой раньше не было.

На противоположной стороне улицы стоял человек.

Седой.

В тёмном пальто.

Тот самый.

Ян посмотрел на двойника.

Потом на картину.

— То есть я нарисовал твою дорогу?

— Да.

— А ты куда хочешь?

Мужчина задумался.

— Не знаю.

— Как это?

— Двадцать лет я пытался вернуться в чужую жизнь. А теперь впервые появилась возможность придумать собственную.

Ян сел на подоконник.

— И что собираешься делать?

Двойник посмотрел на городской пейзаж.

— Для начала купить нормальное пальто.

Ян рассмеялся.

— Действительно. Это уже выглядит как начало полноценной истории.

Мужчина улыбнулся.

Но потом снова стал серьёзным.

— Ты не представляешь, что сейчас происходит по другую сторону.

— С городом?

— Да.

— Что?

Двойник посмотрел в сторону далёких зданий.

— Карнавал больше не удерживает людей. Но некоторые районы начинают исчезать. Не потому, что их стирает редакция. А потому, что больше никто не знает, зачем они существуют.

Ян нахмурился.

— И что с ними будет?

— Зависит от жителей.

— А с теми, кто ничего не может придумать?
Двойник не ответил.
И Яну это совершенно не понравилось.
Он подошёл к мольберту.
Взял кисть.
Посмотрел на дверь.
— Слушай, а если нарисовать сразу несколько выходов?
— Пробовал.
— И?
— Получается лабиринт.
— А если один большой?
— Получается новая площадь.
— А если вообще убрать стены?
Двойник неожиданно замолчал.
Ян повернулся.
— Что?
— Повтори.
— Если убрать стены?
Мужчина медленно подошёл к окну.
— Именно.
Ян посмотрел на комнату.
Белые стены.
Деревянный пол.
Одинокий мольберт.
Два стула.
И небольшое окно.
Он вдруг понял странную вещь.
Все проходы, которые он создавал раньше, были дверями.
Дверями внутри уже существующих стен.

Он постоянно пытался выбраться из одного пространства в другое.

Но никогда не задавался вопросом, кто вообще построил эти стены.

— А что, если выход не нужен? — тихо произнёс Ян.

Двойник не ответил.

— Что, если нужно просто перестать запирать людей?

Мужчина медленно улыбнулся.

— Вот теперь ты начинаешь понимать.

Ян подошёл к стене.

Провёл по ней ладонью.

Холодная.

Гладкая.

Совершенно настоящая.

Он взял кисть и нарисовал небольшое окно.

Потом ещё одно.

Третье.

За каждым появлялась другая улица.

За первым — старый московский двор.

За вторым — Маячная.

За третьим — центральная площадь Карнавала.

Ян смотрел на них.

Люди жили.

Ходили.

Разговаривали.

Работали.

Ссорились.

Мир продолжал существовать.

И постепенно Ян понял, чего ему не хватало.

Не возможности управлять этими улицами.

А возможности снова стать одним из людей, которые по ним ходят.

Он медленно опустил кисть.

— А ведь я всю жизнь думал, что организатор должен всё контролировать.

Старший Ян усмехнулся.

— И как успехи?

— С переменным результатом.

— Вот именно.

В этот момент за стеной раздался звук.

Тихий.

Почти неразличимый.

Словно кто-то скребся с другой стороны.

Ян насторожился.

Звук повторился.

Потом послышался короткий лай.

Он мгновенно поднял голову.

— Фокс?

Старший Ян тоже прислушался.

Ещё один лай.

Громче.

Ян подошёл к стене.

— Фокс!

С той стороны раздалось радостное поскуливание.

Потом несколько ударов лапой.

Ян рассмеялся.

— Да ты издеваешься!

Он провёл рукой по стене.

Фокс снова залаял.

Совсем близко.

И тогда Ян понял, что собака находится не за очередной дверью.

Не в коридоре.

И даже не внутри другой картины.

Фокс просто нашёл его.

Через границу двух миров.

Ян достал кисть.

Нарисовал на стене маленький круг.

Внутри появился тёмный проём.

Сначала совсем небольшой.

Потом круг медленно расширился.

Из него показался мокрый чёрный нос.

Ян отступил.

— Ну давай, дружище!

Фокс просунул голову.

Потом передние лапы.

Неловко зацепился за край.

И наконец вывалился прямо на деревянный пол.

Ян опустился на колени.

Пёс бросился к нему.

Прыгнул.

Лизнул в лицо.

Завилял хвостом с такой силой, что едва не сбил мольберт.

— Тихо! — рассмеялся Ян. — Тихо, дурень!

Фокс совершенно не собирался успокаиваться.

Он обнюхивал хозяина, скулил, снова пытался прыгнуть и выглядел так, будто хотел подробно высказать всё, что думает о людях, которые уходят неизвестно куда и заставляют собак заниматься поисково-спасательными работами.

Ян обнял его.

Крепко.

И впервые за долгое время почувствовал, что действительно не один.

Через отверстие в стене донёсся голос Аси.

— Ян!

Он резко поднял голову.

— Ася!

— Ты меня слышишь?!

— Да!

— Фокс прошёл?!

Ян рассмеялся.

— Прошёл! Уже всё здесь обнюхал!

На другой стороне кто-то облегчённо выдохнул.

Потом послышался голос Лики:

— Ян, если вы там закончили семейное воссоединение, у нас вообще-то город разваливается!

Ян улыбнулся.

— Лика, как приятно снова услышать твой голос.

— А мне бы хотелось услышать, что ты придумал!

— Работаем!

Он посмотрел на старшего Яна.

Тот стоял у окна.

И тоже улыбался.

— Видишь? — произнёс он. — Тебя нашли.

Ян посмотрел на Фокса.

— Да уж. Этому вообще никакие инструкции не нужны.

Снаружи слышались голоса.

Ася.

Лика.

Нина Дмитриевна.

И ещё кто-то.

Ян прислушался.

— Максим?

— На связи! — раздался голос инженера. — Ян, мы видим новое соединение на карте!

— Какое?

— Между галереей и Центральным районом. Оно появилось само!

Ян посмотрел на Фокса.

Потом на отверстие.

— Не совсем само.

Максим продолжил:

— Но оно нестабильно. Если сейчас не закрепить связь, всё снова закроется.

Ян нахмурился.

— А как закрепить?

— Не знаю!

— Замечательно. Хоть в этом мире технические специалисты остались последовательными.

— Ян!

Он усмехнулся.

— Ладно. Дай мне минуту.

Старший Ян подошёл ближе.

— Ты всё ещё пытаешься решить всё самостоятельно.

— А что предлагаешь?

— Спроси их.

Ян посмотрел на отверстие.

Потом громко произнёс:

— Ася!

— Да!

— Что вы видите с той стороны?

— Стену!

— А вокруг?

— Старую площадь. Часть города уже изменилась. Варя пытается сохранить дороги.

— Отлично. А если я попрошу вас что-нибудь нарисовать?

Некоторое время было тихо.

Затем Ася ответила:

— Что именно?

Ян задумался.

Посмотрел на рисунки.

На окна.

На кривую дверь.

И вдруг понял, что впервые за всю историю их путешествия у него нет готового решения.

А значит, придётся сделать то, что он всю жизнь считал самым сложным в работе.

Довериться другим.

— Нарисуйте то место, куда хотите попасть, — произнёс он.

— Что?!

— Не моё. Своё. Любое место, в котором вы действительно хотите оказаться.

Ася молчала.

Потом тихо спросила:

— А если у нас разные желания?

Ян улыбнулся.

— Значит, будет несколько дорог.

На другой стороне началась работа.

Максим нашёл краски в старой технической мастерской.

Лика принесла рулоны бумаги.

Варя прислала карту городских районов.

Семён Ильич привёз из вокзального архива несколько старых чертежей.

Женька, узнав о происходящем, немедленно заявил, что лично отвечает за центральную площадь.

Ему сказали, что никто его не назначал.

Он ответил, что тогда назначает себя сам.

И приступил к работе.

Варя рисовала новые дороги.

Лика — небольшую площадь с библиотекой.

Вера — книжный магазин, в котором можно было не только покупать книги, но и просто сидеть, пить чай и разговаривать.

Семён Ильич нарисовал трамвайную остановку.

Затем долго рассматривал её.

И добавил скамейку.

— А то у нас люди всё время стоят, — объяснил он.

Женька нарисовал огромный парк.

С деревьями.

Велосипедными дорожками.

И небольшим прудом.

Потом добавил футбольное поле.

Потом ещё одно.

Потом задумался.

И нарисовал собственный дом.

С большим окном.

И комнатой, в которой помещался бы настоящий письменный стол для карт.

Находясь по другую сторону стены, Ян не видел всей работы.

Но чувствовал её.

Комната постепенно менялась.

Белые стены теряли свою пустоту.

За окнами появлялись улицы.

На горизонте возникали дома.

Где-то начинал звенеть трамвай.

Где-то слышался детский смех.

А однажды через маленькое отверстие донёсся запах свежего хлеба.

Ян замер.

Улыбнулся.

— Тётя Рая?

С другой стороны послышался знакомый голос:

— А кому ещё хлеб печь, пока вы там ерундой занимаетесь?!

Ян рассмеялся.

— Вот теперь точно всё получится.

Но затем произошло то, чего никто не ожидал.

Все окна одновременно потемнели.

Сначала одно.

Потом другое.

Третье.

Звук трамвая оборвался.

Фокс поднял голову.

Зарычал.

Старший Ян резко повернулся к улице.

— Он пришёл.

— Кто?

Мужчина не ответил.

За окном появились люди.

Много.

Они шли по пустой площади.

Медленно.

Молча.

Одинаковыми шагами.

На каждом было праздничное платье или костюм.

Все улыбались.

Впереди шёл человек в тёмном пальто.

С лицом Яна.

Но значительно моложе того, который стоял рядом.

Это был тот самый двойник.

Тот, который пытался занять его место.

Ян почувствовал, как внутри всё сжалось.

— А вот и наша проблемная версия.

Старший Ян покачал головой.

— Он не один.

Двойник остановился посреди площади.

Поднял голову.

Посмотрел прямо в окно.

И улыбнулся.

— Ну что, Ян, — произнёс он. — Доигрался?

Ян открыл окно.

— Слушай, а у нас вообще когда-нибудь получится встретиться без угроз и разрушений?

Молодой двойник поднял голову.

— Ты всё ещё шутишь.

— Работа такая.

— Посмотри, что ты сделал.

Он развёл руками.

За его спиной стояли десятки людей.

Они медленно перестали улыбаться.

Теперь Ян видел, что некоторые из них похожи на него.

Не обязательно лицом.

Кто-то двигался так же.

Кто-то держал руки в карманах.

Кто-то имел привычку чуть приподнимать бровь перед ответом.

Но среди них были и совершенно незнакомые люди.

Женщины.

Мужчины.

Молодые.

Пожилые.

Каждый выглядел так, словно давно собирался что-то сказать, но ему постоянно не давали возможности.

— Кто они? — спросил Ян.

Двойник посмотрел на толпу.

— Те, кто остался.

— Где?

— Между историями.

Молодой Ян сделал шаг вперёд.

— Ты открыл двери для жителей Карнавала. Для людей из города. Даже для тех, кто сам ещё не решил, куда хочет идти.

Он указал на старшего двойника.

— А что будет с нами?

Ян молчал.

— Мы тоже хотим жить.

Старший Ян подошёл к окну.

Некоторое время смотрел на людей.

Потом произнёс:

— Он прав.

Ян повернулся.

— В чём?

— Ты предложил выход всем. Кроме тех, кого считаешь своими ошибками.

Молодой двойник усмехнулся.

— Именно.

Ян посмотрел на него.

— Подожди. Ты пытался занять моё место.

— Да.

— Угрожал Асе.

— Да.

— Чуть не разрушил половину галереи.

— Не без твоей помощи.

— И теперь хочешь, чтобы я просто открыл тебе дверь?

Двойник некоторое время молчал.

Потом ответил:

— Я хочу, чтобы ты хотя бы один раз спросил, чего хочу я.

Ян закрыл глаза.

Вот ведь.

Вся история снова возвращалась к одному и тому же.

Он постоянно решал.

За Асю.

За собственные воспоминания.

За людей, которых не знал.

За двойников, которых не считал настоящими.

Даже за Фокса, которого то и дело отправлял куда-нибудь, не спросив, собирается ли собака вообще участвовать в его приключениях.

Ян посмотрел на пса.

Тот сидел возле окна.

И явно ожидал, чем закончится разговор.

— Хорошо, — произнёс Ян. — Чего ты хочешь?

Двойник замер.

Кажется, такого вопроса он не ожидал.

— Я…

Он посмотрел на окружающих.

Потом снова на Яна.

— Я хочу выйти.

— Куда?

— В настоящий мир.

— Зачем?

— Чтобы жить.

Ян помолчал.

— Моей жизнью?

Двойник отвёл глаза.

Некоторое время они молчали.

Потом тот ответил:

— Я другой не знаю.

Эта фраза оказалась неожиданно неприятной.

Ян посмотрел на мужчину.

На его собственное лицо.

На усталые глаза.

На привычную насмешливую улыбку.

И впервые задумался, что за прошедшие годы этот человек действительно мог прожить целую жизнь.

Свою.

Со страхами.

С ошибками.

С надеждами.

Только всё это время ему внушали, что жизнь его ненастоящая.

Что настоящий Ян находится где-то снаружи.

Работает.

Разговаривает.

Встречается с друзьями.

А он всего лишь неудачный вариант.

Черновик.

То, что можно стереть, если не понравится результат.

— Слушай, — произнёс Ян. — А ты вообще кем хотел стать?

Двойник нахмурился.

— В смысле?

— Ну, если не мной.

Он задумался.

— Не знаю.

— А что тебе нравится?

— Что?

— Музыка? Машины? Живопись? Может, ты хочешь открыть собственный ресторан?

Двойник смотрел на него так, словно Ян окончательно сошёл с ума.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— Мы сейчас стоим посреди распадающегося мира, а ты спрашиваешь о моих увлечениях?

Ян пожал плечами.

— Самое подходящее время. Пока жизнь ещё можно начать с чего-нибудь другого.

Старший двойник неожиданно рассмеялся.

Молодой резко повернулся.

— Чего смешного?

— Ничего.

— Тогда почему смеёшься?

— Потому что двадцать лет назад я задал ему почти тот же вопрос.

Ян посмотрел на старшего себя.

— И что ответил?

Мужчина улыбнулся.

— Сказал, что хочу вернуться домой.

— А теперь?

Он посмотрел на нарисованную улицу.

— Теперь хочу попробовать жить самостоятельно.

Молодой двойник молчал.

Старший продолжил:

— Ты можешь сколько угодно пытаться стать им. Только однажды всё равно придётся решить, что делать утром, когда никто не будет говорить тебе, каким должен быть настоящий Ян.

Ян усмехнулся.

— Например, сходить за хлебом.

Старший кивнул.

— Для начала вполне достаточно.

За окном послышался громкий треск.

Площадь начала меняться.

Здания потеряли чёткость.

Некоторые окна исчезли.

Фонари погасли.

Из отверстия в стене донёсся голос Максима:

— Ян! У нас падает стабильность перехода!

Он повернулся.

— Насколько?

— До критического уровня!

— Конкретнее!

— Ещё несколько минут, и соединение закроется!

Ян посмотрел на старшего двойника.

Тот кивнул на кисть.

— Пора.

— Что делать?

— Закончить работу.

Ян подошёл к мольберту.

На холсте по-прежнему находилась кривая дверь.

Он посмотрел на неё.

Затем на отверстие в стене.

На Фокса.

На людей снаружи.

И вдруг понял, что в предыдущих попытках совершал одну и ту же ошибку.

Пытался создать выход, который будет зависеть от него самого.

От его присутствия.

От его решений.

От его способности удерживать нарисованный мир.

Но невозможно всю жизнь стоять возле одной двери, открывая её для всех желающих.

Рано или поздно нужно позволить другим пользоваться ею самостоятельно.

Ян взял кисть.

Подошёл к холсту.

И медленно зачеркнул своё имя в нижнем углу.

Ничего не произошло.

Он подождал.

Потом посмотрел на старшего двойника.

— И?

Тот пожал плечами.

— Откуда мне знать?

— Прекрасно. Очень профессиональная консультация.
Ян снова взглянул на холст.
Под зачёркнутым именем была небольшая надпись:
«АВТОР»
Он задумался.
Потом взял чёрную краску.
И дописал рядом:
«НЕ ЕДИНСТВЕННЫЙ»
В этот момент пол под ногами слегка дрогнул.
На стене появилось ещё одно окно.
За ним виднелась Маячная.
Люди стояли возле старой сцены.
Варя держала огромную карту.
Женька что-то оживлённо объяснял Семёну Ильичу.
Ян улыбнулся.
— Ну вот.
Он повернулся к двойникам.
— Теперь каждый должен закончить свою часть.
Старший Ян первым подошёл к холсту.
Взял кисть.
Некоторое время смотрел на краски.
Потом нарисовал небольшую дорогу.
Она уходила от двери в сторону улицы, которую Ян уже создал.
На её конце стоял дом.
Обычный.
Двухэтажный.
С маленьким садом.
Ян посмотрел на него.
— Это что?

— Не знаю, — ответил старший двойник. — Наверное, место, где я хотел бы пожить.

— А чем заниматься?

— Посмотрю.

Он улыбнулся.

— Времени теперь достаточно.

Ян кивнул.

Молодой двойник стоял неподвижно.

— А ты? — спросил он.

Тот посмотрел на кисть.

Потом на людей, ожидавших позади.

— Я не умею рисовать.

— Я тоже.

— И что?

Ян усмехнулся.

— Как видишь, это никого не остановило.

Молодой двойник медленно подошёл ближе.

Взял кисть.

Посмотрел на чистое пространство рядом с дверью.

И нарисовал маленькую сцену.

Без зрителей.

Без ведущих.

Без огромных экранов.

Просто деревянную площадку.

С одним прожектором.

Ян удивился.

— Это что?

Двойник пожал плечами.

— Хочу попробовать выступать.

— Ты?

— А что?

Ян улыбнулся.

— Ничего. Главное, чтобы райдер был нормальный.

Впервые молодой двойник рассмеялся по-настоящему.

Не насмешливо.

Не зло.

А как обычный человек, которому неожиданно позволили придумать что-нибудь собственное.

Площадь за окном начала восстанавливаться.

На месте пустых фасадов появлялись новые здания.

Дороги соединялись.

В окнах загорался свет.

Люди, стоявшие позади двойников, постепенно расходились в разные стороны.

Некоторые направлялись к домам.

Другие — к улицам, которые только начинали появляться.

Кто-то оставался на площади.

Но теперь никто не был обязан ждать решения Яна.

Он смотрел на происходящее.

И испытывал странное чувство.

Не радость.

Не облегчение.

Скорее то состояние, которое возникает после окончания большого мероприятия.

Когда гости разъехались.

Оборудование почти разобрано.

И наконец можно перестать контролировать каждую мелочь.

Впервые за много лет Ян понял, что ему действительно этого не хватало.

Возможности закончить работу.

И уйти домой.

Из отверстия в стене донёсся голос Аси.

— Ян!

Он обернулся.

— Да!

— Посмотри на стену!

Ян подошёл ближе.

Небольшой круг, через который пробрался Фокс, постепенно увеличивался.

Края становились ровнее.

Появилась деревянная рама.

Потом ручка.

Через несколько секунд перед ним находилась полноценная дверь.

На другой стороне стояла Ася.

Рядом — Лика.

Чуть дальше виднелись Варя, Женька и Семён Ильич.

Ян смотрел на них.

Улыбался.

Но не двигался.

Ася нахмурилась.

— Что такое?

Он медленно опустил глаза.

На полу возле мольберта лежала старая кисть.

Та самая, с которой всё началось.

И он вдруг почувствовал знакомое сопротивление.

Не физическое.

Будто сама комната продолжала удерживать его.

Он сделал шаг к двери.

Воздух стал плотным.

Перед ним возникла невидимая преграда.

Ян протянул руку.

Пальцы остановились.

Ася побледнела.

— Нет…

Он попробовал ещё раз.

Ничего.

Старший двойник подошёл ближе.

Посмотрел на дверь.

Потом на Яна.

— Ты всё ещё считаешь себя ответственным за этот мир.

Ян повернулся.

— А разве нет?

— Ты помог его создать.

— И?

— Но это не значит, что теперь он должен принадлежать тебе.

Ян медленно посмотрел на холст.

На собственную подпись.

На слова, которые только что дописал.

«НЕ ЕДИНСТВЕННЫЙ»

Он понял.

Написать было недостаточно.

Нужно действительно согласиться.

Отказаться от возможности всё исправлять.

От привычки быть человеком, без которого ничего не работает.

От уверенности, что стоит ему уйти — и всё обязательно развалится.

Он посмотрел на Асю.

Потом на Фокса.

На людей по другую сторону двери.

И наконец на собственный рисунок.

— Хорошо, — тихо произнёс Ян.

Он подошёл к мольберту.

Осторожно снял холст.

Поставил его возле окна.

— Дальше сами.

Комната вздрогнула.

Где-то за стеной раздался громкий звук.

Словно открылась огромная металлическая дверь.

Ян снова подошёл к выходу.

Протянул руку.

На этот раз никакой преграды не было.

Он почувствовал прохладный воздух.

Услышал шум улицы.

И сделал шаг.

Фокс немедленно бросился вперёд.

Протиснулся мимо него.

Потом обернулся.

Посмотрел на хозяина так, словно хотел убедиться, что тот окончательно перестал заниматься глупостями.

Ян рассмеялся.

— Да иду я!

И шагнул через порог.

Ася обняла его.

Так крепко, что Ян едва удержался на ногах.

— Ты вернулся.

Он осторожно обнял её в ответ.

— Вроде бы.

Она отстранилась.

Посмотрела ему в глаза.

— Больше никаких дверей без меня.

Ян улыбнулся.

— Договорились.

Фокс прыгал рядом.

Женька громко рассказывал, как лично помогал создавать новую городскую карту.

Семён Ильич пытался объяснить ему, что нарисовать остановку и организовать движение трамваев — немного разные вещи.

Варя держала в руках огромный лист.

На нём появился новый район.

Небольшой.

С несколькими улицами.

Парком.

Театром.

И двумя дорогами, уходящими за пределы карты.

— Смотри, — сказала она Яну.

Он подошёл.

— Это что?

— Новый район.

— Название есть?

Варя покачала головой.

— Пока нет.

Женька поднял руку.

— Я придумал!

— Только не опять, — вздохнула Варя.

— Район свободных историй!

Ян задумался.

Потом кивнул.

— А неплохо.

Мальчик расплылся в улыбке.

— Правда?

— Правда.

Он посмотрел на новую карту.

— Главное, чтобы люди сами решили, как его назвать.

На центральной площади Карнавала тем временем происходило нечто совершенно непривычное.

Впервые за много лет программа закончилась вовремя.

Музыка стихла.

Прожекторы погасли.

Артисты ушли со сцены.

Зрители постепенно разошлись.

Некоторые отправились домой.

Другие остались в гостиницах.

Кто-то сидел возле фонтанов и просто разговаривал.

Регина Авдеева стояла на пустой сцене.

Рядом находился Максим.

Он держал рацию и проверял последние отключения.

— Всё, — произнёс инженер.

Регина посмотрела на него.

— Что всё?

— Закончили.

Она медленно оглядела площадь.

— И что теперь?

Максим пожал плечами.

— Завтра посмотрим.

Женщина долго молчала.

Затем неожиданно улыбнулась.

— А ведь я совершенно не знаю, что делать завтра.

Инженер усмехнулся.

— Поздравляю. Теперь у вас нормальная работа.

Поздним вечером Ян и Ася сидели на скамейке возле старого вокзала.

Фокс лежал у их ног.

Город постепенно погружался в ночь.

В окнах горел свет.

По улицам ходили люди.

Где-то работало кафе.

На соседней площади музыканты репетировали новый концерт.

Никто не заставлял их играть.

Они просто хотели.

Ян смотрел на происходящее и чувствовал странное спокойствие.

— Знаешь, — произнёс он, — я всю жизнь думал, что главное — придумать что-нибудь невероятное.

Ася посмотрела на него.

— А теперь?

Он пожал плечами.

— Теперь думаю, что иногда гораздо сложнее сделать что-нибудь обычное.

Она улыбнулась.

— Например?

— Вернуться домой.

Ася опустила глаза.

Некоторое время молчала.

Потом спросила:

— Ты действительно хочешь вернуться?

Ян посмотрел на неё.

— Конечно.

— В Москву?

— Да.

Она задумалась.

— А что будет со мной?

Ян улыбнулся.

— А что ты сама хочешь?

Ася долго смотрела на него.

Потом неожиданно рассмеялась.

— Ты действительно изменился.

— Старею.

— Нет.

Она взяла его за руку.

— Начал слушать.

Фокс внезапно поднял голову.

Насторожился.

Посмотрел в сторону старого переулка.

Ян заметил это.

— Что там?

Пёс встал.

Понюхал воздух.

И уверенно направился к небольшой улице, уходившей за вокзал.

Ася улыбнулась.

— Кажется, он снова что-то нашёл.

Ян тяжело вздохнул.

— Ну конечно.

Они поднялись.

Пошли следом.

В конце переулка стояла телефонная будка.

Старая.

Советская.

С облупившейся красной краской.

На крыше — маленькая лампочка.
Внутри находился телефон.
Фокс остановился рядом.
Сел.
И посмотрел на Яна.
Тот подошёл ближе.
На стекле была приклеена бумажка.
Написанная знакомым почерком.
«ПОЗВОНИ ДОМОЙ».
Ян медленно открыл дверь будки.
Снял трубку.
Услышал гудок.
Обычный.
Настоящий.
Он вспомнил номер.
Тот самый, по которому когда-то звонил домой.
Набрал.
Несколько секунд ничего не происходило.
Потом раздались длинные гудки.
Один.
Второй.
Третий.
И наконец знакомый мужской голос:
— Алло?
Ян замер.
Он узнал этот голос.
Игорь.
— Алло! — повторил тот. — Кто это?
Ян почувствовал, как пересохло во рту.
— Игорь?

— Ян?!

На другом конце послышался шум.

Потом раздражённый возглас:

— Ты где, мать твою, пропал?!

Ян закрыл глаза.

Улыбнулся.

Впервые за долгое время этот голос показался ему удивительно приятным.

— Долго рассказывать.

— Ты вообще нормальный?! Тебя несколько дней найти не могут!

— Я знаю.

— Где ты?!

Ян посмотрел на Асю.

На Фокса.

На старый город.

На фонари, освещавшие пустой переулок.

И медленно произнёс:

— Игорь, скажи мне одну вещь.

— Какую ещё?!

— В Москве сейчас дождь идёт?

На другом конце несколько секунд молчали.

— Да, — наконец ответил Игорь. — А что?

Ян посмотрел на небо.

Над ним начали собираться облака.

Первые капли упали на стекло телефонной будки.

Он улыбнулся.

— Значит, скоро буду.

На другой стороне города, в небольшой мастерской, старший Ян стоял перед открытым окном.

Рядом находился молодой мужчина.

Тот самый двойник, который ещё недавно пытался занять чужую жизнь.

Они молчали.

Смотрели, как загораются огни нового района.

Наконец молодой произнёс:

— Как думаешь, у нас получится?

Старший пожал плечами.

— Не знаю.

— А если нет?

Он улыбнулся.

— Попробуем ещё раз.

Молодой посмотрел на пустую сцену, которую недавно нарисовал.

Потом на улицу.

И впервые за много лет не почувствовал желания оказаться на месте другого человека.

Ян положил трубку.

Вышел из будки.

Ася стояла рядом.

— Ну что? — спросила она.

Он улыбнулся.

— Кажется, дорога появилась.

Она посмотрела в сторону переулка.

Там, где ещё несколько минут назад находилась кирпичная стена, теперь виднелась обычная московская улица.

Машины.

Фонари.

Мокрый асфальт.

За углом светилась вывеска круглосуточного магазина.

Ян медленно взял Асю за руку.
Посмотрел на Фокса.
— Ну что, домой?
Пёс радостно завилял хвостом.
Они пошли вперёд.
И в этот момент где-то за спиной прозвучала мелодия баяна.
Та самая.
Давно забытая.
Знакомая до последней ноты.
Ян остановился.
Обернулся.
На другой стороне переулка стоял пожилой мужчина.
В старой кепке.
С баяном.
Дядя Паша.
Он улыбнулся.
Кивнул.
И негромко произнёс:
— Ну вот, парень. Теперь можно и домой.
Ян хотел что-то ответить.
Но старик уже повернулся.
Пошёл по улице.
И постепенно растворился в вечернем тумане.
Ася крепче сжала руку Яна.
Фокс коротко гавкнул.
И они продолжили путь.

ГЛАВА XII

Никто не исчезает навсегда

— • —

В Москве шёл дождь.

Обычный московский дождь, который начинался с нескольких безобидных капель, а через пять минут превращался в полноценное стихийное бедствие, заставлявшее людей искать укрытие под остановками, козырьками магазинов и случайными деревьями.

Ян стоял посреди тротуара и улыбался.

Рядом находилась Ася.

Фокс с явным удовольствием обнюхивал мокрый асфальт, периодически останавливаясь возле каждого столба, урны и автомобильного колеса.

За спиной остался переулок.

Самый обыкновенный.

С кирпичной стеной, водосточной трубой и небольшой рекламной вывеской.

Никакой двери.

Никакой картины.

Никакого прохода в Город незаконченных историй.

Ян несколько раз оглянулся.

Потом потрогал стену.

Холодная.

Мокрая.

Совершенно настоящая.

— Ну что? — спросила Ася.

— Ничего.

— Что ищешь?

— Да так. Хотел проверить, не остался ли у нас служебный вход.

Она улыбнулась.

— И?

— Демонтировали без согласования.

Ася рассмеялась.

Ян повернулся к ней.

Несколько секунд просто смотрел.

На мокрые волосы.

На светлое пальто.

На лицо, которое впервые за столько лет освещал не нарисованный фонарь, а настоящий свет уличной рекламы.

Он протянул руку.

Осторожно коснулся её щеки.

Ася удивлённо посмотрела на него.

— Что?

— Проверяю.

— Что именно?

— Не исчезнешь?

Она взяла его ладонь.

— А ты?

Ян задумался.

— Постараюсь больше не практиковать.

Телефон зазвонил почти сразу.

Игорь.

Ян посмотрел на экран.

Потом на Асю.

— Сейчас начнётся.

Он ответил.

— Да.

— ТЫ ГДЕ?!

Ян поморщился.

— Игорь, не ори. Я и так тебя прекрасно слышу.

— Я тебе сейчас устрою «не ори»! Ты несколько дней пропадал! Телефон не отвечал! Машина стоит непонятно где! Я уже думал в полицию ехать!

— А чего не поехал?

На другом конце повисла пауза.

— Потому что я тебя знаю, придурок! Ты мог уехать на какой-нибудь фестиваль, забыть зарядку, потерять телефон и потом ещё рассказывать, что всё было по работе!

Ян усмехнулся.

— Логично.

— Где ты сейчас?!

Ян посмотрел на ближайший дом.

Продиктовал адрес.

— Приедешь?

— Уже еду.

— А откуда ты знаешь, где я?

— Ты же мне адрес назвал!

— Точно.

Игорь выругался.

— Ян, только никуда больше не исчезай.

— Договорились.

Связь оборвалась.

Ян убрал телефон.

Ася смотрела на него с улыбкой.

— Твой друг?

— Да.

— Он всегда такой?

— Нет. Обычно хуже.

Они укрылись от дождя в небольшом круглосуточном кафе.

За стойкой стоял молодой бариста.

Уставший.

С телефоном в руке.

Из динамиков играла какая-то совершенно безликая музыка.

В углу сидела девушка с ноутбуком.

Возле окна двое мужчин обсуждали стоимость ремонта автомобиля.

Всё было удивительно обыкновенным.

Ян поймал себя на мысли, что с удовольствием рассматривает каждую мелочь.

Объявление о бесплатном интернете.

Потрёпанное меню.

Криво приклеенную наклейку на кассе.

Даже табличка «ТУАЛЕТ ТОЛЬКО ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ» показалась ему почти родной.

— Что будете? — спросил бариста.

— Два кофе.

Ася осторожно посмотрела на меню.

— А можно какао?

Ян улыбнулся.

— Конечно.

— И вот это.

Она показала на витрину.

— Круассан?

— Да.

— Один?

Ася задумалась.

— Два.

Ян посмотрел на бариста.

— Два круассана. И ещё воды.

Потом перевёл взгляд на Фокса.

— Для заместителя.

Бариста удивлённо посмотрел на собаку.

— У нас с животными вообще-то…

Ян уже собирался начать привычный разговор, но парень посмотрел на мокрого Фокса и махнул рукой.

— Ладно. Только пусть не бегает.

— Он сегодня заслужил выходной.

Они устроились у окна.

Ася осторожно держала чашку двумя руками.

Несколько минут молчала.

Смотрела на людей.

На машины.

На отражения фар в лужах.

Потом тихо спросила:

— Здесь всё так изменилось?

Ян посмотрел на неё.

— За девять лет?

Она кивнула.

Он задумался.

— Не так сильно, как кажется.

— Машины другие.

— Некоторые.

— Телефоны.

— Очень.

— А люди?

Ян посмотрел на мужчину возле стойки, который раздражённо объяснял кому-то по телефону, что не собирается платить за чужую ошибку.

Потом на девушку с ноутбуком.

На бариста.

На двух спорящих автомобилистов.

— Люди примерно те же.

Ася улыбнулась.

Но улыбка быстро исчезла.

— Ян, а что мне теперь делать?

Он хотел ответить сразу.

Сказать, что всё организует.

Найдёт квартиру.

Решит вопросы с документами.

Поможет разобраться с работой.

Сделает так, чтобы она ни о чём не беспокоилась.

Это было бы очень похоже на него.

И совершенно не похоже на то, чему он научился за последние дни.

Поэтому Ян немного подумал.

— А чего ты хочешь?

Ася посмотрела на него.

Вопрос явно оказался неожиданным.

Она задумалась.

Потом улыбнулась.

— Для начала допить какао.

Ян кивнул.

— Отличный план.

Игорь приехал через двадцать минут.

Влетел в кафе.
Огляделся.
Увидел Яна.
И остановился.
Несколько секунд смотрел на него.
Потом подошёл.
— Ну здравствуй.
— Привет.
— Живой?
— Вроде бы.
— Целый?
— Почти.
Игорь закрыл глаза.
— Я тебя сейчас сам добью.
Он обнял Яна.
Крепко.
Совершенно неожиданно.
Потом отстранился.
Посмотрел на Асю.
На Фокса.
Снова на Яна.
— А это кто?
Ян улыбнулся.
— Познакомься. Ася.
Игорь протянул руку.
— Игорь.
— Очень приятно.
Он снова повернулся к Яну.
— Подожди.
Тот вздохнул.

— Что?

— Ася?

— Да.

Игорь нахмурился.

— Та самая?

Ян кивнул.

Несколько секунд Игорь молчал.

Потом медленно сел.

Посмотрел на девушку.

На Яна.

И произнёс:

— Нет, ну вы издеваетесь.

Ася рассмеялась.

— Почему?

Игорь посмотрел на неё.

— Потому что он мне много лет рассказывал какую-то совершенно невероятную историю. Про старую галерею, странных людей и девушку, которую невозможно найти.

Он повернулся к Яну.

— А я ему говорил, что надо меньше работать и больше спать.

Ян усмехнулся.

— Ну, насчёт сна ты был прав.

— А теперь она сидит здесь?!

— Как видишь.

Игорь некоторое время молчал.

Затем позвал бариста.

— Мне двойной эспрессо.

Подумал.

— Нет. Тройной.

Дома Ян первым делом включил свет.

Потом поставил сумку возле двери.

Посмотрел на квартиру.

Всё оставалось на прежних местах.

Куртка висела в прихожей.

На столе лежали документы.

Ноутбук стоял раскрытым.

На экране светилась незаконченная смета.

В углу кухни мигала лампочка кофемашины.

Ян подошёл ближе.

Прочитал сообщение:

«ОЧИСТИТЕ КОНТЕЙНЕР ДЛЯ ОТХОДОВ»

Он засмеялся.

Ася удивлённо посмотрела на него.

— Что случилось?

— Ничего. Просто приятно знать, что хоть некоторые вещи в мире не меняются.

Фокс прошёл по квартире.

Обнюхал свои привычные места.

Заглянул под диван.

Проверил миску.

Затем направился к любимому коврику и улёгся с таким выражением, будто никаких волшебных городов, загадочных двойников и бесконечных Карнавалов никогда не существовало.

Ян посмотрел на него.

— Вот ведь счастливый человек.

Ася подняла брови.

— Человек?

— Ну, ты поняла.

Вечером они долго сидели на кухне.

Не строили планов.

Не обсуждали Карнавал.

Не пытались разобраться во всём, что произошло.

Просто разговаривали.

Ася рассказывала, какие книги любила когда-то читать.

Ян — как менялась Москва.

Они вспоминали старые дворы.

Людей.

Места.

Иногда смеялись.

Иногда замолкали.

И постепенно Ян начал замечать, насколько мало на самом деле знает об Асе.

Он помнил её из прошлого.

Помнил девочку, с которой когда-то придумывал праздники.

Помнил девушку, которую потерял.

Но теперь перед ним сидела совершенно другая женщина.

С собственными воспоминаниями.

Со своими взглядами.

С годами жизни, которых он не видел.

Она не была частью его детства.

Не была наградой за пережитые приключения.

Не была человеком, которого достаточно однажды спасти, чтобы дальше всё обязательно сложилось хорошо.

Ян вдруг понял, что им предстоит познакомиться заново.

И неожиданно эта мысль ему понравилась.

— Ян, — спросила Ася, — а ты счастлив?

Он задумался.

Раньше ответил бы какой-нибудь шуткой.

Про деньги.

Про работу.

Про клиентов.

Про то, что счастье — это когда заказчик согласовал смету без правок.

Но сейчас шутить не хотелось.

Ян посмотрел на неё.

Потом на Фокса, который спал возле дивана.

На дождь за окном.

На чашки с недопитым чаем.

— Сейчас да.

Ася улыбнулась.

— А завтра?

Он пожал плечами.

— Посмотрим.

Она рассмеялась.

— Странный ответ.

— Зато честный.

Ночью Ян проснулся от тишины.

Не от телефонного звонка.

Не от музыки.

Не от загадочных шагов за стеной.

Просто открыл глаза.

На часах было 03:16.

Он сел на кровати.

Несколько секунд смотрел на цифры.

Потом медленно перевёл взгляд на окно.

За стеклом находился обычный московский двор.

Фонарь.

Скамейка.

Припаркованные автомобили.

Ветер раскачивал ветки дерева.

Ян посмотрел на часы.

03:17.

Ничего не произошло.

Никаких остановившихся стрелок.

Никаких исчезнувших стен.

Никакого загадочного голоса.

Только с улицы донёсся шум проехавшей машины.

Ян медленно выдохнул.

Потом улыбнулся.

Впервые за много лет три часа семнадцать минут оказались просто временем.

Он лёг обратно.

И уснул.

Утром началась обычная жизнь.

И, как быстро выяснилось, она была устроена значительно сложнее любого волшебного мира.

В девять позвонил Кирилл из монтажной бригады.

В девять пятнадцать — заказчик.

В девять двадцать — бухгалтер.

В девять тридцать Игорь прислал четырнадцать сообщений, в которых пытался выяснить, где лежат документы по мероприятию, которое должно было состояться через два дня.

Ян некоторое время смотрел на телефон.

Потом написал:

«Буду после обеда. Ничего не переносите. Всё обсудим».

Следом пришло сообщение от клиента:

«Ян, доброе утро! Мы тут подумали, а можно сделать так, чтобы праздник вообще не заканчивался?»

Ян остановился.

Перечитал сообщение.

Потом рассмеялся.

Ася выглянула из кухни.

— Что случилось?

Он показал ей экран.

Она тоже улыбнулась.

— И что ответишь?

Ян задумался.

Затем написал:

«Можно сделать так, чтобы его долго вспоминали. Закончим в 23:00».

Отправил.

Положил телефон экраном вниз.

И пошёл готовить завтрак.

Через два дня они вернулись к старой галерее.

Не потому, что надеялись найти ещё один проход.

И не потому, что хотели проверить, существует ли по-прежнему загадочный мир.

Просто Ася попросила.

Ян не стал задавать вопросов.

Они приехали вечером.

В том самом переулке, где много лет назад стоял старинный особняк, теперь находилась огороженная территория.

За металлическим забором виднелись остатки кирпичной кладки.

Несколько старых деревьев.

И небольшой участок двора, который так и не застроили.

На воротах висела выцветшая табличка с историей здания.

Ниже кто-то прикрепил небольшую фотографию.

Пожилая женщина.

С аккуратно собранными седыми волосами.

В тёмном платье.

Анна Павловна.

Ян остановился.

Ася медленно подошла ближе.

Долго смотрела на фотографию.

Потом положила возле ограды небольшой букет цветов.

Ян стоял рядом.

Не знал, что сказать.

Ася первой нарушила молчание.

— Я столько лет думала, что если смогу вернуться в тот вечер, всё исправлю.

Она посмотрела на него.

— Но ведь это невозможно.

Ян молчал.

— Я не могу изменить то, что произошло. И не могу сделать вид, что этого не было.

Она осторожно коснулась старой ограды.

— Анна Павловна пыталась нам помочь. А мы всё время думали, что справимся сами.

Ян подошёл ближе.

— Ася…

Она покачала головой.

— Нет. Мне нужно это сказать.

Некоторое время она молчала.

Потом тихо произнесла:

— Спасибо, Анна Павловна. За то, что не оставили нас.

Они постояли ещё несколько минут.

Ветер шелестел листьями.

За забором не происходило ничего необычного.

И Ян вдруг почувствовал, что именно так и должно быть.

Некоторые двери необходимо оставить закрытыми.

Не из страха.

А потому, что за ними находится прошлое, которому больше не требуется продолжение.

Прошло три недели.

Потом месяц.

Жизнь постепенно возвращалась к своему обычному ритму.

Правда, теперь у неё появились некоторые особенности.

Ася училась пользоваться современным телефоном.

Выяснилось, что за годы, проведённые между картинами, она довольно хорошо разобралась в живописи, истории архитектуры и устройстве человеческих воспоминаний.

Но совершенно не понимала, почему для заказа такси необходимо соглашаться с несколькими страницами пользовательских условий.

— Ян, — однажды спросила она, — а почему здесь всё требует регистрации?

Он посмотрел на телефон.

— Потому что миром управляют люди, которые очень любят собирать данные.

— Зачем?

— Хороший вопрос.

Она задумалась.

— А раньше можно было просто выйти на улицу и поймать машину.

— Можно и сейчас.

— Тогда зачем приложение?

Ян вздохнул.

— Ася, не заставляй меня защищать современную цивилизацию. У меня и без этого много проблем.

С документами её возвращения всё оказалось значительно сложнее.

Старые записи сохранились лишь частично, и теперь предстояло восстанавливать сведения, разбираться с архивами и подтверждать обстоятельства, которые невозможно было объяснить обычному чиновнику.

Ян по привычке составил подробный план.

Ася внимательно его изучила.

Потом взяла ручку.

Перечеркнула половину пунктов.

— Что ты делаешь? — удивился он.

— Убираю то, что я могу сделать сама.

Ян посмотрел на лист.

Потом на неё.

И рассмеялся.

— Всё. Понял. Больше не лезу.

Она улыбнулась.

— Лезь. Только сначала спрашивай.

С работой у Яна тоже начали происходить изменения.

Неожиданно для себя он стал отказываться от некоторых заказов.

Не от сложных.

Не от дорогих.

А от тех, в которых люди требовали совершенно невозможного, не понимая, зачем им это вообще нужно.

Однажды Игорь сидел напротив него в офисе и с недоумением изучал переписку.

— Подожди. Они же предлагали хорошие деньги!

— Предлагали.

— И ты отказался?!

— Да.

— Почему?!

Ян пожал плечами.

— Они хотели мероприятие, на котором все гости должны выглядеть счастливыми.

Игорь нахмурился.

— И что?

— А если человек не захочет?

— Ян, ты в последнее время какие-то странные вопросы задаёшь.

— Возможно.

Игорь некоторое время смотрел на него.

Потом усмехнулся.

— Слушай, а тебе эта Ася точно на пользу пошла?

Ян рассмеялся.

— Ещё как.

Но самым удивительным оказалось другое.

Ян снова начал получать удовольствие от работы.

Не сразу.

Сначала ему просто стало легче.

Потом он заметил, что снова придумывает необычные вещи не ради очередной презентации, а потому, что ему действительно интересно.

Однажды они с Асей шли через старый московский двор.

Возле подъезда несколько детей пытались построить сцену из картонных коробок.

Один мальчик командовал.

Другой таскал стулья.

Девочка продавала бумажные билеты.

Ян остановился.

Несколько секунд смотрел на них.

Потом улыбнулся.

— Знакомая ситуация.

Ася тоже остановилась.

— Очень.

Один из мальчиков заметил их.

— Дядь, а у вас скотча нет?

Ян посмотрел на сцену.

— Есть вопрос поважнее.

— Какой?

— У вас техническое задание утверждено?

Мальчик нахмурился.

— Чего?

Ася рассмеялась.

— Не обращай внимания. Он профессионально испорчен.

Ян присел возле картонной конструкции.

— Что строите?

— Театр.

— А кто будет выступать?

— Мы.

— И сколько гостей?

Мальчик посмотрел вокруг.

— Пока никто.

Ян задумался.

Потом достал телефон.

Написал короткое сообщение Игорю.

«Нужна небольшая колонка, два микрофона и несколько метров гирлянды».

Ответ пришёл через минуту.

«Куда?»

Ян продиктовал адрес.

Через несколько секунд Игорь написал:

«Что за мероприятие?»

Ян улыбнулся.

«Пока без названия».

К вечеру во дворе собралось около пятидесяти человек.

Дети устроили настоящее представление.

Кто-то читал стихи.

Кто-то танцевал.

Один мальчик показал фокус, после которого долго не мог найти собственную монетку.

Родители смеялись.

Соседи выглядывали из окон.

Ася помогала детям с декорациями.

Фокс важно ходил вдоль сцены, периодически получая незапланированные угощения.

Игорь приехал с оборудованием.

Посмотрел на происходящее.

Потом на Яна.

— Сколько бюджет?

— Ноль.

— Серьёзно?

— Абсолютно.

— А прибыль?

Ян посмотрел на сцену.

Дети пытались запустить бумажный самолёт, который никак не хотел лететь в нужную сторону.

— Пока не считал.

Игорь покачал головой.

— Ты точно изменился.

Ян усмехнулся.

— Немного.

Представление закончилось в девять вечера.

Дети долго аплодировали друг другу.

Потом разобрали сцену.

Собрали картон.

Унесли стулья.

И постепенно разошлись по домам.

Один мальчик подошёл к Яну.

— А завтра будет продолжение?

Ян посмотрел на него.

— Хотите?

— Да!

— Тогда придумайте, что будете делать.

— А вы поможете?

Ян улыбнулся.

— Если понадобится.

Мальчик задумался.

Потом спросил:

— А можно сделать так, чтобы у нас праздник каждый день был?

Ян посмотрел на Асю.

Она стояла возле сцены.

Улыбалась.

Он снова повернулся к мальчику.

— Знаешь, каждый день не обязательно.

— Почему?

— Потому что иногда нужно просто пожить. Тогда на следующем празднике будет о чём рассказать.

Мальчик подумал.

Потом серьёзно кивнул.

— Ладно.
И побежал к друзьям.
Ася подошла ближе.
— Хороший ответ.
Ян пожал плечами.
— Где-то слышал.
В тот вечер они вернулись домой поздно.
Фокс почти сразу уснул.
Ася поставила на стол небольшую коробку.
Ян заметил её впервые.
— Что это?
— Краски.
— Зачем?
Она улыбнулась.
— Хочу кое-что нарисовать.
Он усмехнулся.
— Только не дверь.
— Нет.
— И не бесконечный праздник.
— Тоже нет.
— Тогда ладно.
Ася достала из коробки чистый холст.
Поставила его на мольберт.
Некоторое время смотрела на белую поверхность.
Потом взяла кисть.
И начала рисовать.
Ян сначала наблюдал.
Потом ему позвонили по работе.
Он ушёл в соседнюю комнату.
Когда вернулся, картина была почти закончена.

На ней изображался небольшой город.
Старые дома.
Узкие улочки.
Площадь.
Трамвай.
Пекарня.
И маленькая книжная лавка.
Над лавкой висела вывеска:
«НЕЗАКОНЧЕННЫЕ ИСТОРИИ»
Ян остановился.
— Ася…
Она повернулась.
— Что?
— Это же…
— Да.
Он подошёл ближе.
На картине была изображена Маячная.
Но немного другая.
Более светлая.
С новыми домами.
С зелёными деревьями.
С настоящим мостом через реку.
Ян внимательно посмотрел на полотно.
И вдруг заметил маленькую фигурку возле остановки.
Мальчик.
В зелёной куртке.
С рюкзаком.
— Женька?
Ася улыбнулась.
— Посмотри внимательнее.

Ян приблизился.
Мальчик на картине поднял руку.
Помахал.
Ян отступил.
— Нет…
Ася рассмеялась.
— Да.
На соседней улице появился красно-белый трамвай.
Он медленно проехал по нарисованным рельсам.
За рулём сидел Семён Ильич.
Возле пекарни стояла тётя Рая.
Она разговаривала с пожилым мужчиной.
А возле нового книжного магазина виднелись Лика и Вера.
Ян смотрел на картину.
Не веря собственным глазам.
— Но ведь мы закрыли переход.
Ася покачала головой.
— Мы закрыли старую историю.
Она улыбнулась.
— А новая продолжается.
Ян медленно опустился на стул.
— То есть город существует?
— Конечно.
— И они там живут?
— Да.
— А Виктор Сергеевич?
Ася подошла ближе.
Указала на небольшую лавочку возле фонтана.
На ней сидел мужчина в тёмном костюме.
Перед ним стояла шахматная доска.

Напротив — пожилой человек.
Они оживлённо спорили.
Ян прищурился.
— Это он?
Ася кивнула.
— Похоже.
На картине Виктор Сергеевич раздражённо передвинул фигуру.
Его собеседник что-то ответил.
Мужчина усмехнулся.
И впервые за всё время выглядел просто человеком.
Без программы.
Без власти.
Без необходимости делать счастливыми десятки тысяч людей.
Ян улыбнулся.
— Ну вот. Нашёл себе занятие.
Он посмотрел на другую часть города.
Там виднелся небольшой театр.
Над входом висела вывеска:
«СВОБОДНАЯ СЦЕНА»
На афише было изображено знакомое лицо.
Ян.
Точнее, один из его двойников.
Под фотографией стояло имя:
ЯН. ПЕРВЫЙ МОНОСПЕКТАКЛЬ.
Ян рассмеялся.
— Ну конечно. Артист.
Ася подошла ближе.
— Что?
— Ничего. Просто некоторые люди действительно нашли себя.
В дальнем углу картины находился небольшой дом.

Двухэтажный.

С садом.

На крыльце стоял мужчина с седыми волосами.

Старший Ян.

Он держал в руках кружку.

И смотрел на проходивший мимо трамвай.

Ян улыбнулся.

— А этот, кажется, наконец-то отдыхает.

Ася посмотрела на него.

— Ты ему завидуешь?

Ян задумался.

— Немного.

Потом усмехнулся.

— Но теперь хотя бы понимаю, что для этого необязательно стареть ещё двадцать лет.

Картина продолжала жить.

Люди ходили по улицам.

Открывались магазины.

По площади проезжали велосипедисты.

На одной из крыш рабочие устанавливали новую вывеску.

Ян заметил, что она появилась совсем недавно.

Золотые буквы.

Аккуратный шрифт.

«ГОРОД СВОБОДНЫХ ИСТОРИЙ»

Он долго смотрел на надпись.

Потом улыбнулся.

— Женька добился своего.

Ася кивнула.

— Похоже.

— А кто теперь главный?

Она посмотрела на него.
— В каком смысле?
— Ну, кто управляет городом?
Ася задумалась.
Потом пожала плечами.
— Наверное, сами жители.
Ян рассмеялся.
— Прекрасно. Значит, я наконец-то могу уйти в отпуск.
Вдруг в дверь позвонили.
Ян удивлённо поднял голову.
Посмотрел на часы.
Почти полночь.
Он подошёл к прихожей.
Открыл дверь.
На пороге никого не было.
Только маленькая картонная коробка.
Ян поднял её.
Внутри лежал конверт.
На нём было написано:
«ГЕНЕРАЛЬНОМУ ОРГАНИЗАТОРУ»
Ян тяжело вздохнул.
— Да вы издеваетесь.
Он вернулся в комнату.
Ася посмотрела на конверт.
— Что там?
— Похоже, ещё один заказ.
Ян открыл письмо.
Внутри находилась открытка.
На лицевой стороне — фотография нового города.
На обратной — несколько коротких записей.

«Ян! Мост наконец достроили. Теперь можно нормально ездить. Семён Ильич».

«Вера открыла книжный магазин. Приходите, когда захотите. Лика».

«Я нарисовал новую карту. Она в два раза больше старой! Женька».

«Карнавал теперь закрывается в десять вечера. Иногда даже раньше. Регина».

Ян улыбался, читая каждую строку.

Последняя была написана другим почерком.

Старым.

Неровным.

«Главное, парень, не забывай, что праздник существует ради людей, а не люди ради праздника. Дядя Паша».

Ян долго смотрел на эти слова.

Потом перевернул открытку.

На фотографии, возле старого фонаря, стоял пожилой мужчина.

С баяном.

В кепке.

Он улыбался.

И смотрел прямо на Яна.

— Это он? — тихо спросила Ася.

Ян кивнул.

— Да.

Она взяла открытку.

Посмотрела на фотографию.

— Он ушёл?

Ян задумался.

Потом покачал головой.

— Не знаю.

Они некоторое время молчали.

Ян положил открытку на стол.

Рядом с красками.

И вдруг почувствовал странное спокойствие.

Некоторые люди появлялись в его жизни ненадолго.

Другие оставались на годы.

Третьи исчезали так неожиданно, что потом всю жизнь приходилось вспоминать, действительно ли они существовали.

Но теперь он знал одну вещь.

Не всё, что исчезает из поля зрения, исчезает навсегда.

Иногда люди просто продолжают свои истории в другом месте.

И это не обязательно означает, что их нужно немедленно искать.

Иногда достаточно знать, что они есть.

Прошло ещё несколько дней.

Картина заняла место в гостиной.

Ася отказалась вешать её над диваном.

Сказала, что там слишком мало света.

Поэтому Ян переставил мебель.

Снял старый постер.

Перенёс торшер.

И в конце концов они нашли подходящее место возле окна.

— Ну что? — спросил Ян.

Ася отошла на несколько шагов.

Посмотрела.

Потом улыбнулась.

— Теперь хорошо.

Фокс подошёл к картине.

Понюхал нижний край рамы.

Потом сел.

И начал внимательно смотреть на изображённые улицы.
Ян рассмеялся.
— Только не вздумай снова туда один уйти.
Фокс повернул голову.
Посмотрел на хозяина.
И демонстративно улёгся возле картины.
В один из вечеров Ася подошла к Яну.
Он сидел за ноутбуком.
Перед ним находилась смета очередного мероприятия.
— Ян.
— Да?
— Я хочу кое-что показать.
Он закрыл ноутбук.
— Что?
Она взяла его за руку.
Подвела к картине.
Ян посмотрел.
Город выглядел совершенно обычно.
Трамвай.
Площадь.
Магазины.
Люди.
Но в дальнем конце улицы появился небольшой дом.
Двухэтажный.
С большим окном.
Садом.
И деревянной скамейкой возле входа.
Ян нахмурился.
— А это что?
Ася улыбнулась.

— Я нарисовала.

— Красиво.

— Нравится?

— Очень.

Она посмотрела на него.

— Тогда пойдём?

Ян замолчал.

Потом перевёл взгляд на картину.

— Куда?

— Туда.

Он удивлённо поднял брови.

— Ася…

Она засмеялась.

— Не навсегда.

Ян медленно улыбнулся.

— А зачем?

— Хочу показать тебе наш дом.

Он посмотрел на неё.

Потом на Фокса.

Пёс уже поднялся.

Стоял возле картины.

Вилял хвостом.

И выглядел человеком, который заранее согласовал все пункты технического задания.

— Ну что ж, — произнёс Ян. — Раз заместитель одобряет…

Ася рассмеялась.

Она протянула руку.

Коснулась деревянной рамы.

И на картине медленно открылась маленькая калитка.

За ней виднелась дорожка.

Сад.

И вход в дом.

Ян несколько секунд смотрел на происходящее.

Затем повернулся к Асе.

— Только с одним условием.

Она нахмурилась.

— Каким?

— Выход всегда открыт.

Ася улыбнулась.

— Договорились.

Они шагнули внутрь.

Фокс первым побежал по дорожке.

Обнюхал кусты.

Проверил калитку.

Затем направился к дому.

Ася шла рядом с Яном.

Держала его за руку.

В саду пахло травой.

В окнах горел свет.

Где-то неподалёку звенел трамвай.

На соседней улице смеялись дети.

Вдалеке играла музыка.

Не громкая.

Не навязчивая.

Обычная музыка, которую кто-то включил для собственного удовольствия.

Ян остановился возле крыльца.

Посмотрел на Асю.

— Слушай, а ведь неплохо получилось.

Она улыбнулась.

— Что именно?

Он огляделся.

На дом.

На сад.

На город.

На Фокса, который уже устроился возле двери.

— Всё.

Ася прислонилась к его плечу.

Они некоторое время стояли молча.

Потом она тихо произнесла:

— Ян.

— Да?

— А ты не жалеешь?

Он посмотрел на неё.

— О чём?

— Что всё произошло именно так.

Ян долго думал.

Он помнил старую галерею.

Пожар.

Анну Павловну.

Годы, которые они потеряли.

Людей, которых встретили.

Свои ошибки.

Чужие ошибки.

И огромное количество дверей, через которые пытался пройти, надеясь однажды найти идеальный ответ.

Наконец он произнёс:

— О многом жалею.

Ася опустила глаза.

Но Ян продолжил:

— Только больше не хочу прожить другую жизнь вместо своей.

Она посмотрела на него.

Улыбнулась.

И крепче сжала его руку.

Тем временем в настоящей московской квартире продолжала висеть картина.

На ней был изображён небольшой город.

С узкими улицами.

Трамваем.

Пекарней.

Книжным магазином.

И двухэтажным домом с садом.

Если бы кто-нибудь внимательно присмотрелся, то заметил бы возле дома двух человек.

Мужчину.

Женщину.

И собаку, которая носилась между кустами.

Мужчина сидел на деревянной скамейке.

На нём был шарф.

Рядом лежала старая кепка, неизвестно откуда появившаяся в саду.

Женщина сидела рядом.

Они разговаривали.

Иногда смеялись.

Иногда молчали.

А на стене возле калитки висела небольшая деревянная табличка.

На ней аккуратными буквами было написано:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ».

Ниже находилась ещё одна надпись.

Сделанная, судя по всему, значительно позже.

И совершенно другим почерком.

«ВХОД СВОБОДНЫЙ. ВЫХОД ТОЖЕ».

На следующее утро в московской квартире зазвонил телефон.

Потом ещё раз.

И ещё.

На экране высветилось имя Игоря.

Вызов продолжался довольно долго.

Наконец связь установилась.

— Ян, привет! Ты не спишь?

На другом конце несколько секунд молчали.

Потом раздался знакомый голос:

— Нет. Я просто лежу с закрытыми глазами и разговариваю с тобой во сне.

Игорь рассмеялся.

— Слушай, тут небольшая проблема.

Ян открыл один глаз.

Посмотрел на Асю, которая сидела рядом и пила кофе.

Потом на Фокса, спавшего возле двери.

И улыбнулся.

— Игорь.

— Что?

— Если проблема небольшая, реши её сам.

— А если большая?

Ян задумался.

Потом ответил:

— Тогда приезжай. Вместе что-нибудь придумаем.

Он положил телефон.

Ася посмотрела на него.

— Работа?

— Да.

— Поедешь?

Ян посмотрел на часы.

Потом на солнечный сад за окном.

И улыбнулся.

— Чуть позже.

Фокс поднял голову.

Завилял хвостом.

Где-то далеко, за пределами нарисованного города, зазвучала знакомая мелодия баяна.

Ян прислушался.

Улыбнулся.

И на этот раз не стал искать, откуда доносится музыка.

Он просто остался рядом с теми, кого любил.

Потому что впервые за много лет ему никуда не нужно было торопиться.

И никакая новая история не требовала, чтобы он немедленно становился её главным героем.

Впереди оставалось множество дорог.

Но теперь он знал:

Не обязательно знать, чем закончится история, чтобы быть счастливым внутри неё.

К О Н Е Ц